

Марина Плюснина

ХРОНИКИ ВЕЛИКИХ ДОМОВ

Часть вторая. Эпоха Неизбежности.

Марина Плюснина

**Хроники Великих домов. Часть
вторая. Эпоха Неизбежности**

«Автор»

2026

Плюснина М.

Хроники Великих домов. Часть вторая. Эпоха Неизбежности /
М. Плюснина — «Автор», 2026

Тучи сгущаются над страной двенадцати королевств. Керлиндер, считающийся отступником, понимает, что совсем скоро придёт время истинным наследникам его дома вернуться в Амбэралу. Но будет ли им куда возвращаться? Великие Дома содрогаются во внутренних противоречиях. Новое поколение постепенно берёт бразды правления в свои руки, а Акессиэль даже не догадывается о том, что его друзьям удалось выжить.

© Плюснина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Начало	5
Глава 1. Катерина	10
Глава 2. Эмриссия	48
Глава 3. Керлиндер.	111
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Хроники Великих домов. Часть вторая. Эпоха Неизбежности

Начало

Посвящается моим родителям:
Плюсниной Елене Валерьевне и
Плюснину Максиму Валентиновичу
за то, что поддерживали меня,
несмотря ни на что.

Сон никак не шёл, она не хотела спать и не понимала, почему окружающие принимают её нежелание за каприз. Девочка никогда не была капризной, и ей было обидно, что собственная мама обвиняет её в подобном. Да, её мама не всегда всё понимала, но зато любила её так сильно, насколько позволяло ей сердце, и юная Катерина осознавала это, хоть и не могла сдержать собственного возмущения, когда Уриния снова и снова пыталась неуместно оспорить или подавить её мнение. Вот и сейчас младшая королева дома Истаресс, недовольно поджав губы, строго велела дочери спать и удалилась, громко хлопнув дверью. Но Катерине не спалось. По какой-то необъяснимой для неё самой причине ей было плохо: хотелось кричать, плакать, забиться куда-нибудь подальше или лучше оказаться на руках у отца, который точно сможет защитить её от всего на свете. Но сейчас его не было рядом. Мама не объяснила ей причины, но девочка подозревала, что его отсутствие было связано с её дядей Фернандессом, который наверняка просил его зайти к нему после ужина. Уриния ничего не знала об этих посиделках, а Катерина знала, и один раз ей даже удалось на них побывать. В тот вечер Король и наместник Истаресс обсуждали недавнюю трагедию - гибель правящей семьи Великого дома Морзано и множества жителей, проживавших в главной цитадели. Её отец утверждал, что Ерардэр Морзано никогда не сдался бы без боя, и то, что произошло, должно было побудить их задуматься о том, а находятся ли в безопасности они сами? Древние чертоги Великих домов считались неприступными, но после падения цитадели дома Морзано это нельзя было утверждать с уверенностью. Дом севера не был падшим, он был в расцвете своих сил и всё равно пострадал в битве с неравным врагом. Керлиндер молчал, хотя Юанесс был уверен, что наместнику известно намного больше, но по какой-то причине он не желает говорить об этом с кем-либо. Младший Истаресс настаивал на укреплении границ и перехода дома памяти в оборонительное состояние. Их резиденция была храмом, а значит, не обладала такой защитой, как воинские цитадели, но могла хотя бы попытаться обезопасить себя чуть лучше. Дом памяти знал многое и мог использовать эти уловки для самозащиты, но Фернандесс не поддержал его решение.

- Мы не можем закрыться от всего мира, Юанесс, - отрешённо проговорил он, не глядя на своего брата. Смерть Ерардэра не на шутку поразила его, но Фернандесс был Королём, а значит, не мог позволить себе долго предаваться скорби. Вот и сейчас, стоически выслушав аргументы своего наместника, он ответил:

- Дом памяти открыт для всех так же, как и дом времени. Это закон, и на нём основано равновесие Амбэральских земель. Да, сейчас наши знания не так необходимы миру. Возможно, стоило бы закрыть хранилище на долгие годы, пока окончательно не наступит мир, но знаешь, мне кажется, нам с тобой не удастся дожить до этого времени, - глава дома слегка обернулся и встретился глазами с собственным братом.

- Моя жена - урождённая Фъене, и, возможно, её сила теперь - часть меня, как и моих сыновей. И я чувствую, что не будет мира. Надежда на него тает с каждой секундой, и не в наших руках его спасение, - Фернандесс глубоко вздохнул и отвернулся. - Мы не можем лишить знаний тех, кто будет в них нуждаться больше всего. Мы усилим оборону, обновим защиту, но не закроем храм для тех, кому действительно будет нужна наша помощь. Возможно, я и поплачусь за это решение, но я как глава дома принимаю его.

Юанесс в тот вечер только кивнул в ответ своему брату. Фернандесс не поддавался панике и выполнял свой долг не только перед приближёнными дома Истаресс, но и перед всей Амбэралой, и Юанесс уважал его за это. Каким бы балагуром не был старший из братьев дома памяти, в нужных обстоятельствах он всегда становился тем, кем должен быть: законным Королём и главой своего дома. Именно в тот момент двое правителей заметили притихшую у огня Катерину, которая сидела, не шелохнувшись, боясь прервать серьёзные разговоры отца и дяди. Они не увидели её, когда вошли сюда, да и девочка в свои юные годы обладала удивительным свойством оставаться незаметной, естественно, когда это было нужно ей самой. Вот и сейчас Катерина с удивлением смотрела на взрослых, боясь проронить хоть слово. Юная принцесса не до конца понимала, о чём они говорили, но чувствовала, что этот разговор очень важен, и старалась ловить каждое слово, надеясь, что рано или поздно она поймёт его смысл и, может быть, даже сможет помочь своей семье. В свои юные годы Катерина была на удивление умна, начитанна и знала наизусть все отделы и переходы хранилища храма Истаресс, за исключением тех помещений, что являлись ритуальными или закрытыми даже для неё. Взрослые поощряли её увлечения, а дядя смеялся, что слишком давно в их семье не было очаровательной принцессы, которую можно было бы баловать. Его собственные сыновья были ещё слишком малы. Аткинэссу вот-вот должно было исполниться восемь лет, а Акжелэссу уже было полных четыре года, и он не переставал заявлять об этом всем присутствующим. Катерина не испытывала особой привязанности к своим двоюродным братьям. Конечно, она любила их, но предпочитала проводить своё время обособленно, взаимодействуя с ними лишь в случае необходимости. Вместе юные наследники Истаресс были очень шумными и неутомимыми детьми. Удивительно, что порознь они представляли собой совершенно противоположную картину. Аткинэсс, голубоглазая копия своего отца: те же светло-рыжие волосы, то же отсутствие манер и малейшего понимания о них, когда в этом нет серьёзной необходимости. Он казался бунтарём, желающим всё делать наперекор, даже несмотря на то, что был ещё слишком юн для таких проделок. Старший из братьев был открыт и прозрачен и, если уж делал пакость, то с такой искренностью и весельем, что на него просто невозможно было сердиться, не говоря уже о том, чтобы обижаться на его шутки. Младший из наследников Истаресс был полной противоположностью своего старшего брата. На удивление закрытый и замкнутый, он предпочитал оставаться в стороне и быть незаметным. Юный Акжелэсс не любил внимания или даже, скорее, опасался его. Его внутренний мир был закрыт от посторонних, и очень немногие могли похвастаться тем, что были способны заглянуть в его душу. Но мир его души был прекрасен, в нём росли зародыши стольких чудесных цветов, и нужна лишь нежная забота, чтобы в целости взрастить их, не причинив вреда. В отличие от старшего брата, Акжелэсс был усидчив и серьёзно относился к своим обязанностям. Он мог снова и снова пытаться достичь чего-то, в то время как Аткинэсс уже давно бросил это занятие, пытаясь отвлечься на что-то более интересное. Они были братьями, но всё же видели мир под совершенно разными углами, в результате чего возникали постоянные ссоры и недомолвки. Сальватору не на шутку тревожило поведение сыновей, а Фернандесс только усмехался: «Когда-нибудь они поймут, что на этом свете у них нет никого дороже друг друга, и только тогда все эти наигранные войны прекратятся. Ты не сможешь объяснить им это сейчас, они сами поймут, когда придёт время. Будем надеяться, что это произойдёт достаточно скоро». Вторая наследница Фъене только кивала, понимая, что, как бы королева ни желала мира и спокойствия в своей семье, даже она была не властна над

свободной волей собственных детей. Тем не менее Сальватора не оставляла попыток сблизить их, веря, что Великая сила приведет её в верном направлении и, как всегда, подскажет ей путь. Сама Катерина очень любила супругу своего дяди. Она казалась ей нереальным существом, самым воплощением какой-то неведомой силы, что притягивала её, словно магнит. Сальватора тоже обратила внимание на свою племянницу, и юной Истаресс даже удалось подслушать её разговор с Уринией, где супруга главы дома утверждала, что девочка необычайно талантлива, и проявляет способности не только к силе Истаресс, но и, возможно, даже Фьене. Супруга Юанесса вежливо выслушала правящую королеву, но тут же отклонила её предложение об обучении Катерины. Уриния была уверена, что её дочь не создана для таких высот и её место – это роль наследницы второго круга, которая больше занимается хозяйственными делами, чем влезает в сложные переплетения неведомой силы. Катерина помнит, как она рыдала в ту ночь от того, что теперь никто не будет её учить. Ей не нужна была эта роль, к которой её упорно готовили. Она хотела узнавать новое, открывать невиданное, сдувать пыль со знаний прошлого и направлять их в будущее. В мире было ещё столько интересного, и девочка не хотела быть заключённой в обычные рамки быта и поэтому старалась учиться сама, тайком, иногда подслушивая чужие уроки, а потом втайне пробуя повторить изученное. Раз или два за подобными занятиями её ловил отец, но не отругал, а только посоветовал ограничиться теоретическими занятиями до двадцати одного года.

- Сила твоего тела и души ещё не сформирована, – говорил он. - В этом возрасте ты только накапливаешь свою мощь, и было бы неразумно расточать её так рано. Ты ещё не вошла в свой расцвет, ты ещё слишком уязвима и беззащитна. Применив силу с какой-то целью, ты не знаешь, где в этот момент может произойти её нехватка, и какая часть тебя останется без защиты. Не спеши с этим, всё придёт в своё время.

И Катерина согласилась, бросив все свои усилия на изучение теоретических основ дома Истаресс. С каким удовольствием она порой поправляла не только братьев, но даже взрослых приближённых дома. Дядя умилялся её выходкам, а отец не одобрял такого поведения. Умный человек, в его понимании, не должен кичиться своими знаниями, иначе он превратится в гордеца, а это не то, что определяет Великого посвящённого. И девочка прислушивалась, старательно выстраивая себя на основе собственных представлений о совершенстве. Она справится, она сможет, она будет такой, что все не поверят своим глазам, когда она предстанет перед ними во всём своём великолепии. Она будет такой, каким не был ещё ни один Истаресс, и её родители будут гордиться ей и признают, что были не правы в её отношении. Да, когда-нибудь этот миг наступит, а пока неведомая тревога давила на её сердце, не давая заснуть.

Девочка встала и посмотрела в окно. Полная луна сияла, как огромный фонарь, и в её свете было что-то зловещее. Казалось, что она забирает у неё все силы, оставляя Катерину беспомощной и бездыханной на поверхности этого мира. Такие мысли не на шутку напугали юную принцессу, и она в спешке закрыла окно, не желая более лицезреть ночное светило, но спокойствия это не принесло. В цитадели было тихо, слишком тихо, чтобы Катерина могла почувствовать себя спокойно. Она хотела добежать до родителей, обнять их, забраться под одеяло и, наконец-то, почувствовать столь желанный покой и безопасность, но с недавних пор ей запрещались такие выходки, а девочка была слишком гордой, чтобы снова нарваться на выговор, даже если страх буквально пожирал её изнутри. Где-то хлопнула дверь, и на мгновение Катерине послышалось, что открылись главные ворота, но она тут же отбросила эту мысль. Кто может ночью явиться в храм памяти, тем более в такое беспокойное время? Да и все хранители цитадели уже в своих постелях, кроме, естественно, тех, кто находился на посту. Затихше, более зловещее, чем в самых страшных кошмарах, а потом пронзительный крик. Нет, этот крик был не просто звуком, он прошёлся на более тонком уровне, и маленькая принцесса не смогла бы даже объяснить свои ощущения, но этот звук звенел в её ушах, и Катерина закричала, в панике зажав уши. Крик предназначался не ей, но через неё вмиг прошло всё, что было

заключено в этом звуке: ужас, отчаяние, опасность, тревога, конец. Этот крик был предсмертный и трезвонил громче сирены, моментально срывая сон и наполняя паникой детское сердце. Не зная, что предпринять, Катерина в ужасе забилась в самый дальний угол своей комнаты, надеясь, что это сможет спасти её от неминуемого.

За стеной раздались тяжёлые быстрые шаги. Слышно было, что идущий то и дело срывался на бег. Он шёл уверенно, точно зная, куда идти и где его цель. С грохотом резная дверь её комнаты распахнулась, и такой знакомый, родной, непривычно взволнованный голос прогрохотал:

- Катерина!

- Папа! - тут же закричала девочка, выскочив из своего укрытия и бросившись в объятия к отцу. Юанесс на секунду прижал к себе дочь, прежде чем поспешил как можно скорее покинуть комнату, быстро ведя её за собой.

- Что случилось? Что произошло? - не переставая, спрашивала девочка, но наместник молчал до того момента, пока они не подошли к центральной лестнице.

- Иди вниз, - твёрдо сказал он. - Там внизу Уриния, она уведёт тебя в безопасное место.

- Но что случилось? - перебила Катерина, боясь даже отпустить руку своего отца.

- Цитадель в осаде, - бросил наместник, то и дело оглядываясь по сторонам, - мне нужно идти, я нужен Фересу, а тебя ждёт мать.

- Но как так... Почему..., - девочка никак не могла поверить и осознать, что её дом в опасности. Что случилось что-то, с чем даже её всемогущие близкие не могут справиться. - Но всё ведь будет хорошо? С тобой всё будет хорошо?!

- Иди, - рявкнул Юанесс, на мгновение прижав к себе дочь и с силой подтолкнув её по лестнице.

Катерина неслась вниз, изо всех сил желая оглянуться, но не смея послушаться приказа. Она сама не помнила, как спустилась, пока звонкий, но непривычно срывающийся голос матери не вернул её к реальности.

- Кети, поторопись, скорее!!! Пойдём, нам надо идти!

Они бежали по залам и коридорам, о существовании которых юная Истаресс никогда не слышала, хотя, казалось бы, перечитала всю возможную литературу про устройство и тайны её дома. Они спускались и поднимались, всё дальше и дальше углубляясь в цитадель, пока, наконец, не остановились перед невзрачным едва заметным тоннелем, который сливался со стеной, и, не зная о его существовании, найти его среди свалки различных вещей было бы практически невозможно.

- Вот, - запыхавшаяся Уриния с силой отодвинула несколько ящиков, высвобождая проход настолько, чтобы юная Катерина могла в него протиснуться, - беги туда и не оглядывайся. Этот ход выведет тебя в лес недалеко от земель Фьене. Беги, сколько можешь бежать, и избегай неизвестных прохожих. И ещё, - она вытащила из кармана что-то похожее на медальон и быстро повесила на шею девочке, - это твой отец велел отдать тебе, а это, - она достала свёрнутые небольшие ножны, - это тебе от меня, знаю, что ты умеешь с этим обращаться...

- Мама! - словно очнувшись, воскликнула Катерина. Клинок в руках, медальон на шее, к чему всё это?!

- Перестань, - фыркнула Уриния, но при этом она продолжала нежно улыбаться, как будто впервые разглядывая свою дочь, - я должна вернуться за твоими братьями и забрать их. Юанесс и Фернандесс всеми силами пытаются сдержать осаду цитадели, и я постараюсь помочь им, чем смогу. А твоя цель выжить! Слышишь, выжить!!! Несмотря ни на что, ты справишься, ты намного сильнее Юанесса, не говоря уже обо мне. Ты сможешь совершить невозможное, ведь ты настоящее чудо, которое за неведомые заслуги мне подарила сила.

- Мама! - содрогаясь от рыданий, закричала Катерина, но Уриния лишь на мгновение прижала к себе свою дочь, прежде чем с силой направить её в проход и попытаться закрыть его, чтобы скрыть от посторонних глаз.

Слыша удаляющиеся шаги матери, Катерина поняла, что она отправилась за братьями, а ей нужно бежать... Бежать... Бежать!!!

Ничто, кроме этого последнего крика не осталась в её голове. Сколько она бежала, какие дали преодолела, она не помнила. Всё прошло как будто в забытии. Девочка знала, что ей нужно бежать, и эта мысль вытеснила собой всё. Не было ни боли, ни усталости, только стремительный бег сквозь пространство и время, туда, где ей помогут. И пусть Катерина не знала где это, но это место обязательно есть. Оно существует, и она добежит до него, чего бы ей это не стоило. Последнее, что помнила девочка, было то, как она в бессилии рухнула на высокие белоснежные ступени, уже практически теряя сознание, не понимая, ни где она находится, ни как она сюда попала, когда послышался звук открываемой двери. Высокий синий силуэт промелькнул перед её взором, а чей-то глубокий голос удивлённо и в то же время обеспокоенно воскликнул «Катерина!», прежде чем сознание девочки окончательно оставило её...

Глава 1. Катерина

Сумрак - обычное состояние погоды для земель Мюриэле в этом сезоне. Природа словно не желала света, снова и снова покрывая западные земли серым покрывалом облаков и дождей. Природа, чувствуя настроение Великого правителя, пыталась разделить с ним его тревоги, но не могла, ибо сердце человеческое не очистишь осенним дождём. Абриэль чувствовал себя старым, в такие годы у обычных людей наступает самый расцвет сил и возможностей, но ему казалось, что его век был настолько тяжёл и долог, что покой для него - единственная награда в этом мире. Нелегка доля Великого Короля, и ещё тяжелее она становится, когда ты не в силах понять, что происходит вокруг тебя. Как защитить свою семью и восстановить мир в доверенных тебе землях? Он ещё помнит, как шесть лет назад был уничтожен дом его друга. Человека, сила и могущество которого поражало порой его самого! И он был повержен. Еرارдэр Морзано, его самый близкий друг и почти что родственник, был убит в собственной цитадели со всей своей семьёй. Никто так и не понял, что произошло в сердце Великого северного дома, и какая сила смогла сокрушить законного правителя и Спящую корону Иль-де-Нарса, равной которой не было ни в Амбэрале, ни в землях Голубых лесов. Даже спустя годы он не смог найти ответы, как такое могло произойти. Первой мыслью было обратиться к Керлиндеру, брату и наместнику Еرارдэра. Но того словно подменили. Всегда открытый, остроумный и вполне благоволяющий Абриэлю Керлиндер вдруг превратился в безэмоциональное изваяние, с холодом и безразличием смотрящее на этот мир. В то утро, когда Мюриэлю сообщили о трагедии, он, отбросив все дела, сорвался в цитадель северного дома. Найдя Керлиндера в кабинете, Абриэль надеялся услышать честный, открытый ответ о том, что произошло с его другом. Ведь наместник знал, что Мюриэле сделает всё, чтобы отомстить за эту трагедию и наказать виновных. Он был готов поднять все Великие дома, пойти войной на Литеуса, только бы знать, кто повинен в этой трагедии. Однако, вопреки ожиданиям, его встретил холодный и весьма официальный приём. Керлиндер едва взглянул на него, прежде чем сдержанным тоном сообщить, что ничего пока не известно. Он сам подоспел слишком поздно и просит правителя Мюриэле покинуть цитадель, чтобы не мешать северному дому в своём расследовании. Абриэль опешил от такой наглости. Керлиндер, которому он доверял не меньше, чем Еرارдэру, который в ту далёкую ночь обратился к нему за помощью, чтобы вдохнуть уверенность в своего брата. Тот самый Керлиндер, в преданности которого не сомневался никто из знающих наместника северного дома, сейчас выставляет его за дверь, не давая никаких ответов.

Мюриэле вспылil, и готов был буквально вытрясти из наместника признание, но тот сдержанно намекнул, что замок охраняется, и ещё раз попросил его удалиться.

Да, Абриэлю не единожды приходилось видеть чудеса дипломатии младшего Морзано, но он никогда бы не подумал, что эти приёмы будут применены на нём самом. Мюриэле покинул цитадель, но беспокойство в его душе только нарастало. Почему Керлиндер не дал ему ни намёка? Что могло произойти, чтобы наместник так сильно ополчился против него? Что он сделал, чтобы потерять доверие северного дома, дома, которому он доверил судьбу своего сына?!

Чуть позже он узнал, что Гретелия отреклась от своего младшего внука. В высших кругах Амбэралы это означало, что Керлиндер теперь считался отступником,... но он не был им... Абриэль был готов поклясться, что младший Морзано не отступник, но и никакого другого объяснения этой ситуации он не мог найти. Чтобы Керлиндер убил Еرارдэра... Да даже в самом сумасшедшем сне он не мог представить себе такую картину. Керер был предан своему брату, и невозможно было поверить, чтобы такая преданность исчезла без следа.

Позже на Совете случился настоящий хаос. Главы домов кричали, требуя ответа. Больше всех негодовал Фернандесс. Его дар памяти открывал ему смутные картины, которые никак

не вязались с действительностью, и он требовал ответа у единственного человека, который мог хоть что-то знать об этой трагедии. Но Керлиндер оставался безмолвным. Падшие смогли проявить весь свой изощрённый ум, описывая, как младший Морзано покончил с братом и по какой причине, но наместник не реагировал. Он без единого слова сносил все нападки, не отвечал на колкости и допускал любые версии произошедшего, звучащие в зале. На мгновение в голове у Абриэля пронеслась мысль, что так стоически может держаться только человек, полностью уверенный в своей правоте и невиновности. Неважно, что будет сказано, он знает правду, и его совесть перед самим собой чиста. Но тогда Мюриэле не удосужился зацепиться за эту мысль, снова погрязнув в пучине сомнений.

После Совета дом Морзано объявил закрытое положение, и Керлиндер, проклинаемый всеми, заперся в своей цитадели, занимаясь только ему известными делами.

С тех пор прошло три года, прежде чем новый взрыв ужаса прогремел над Амбэральскими землями. В одну осеннюю ночь дом памяти был практически стёрт с лица земли. Если в случае дома Морзано остались немногие выжившие из хранителей замка, то здесь не пощадили никого. Верхний храм полностью сгорел, оставив после себя чёрные развалины, даже отдалённо не напоминающие прекрасный дом семьи Истаресс. Все жители цитадели погибли, включая Короля и наместника, остатки тел которых были найдены утром. Неведомая сила уничтожила их замок, но в святая святых Великого дома памяти так и не смогла проникнуть. Выжить удалось лишь троим: двум наследникам дома Истаресс, которых Уриния Фулси, супруга Юанесса, смогла спрятать в убежище недалеко от хранилища, и единственная дочь наместника дома памяти, которая неизвестным образом оказалась на пороге храма Фъене, представ перед глазами ничего не понимающей Касфан. Со слов Катерины было выяснено, что некто неизвестный поздней ночью пришёл в храм якобы просить о помощи Великих хранителей дара памяти. По непонятным причинам его встретила Сальватора, а не один из братьев Истаресс. Очевидно, недооценив способности королевы, злоумышленник решил покончить с ней, но одна из Великих Фъене подняла зов, разбудив весь замок и сообщив об опасности. Что происходило дальше, девочка не знала. Мать вывела её к секретному выходу до того, как цитадель пала. Всё, что она видела, это море огня и множество странных существ, вступающих в бой с жителями их земель. Юная Катерина едва могла говорить, вспоминая всё, и только в присутствии Касфан главам Великих домов удалось выяснить хоть что-то. Наследников нашли на следующее утро, когда подросшие главы домов и прочие жители земель Истаресс осматривали то, что осталось от цитадели. В какой-то момент часть монолитной многовековой скалы у самого входа в хранилище Истаресс рухнула вниз, явив миру двух детей, продрогших, чуть живых, в глазах которых застыл страх и ужас, но, тем не менее, они не плакали. Ни один всхлип не вырвался у мальчиков, пока их высвобождали и приводили в чувство. Они словно онемели от увиденного, и все уже опасались за их разум, когда старший из наследников, ко всеобщему удивлению, поблагодарил всех присутствующих за помощь и попросил извинить его за то, что ему нужно помочь брату. Младший Истаресс всё время был рядом с ним, изо всех сил цепляясь за рубашку старшего, как за единственную опору в этом мире, и отпустить её - значит навсегда утонуть в этом кошмаре. Старший, понимая это, всё время поддерживал брата, подозрительно оглядывая любого человека, приближающегося к ним, своими светлыми, уже далеко не детскими, глазами.

Ористониус Арити, будучи одним из тех, кто подрос на помощь, осторожно опустился рядом с мальчиками, боясь спугнуть их чересчур резким приближением.

- Как твоё имя? - спросил он.

- Аткинэсс Фернандесс Истаресс, - твёрдо ответил старший из братьев, с вызовом заглядывая ему в глаза.

- Это твой младший брат?

- Да, - ребёнок явно был не расположен к длительному диалогу и старался, чтобы неприятный ему человек побыстрее ушёл.

- Нам удалось связаться с Касфан Фьене, вашей тётёй, - тем временем продолжал Арити. - Катерина, ваша сестра, сейчас у неё. Не знаю как, но она смогла добраться до храма дома времени, сейчас с ней всё в порядке...

Услышав это, Атикинэсс только кивнул, ничем не выдавая своих эмоций, а младший Истаресс, чуть было выглянувший, услышав знакомые имена, тут же снова прижался к брату.

- Ты можешь сказать, что произошло здесь? - вновь попытался Ористониус, понимая, что оба ребёнка сейчас в шоке, но ему необходимо было разобраться в ситуации.

Атикинэсс задумался, ещё раз оглядел главу дома Арити оценивающим взглядом, прежде чем глубоко вздохнуть и сдержанно продолжить.

- Нас разбудил зов мамы. Мы поняли, что что-то случилось. Везде был огонь. Тётя Уриния забрала нас из комнаты и привела в хранилище, спрятав в стене. Больше мы ничего не видели.

Ребёнок явно не договаривал, его дрожащие руки и вздрагивающие в невидимых рыданиях плечи выдавали то, что он видел гораздо больше, чем смог рассказать, но Ористониус просто не мог больше давить на этих детей. Они пережили настоящий ужас и остались в этом мире совсем одни. Не стоило сейчас пытаться вытащить из них всю правду.

Тем временем младший Истаресс, чуть осмелев, выглянул из своего укрытия, внимательно посмотрев на брата.

- Кин, - чуть слышно проговорил он, - когда мы пойдём домой?

- Не знаю, Кжел, - выдохнул старший, - не знаю...

Они не знали, сколько просидели так, обнявшись и пытаясь свыкнуться с мыслью, что теперь они единственные, кто есть друг у друга. Больше ничего не осталось, и теперь придётся самим бороться за своё существование. Только им, больше никому.

Когда к ним подошла невысокая женщина и попросила следовать за ней, Атикинэсс тяжело выдохнул, собирая всё своё самообладание, чтобы выстоять ещё одну битву в этом новом взрослом мире, и, взяв брата за руку, шагнул в неизвестность.

Они оказались в походном шатре, наспех собранном на месте происшествия. Казалось, все ждали только их. Взрослые серьёзные лица смотрели на них с жалостью и сожалением, но Атикинэсс не выносил жалости, и поэтому, гордо подняв голову, он шагнул вперёд, увлекая за собой Акжелэсса. Некоторых из присутствующих ему доводилось видеть, другие же были ему незнакомы. С правой стороны от них находился Ористониус Арити, за его спиной стояла высокая светловолосая женщина явно из Сенденов, но одетая в одежды семьи Люэно, младшая сестра их матери Жозели Фьене и её муж, глава светского дома Брюнье. Были и ещё какие-то люди, помогавшие убирать завалы, даже несколько представителей приближённых семей дома Истаресс, но ни одного представителя дома памяти, кто мог бы повлиять на решение о том, какая судьба теперь ожидает наследников погибшего дома.

Увидев продрогших, напуганных детей, светловолосая женщина хотела было проявить заботу, но Атикинэсс, быстро окинув её резким взглядом, стремительно двинулся к тётё, утаскивая за собой Акжелэсса. Жозели старалась держать себя в руках, лицо её не показывало ни единой эмоции, и лишь только знающие королеву люди могли понять, что если Жозели Фьене перестала улыбаться, значит, случилось непоправимое. Она осторожно опустилась к племянникам, заглядывая в глаза каждому из них. Атикинэсс поднял подбородок, всеми силами стараясь выдержать неравную дуэль, но, встретив в глазах королевы Брюнье то же отчаяние, что разрывало его самого, внутренне выдохнул и позволил ей заглянуть за свою маску, скрывающую напуганного и бессильного ребёнка, который как может пытается сопротивляться этому миру. Акжелэсс же, не раздумывая, прижался к тётё. Для него она была ещё одной опорой в этом безумном мире. Он не понимал ничего и, наверное, не хотел понимать, только бы его не

оторвали от брата. Аткинэсс старше, Аткинэсс знает, что делать. Акжелэсс верил в это, и эта вера придавала ему сил, хоть и не давала ни одного ответа. Их дядя не спешил подходить к ним. Викторинан всегда казался братьям слишком строгим и даже иногда страшным, но сейчас он просто стоял рядом, готовый в любой момент оградить их с Жозели от других представителей Амбэральского Совета.

- Я думаю, не стоит устраивать длительную полемику, - выступил Ористониус, оглядывая всех присутствующих, - наследникам необходим отдых и нужно оправиться от случившегося. Насколько мне известно, до других Великих домов новость ещё не успела дойти. Вопрос об Истарессах ещё будет подниматься в Совете, но до этого времени нам нужно определиться, под чьей опекой будут находиться наследники дома памяти, - он перевёл дух и продолжил чуть тише. - Как я понял, никто из Истарессов, кто мог принимать это решение, не выжил.

Повисло молчание. Ситуация была критической. Старшему наследнику не было ещё и четырнадцати, а значит, он не мог не то что претендовать на трон, но даже приравняться к уровню подмастерья и оруженосца. Аткинэсс был слишком мал для решения дел своей семьи, слишком мал для представления её в Совете, но теперь не существовало никого, кто смог бы назваться их регентом.

Викторинан вспомнил свой дом после смерти отца. Да, он тоже был ребёнком, но у него была мать, регентство которой никто не посмел бы оспорить, и которая доказала, что при её правлении дом Брюнье будет неприкосновенен, также как и при правлении её сына. Но здесь всё было по-другому. Да, у наследников остались родственники: две сестры их матери, одна из которых была главой дома времени, а другая его собственной супругой, но формально ни одна из них не могла взять регентство над ними, поскольку ни одна не имела полного понимания того, что представляет из себя истинная сила дома памяти. Регентства им не добиться, но можно попытаться перехватить опеку. Да, на долгие годы Совет останется без представителя семьи Истаресс, но мальчики выживут, и это главное.

- Жозели и Касфан - родные сёстры их матери, - громовым голосом проговорил глава дома Брюнье. - Я думаю, что на это время стоит оставить детей с ними. Полагаю, ни один другой дом не сможет позаботиться о них лучше.

- Согласен, но что будет дальше? - ответил Ористониус. - Впереди Совет, и то, что Литеус пока не знает о произошедшем, даёт нам некоторое время, чтобы решить, что делать потом.

- Что значит, что делать? - непонимающе переспросила Леттиция, и все присутствующие в непонимании обернулись к главе южного воинского дома.

- Да, Аткинэсс фактически глава дома Истаресс, - начал Арити. - Знания и мощь этого дома велики, но, тем не менее, они не столь насущны для Амбэралы как некий другой дом, - он замолчал и без слов обернулся к Жозели. Все поняли, что Ористониус хотел сказать. Фьене – вот камень преткновения власти Литеуса, вот то, что мешает падшим домам окончательно восторжествовать, то, что удерживает Великие дома от самых страшных ошибок.

- Наследие Фьене, - чуть слышно проговорила Жозели.

- Да, - кивнул Арити, - у Касфан нет наследников по причине клятвы, ваш с Викторинаном сын наследует корону дома Брюнье, остаются лишь наследники Истаресс. Если в их руках окажется судьба всех будущих союзов Амбэралы, то мы не можем позволить Литеусу добраться до них.

- Не окажется, - твёрдо проговорила Жозели, и взгляды импровизированного совета обратились к ней. - Аткинэсс - чистый Истаресс, посвящённый порядка. В нём нет ни капли того, что воплощает собой дом Фьене. В Акжелэссе этого свойства больше, но, тем не менее, недостаточно, чтобы возглавить дом времени. Они Истарессы: Король и наместник, и мы это точно знаем.

- Да, но Литеус не знает, - заговорил Викторинан, нахмурившись. - Он не настолько хорошо понимает законы наследования, да и его связь с Великими домами давно уже стала мифом.

Для него они всё равно будут Фьене, а значит, окажутся угрозой. И мы должны придумать, как сделать так, чтобы после Совета они не попали к нему в руки.

Ористониус кивнул, но был ещё один вопрос, который не давал ему покоя:

- Но что же всё-таки произошло в цитадели? – спросил он, обращаясь скорее к членам совета, чем к детям. - Что могло одолеть объединённую силу Короля и наместника в их собственном храме?!

- Мы не знаем, - ответила Жозели, и все взоры снова обратились к наследникам, которые до этой минуты не проронили ни слова. Аткинэсс стоял рядом с Викторианом, серьёзный и натянутый, как струна. В глазах его стремительно сменялись мысли, одна за другой. Он пытался понять, как поступить, но в силу возраста совершенно не успевал за развитием беседы. Акжелэсс же просто притих рядом с братом. Разговоры взрослых его успокаивали: теперь их нашли, теперь им помогут.

- Кин, - Жозели постаралась осторожно обратиться к племяннику, не пробуждая в нём тот поток отторжения, который он был готов выплеснуть на любого, кто приблизится к нему. Старший наследник сейчас слаб и поэтому будет защищаться от всего, даже нанося вред себе, не способный отличить угрозу от помощи. Однако, к счастью младшей королевы времени, её сила подействовала, и Аткинэсс обернулся к ней с всё ещё напуганным, но уже осознанным взглядом. - Ты можешь рассказать нам, что произошло?

Старший из братьев замялся. Было видно, что он не хотел поднимать этот вопрос то ли от нежелания снова окуна́ться в ужасающие воспоминания, то ли от того, что слишком много чужих людей присутствует при разговоре, но мягкий голос Жозели его убедил.

- Я не видел много, – чуть слышно заговорил он. - Нас вели по залам, которые были уже разрушены. Тетя Уриния старалась скрыть от нас, что произошло, но я видел. Там были мёртвые. Множество мёртвых наполняло залы, и было неясно, кто же убил их! Хранители, ученики, помощники – все они пали перед неведомой силой, оставляющей после себя противную трупную слизь...

- А почему трупную? - переспросил Викториан.

- Не знаю, - замялся старший Истаресс, - но думаю, так пахнет сгнившее тело человека.

Все замерли. Воображение невольно нарисовало ужасающих существ, состоящих из мёртвых тел, но Великие Короли и Королевы скорее отбросили эту мысль.

- И что дальше? - также осторожно спросила Жозели.

- А дальше нас закрыли, – уже более уверенно продолжал Аткинэсс. - Не знаю, что происходило вокруг. Мы слышали только крики, удары и падение чего-то огромного. Что-то пыталось пробиться через плиту, но тщетно. Потом меня ударило запечаткой.

- Запечаткой! – одновременно воскликнули Ористониус, Викториан и Жозели, которая на мгновение потеряла спокойный тембр своего голоса.

- Что это значит? – переспросила Леттиция, не понимая, о чём сейчас говорил ребёнок.

- Это значит, что оба главы дома Истаресс отказались от своих жизней и защиты своих земель, чтобы сделать хранилище дома памяти недосягаемым для любых рук. Юанесс закрыл хранилище, а Фернандесс подземную часть храма. Похоже, у них уже не оставалось надежды на что-либо иное, - ответил Арити.

- Но как скрытый в убежище наследник смог узнать об этом? – продолжала Сенден.

- Запечатка связана с базовой силой дома, – пояснила Жозели, - и наследники, особенно жреческие, всегда ощущают движение этой силы.

Леттиция опустила взгляд. Среди присутствующих глав домов она единственная не имела истинного посвящения и представления о том, что такое настоящая жреческая мощь, даже будучи дочерью жреческого дома.

Жозели хотела извиниться за бестактность, но её вмешательство было бы неуместно. Все и так знали, что жреческий дом Сенден находится под угрозой падения, не стоило лишний раз привлекать внимание к этому факту.

- То есть ты не видел нападавших, а только слышал? – уточнил Викториан.

- Да, - кивнул Атикинэсс.

- Но подождите, - осенило Леттицию, - ведь он же Истаресс! Почему бы ему не использовать дар памяти, чтобы увидеть нападавших или что-то ещё...

- Это невозможно, – печально возразила Жозели. - Атикинэсс слишком мал, чтобы использовать дар памяти. Эта способность ещё не сформирована в нём и может проявляться лишь стихийно, но специально воспользоваться ей наследник пока не способен.

- Слизь..., невозможность сопротивляться, - задумчиво протянул Ористониус. - Может ли быть какая-то связь между гибелью дома Истаресс и тем, что произошло в цитадели Морзано несколько лет назад?

- Нет, у Морзано были выжившие, - возразил Викториан.

- Которые говорили о невероятных чудовищах, - хмыкнул Арити. - Это не аргумент. Не каждая сила может стереть с лица земли посвящённый дом. И если такая сила и существует, то она наверняка одна.

- Мы могли бы узнать у Керлиндера подробности, - спохватилась Леттиция, но Викториан возразил ей:

- Нет, Керлиндер не пойдёт на это. Он избегает любых вопросов, касаемых гибели его брата. Сомневаюсь, что даже Мюриэле известно больше, чем нам.

- Да, - согласилась Жозели, - Керлиндер не пойдёт на сотрудничество, но сейчас нам необходимо решить, как защитить Атикинэсса и Акжелэсса. Вопрос с убийцей пока может быть отложен.

- Согласен, - кивнул Ористониус, - что думает Руан Фьене по этому вопросу?

- Касфан готова оставить в храме и братьев, и Катерину, - ответила Жозели. - Девочка сейчас очень слаба, и не стоит перевозить её с места на место. К тому же, я не уверена, как Ририен Фулси отреагирует на сиротство племянницы. Я не знаю, поддерживал ли он связь с Уринией всё это время.

- Согласна, - кивнула Леттиция. - В конце концов, Фьене тоже является жреческим домом. Кто и сможет взять наследников под опеку и обучить, так это он.

- Не знаю, - покачал головой Арити, и все взгляды обратились к нему, - речь идёт о доме памяти. О светлом доме памяти с его собственными необъяснимыми свойствами. Я знаю, что только в воинских домах принято уделять внимание соотношению хаоса и порядка, но это не значит, что это не распространяется также и на прочие дома Амбэралы. Фьене - дом хаоса, и, как бы ни велика была его сила, она будет противоположна тому, что творят Истарессы. Наследники не смогут найти в ней то, что действительно будут искать. Я понимаю, что другого выхода нет. Дома порядка поднимаются тяжелее хаоса. Даже сейчас среди нас я единственный представитель этих сил. Я понимаю, что дом Фьене - это лучшее, что мы можем выбрать, и другого выхода у нас нет, но стоит быть готовыми к тому, что гармонии не получится, и наследникам придётся искать другой путь...

Повисло молчание. Ористониус был прав, но другого выхода действительно не было. Они кратко обсудили возможную стратегию поведения на Совете. Ведь теперь, когда там не будет представителя семьи Истаресс, любой может попытаться присвоить себе право этого дома, а допустить отступников в Совет было никак нельзя. Жозели и Викториан вызвались отвезти детей в храм Фьене. На выходе из шатра Ористониус остановил младшую королеву времени и, церемониально кивнув, заговорил:

- Я понимаю, Симьен Жозели, что мой вопрос будет бестактен по отношению к вашему дому, и прошу простить меня за это. Я не преследую цель оскорбить вашу семью, но поймите,

я тоже отец, и судьба будущего волнует меня не меньше, чем, я думаю, вас. Ваш сын наследует дом Брюнье, эти дети – носители короны дома памяти, но кто же возглавит дом Фьене, когда Руан Касфан придётся покинуть свой престол?

Жозели тяжело вздохнула. Нет, вопрос Ористониуса не обидел её и не оскорбил, просто даже у неё не было на него ответов. Туманные видения светлой девушки и продолжения крови Фьене в её семье не приносили ясности. Оставалось только уповать на Великую силу и верить, что всё пойдёт своим чередом, и дом времени не останется без хранителя. В противном случае, истинная Амбэрала окончательно перестанет существовать.

- Есть тот, кто займёт это место, - ответила она, - но его личность для меня загадка так же, как и для вас. Я уповаю на силу своего дома, и если вы верите нам, то поверьте и в то, что дом времени не оставит Амбэралу, какая бы угроза не возникла у него на пути.

Ористониус поблагодарил королеву и, попросившись со всеми, отправился прочь. И никто не заметил двух детей, так и не проронивших ни слова за весь разговор, следовавший за их расспросами. Всё решили за них, никто и не спросил их, хотят ли они провести долгие годы в доме времени или нет. Взрослым, собравшимся здесь, было всё равно. Атикинэсс был в бешенстве. Да, сейчас он слишком устал и согласен на что угодно, лишь бы это прекратилось. Но наследник дома Истаресс не будет их марионеткой, он никому не подчиняется и пойдёт по своему пути, вопреки воле всех этих людей. Даже его тётя воспользовалась своей силой убеждения, чтобы выведать у него, что произошло. Но теперь нет. Теперь он будет умнее. У него есть Акжелэсс, и сам Атикинэсс не позволит никому помыкать ими. Он справится, он станет сильным и достигнет мощи и величия своего отца, неважно через что ему придётся ради этого пройти.

О подробностях того, что произошло с Истарессами, Абриэль узнал от Ористониуса и с удовольствием присоединился к их коалиции в Совете. Однако, все их усилия оказались напрасны. Через полгода Атикинэсс самовольно покинул цитадель дома Фьене, забрав с собой своего младшего брата. Он предпочёл обучение в школе оруженосцев – месте воспитания и подготовки детей без рода и семьи, не связанных никакими узами и не относящихся ни к какому дому. Многие пытались отговорить юного наследника, но тот был непреклонен, и Амбэрала замерла, ожидая нового пополнения в рядах павших правителей Великих домов.

Тем временем, политика Керлиндера по отношению к другим домам становилась всё более отстранённой. После множества обвинений, прозвучавших на его первом Совете, наместник северного воинского дома, казалось, окончательно ушёл в себя. Его не интересовали ни дела Амбэралы, ни других домов, судьбы которых неразрывно связаны с его собственной семьёй. Его словно подменили. Вместо жизнерадостного, умного и светлого наместника дома Морзано на Советах выступала призрачная тень, не способная на какие-нибудь сильные эмоции. Его глаза казались пустыми, но даже это не могло обмануть истинных посвящённых. В нём не было пустоты, и Абриэль это знал точно так же, как и то, что наместник не имел никакого отношения к гибели своего брата. Керлиндер не смог бы, ни за что не смог... В этот раз Гретелия ошиблась, и у него на руках было ещё одно доказательство этого. Эмриссия, наречённая его сына, дочь его друга. Если бы не тот договор, Абриэль никогда не оказался бы так близко к северному воинскому дому, чтобы иметь право узнать что-то настолько личное. Наследница жива, да и Тедореру, наверняка, удалось спастись. Дом Морзано не пал, он затаился, выжидая, когда сможет воспрянуть вновь. И Керлиндер, непоколебимый словно скала, не реагирующий ни на какие внешние раздражители, как страж берёт свой трон до тех пор, пока не сможет передать его тому, кому он будет принадлежать по праву. Нет, Абриэль больше не злился на брата своего друга. Со временем он понял, что Керлиндер ни за что не поступил бы так без причины. Морзано защищал свой дом, а значит, на данный момент это было необходимо.

Прошло пять лет, прежде чем Абриэль наконец-то решился. После очередного Совета он поспешил последовать за стремительно покидающим главные залы наместником Морзано.

Керлиндер торопился и, заметив его, попытался уйти прочь, но глава дома Мюриэле не позволил этого сделать. Он резко перекрыл ему дорогу, не оставляя пути к выходу, и Абриэлю даже показалось, что Керлиндер усмехнулся на его выходку, прежде чем лицо северного воина снова стало непроницаемым.

- Вы чего-то хотели, Руан Мю...

- Эмриссия жива, – резко перебил его Абриэль. Тянуть было ни к чему, шаг был сделан, и теперь ему оставалось только ждать, какой будет реакция наместника.

Керлиндер действительно замер. Всеми силами он пытался удержать лицо, но маска осыпалась, являя сначала удивление, потом ужас, а после опасную решимость, находящуюся на границе страха, когда в ход идет всё, что только может помочь в нужный момент. На мгновение Абриэлю показалось, что вот-вот тёмный клинок пролетит у его головы, и его сыну придётся преждевременно унаследовать корону. Морзано готовы были пойти на всё ради своей семьи, однако Мюриэле уповал на благоразумие Керлиндера, в конце концов, именно это всегда отличало его от Ерардэра и Круотера.

И наместник оправдал ожидания. Глубоко вздохнув, он смог вернуть себе относительно спокойный вид, но холодное выражение на его лицо так и не возвратилось. Перед Абриэлем был сильный, могучий, но необычайно уставший человек. Жизнь потрепала его ни на шутку, но он не жаловался и был готов идти по этому пути столько, сколько потребуется, ведь он знал то, что ведёт его, и ничто в целом мире не способно было его переубедить. Это был тот же самый Керлиндер, что когда-то встретил его в цитадели Морзано в ночь коронации Ерардэра, только изрядно постаревший, успевший не раз сломаться и снова вырвать себя из пучин отчаяния, и теперь Мюриэле окончательно убедился в своей правоте.

- Как ты узнал? – чуть слышно проговорил Морзано, проверяя, чтобы их разговор не был подслушан, и, только убедившись в этом, снова посмотрел на Абриэля.

- Договор, - ответил он. - После гибели Ерардэра я искал его, желая убедиться в том, что помолвка моего сына разрушена, но когда нашёл, то не поверил своим глазам. Договор был также силён, как и множество лет назад, а это означало только одно, что юная наследница северного воинского дома жива.

Услышав объяснения Мюриэле, Керлиндер как-то по-доброму усмехнулся и покачал головой. Да, даже ему не удалось просчитать все ходы, но это ничего. Если Абриэль хранил его тайну столько лет, то не стоит переживать о том, что всё это будет передано огласке раньше времени.

- Спасибо, Абриэль, - вдруг совершенно искренне улыбнулся наместник. – Спасибо, что смог сохранить всё это в секрете.

- Это не стоит благодарности, - фыркнул Мюриэле, - я никогда не смог бы сделать что-то, что способно было навредить Ерардэру или его семье, поэтому меня так оскорбило то, что после трагедии ты даже не пустил меня на порог, не давая никаких объяснений произошедшему.

Керлиндер нахмурился, было видно, что ему неприятно об этом говорить, но вопрос был уже озвучен, к тому же, один вид главы дома Мюриэле говорил о том, что он не намерен уйти отсюда, не получив ответов.

- Я прошу прощения, - медленно, подбирая слова, поговорил наместник, - но в тот момент я не мог поступить иначе, - он замолчал ещё на мгновение, прежде чем продолжить. - Я никогда бы не подумал, что ты можешь пожелать зла моему брату или причинить ему вред, но одно обстоятельство сделало для меня невозможным привлечение тебя к расследованию...

- И что же это? - не выдержал Абриэль. Годы непонимания так и требовали выхода, желали, наконец, узнать, что послужило причиной такой скрытности.

- Последнее, что произнёс Ерардэр перед смертью, было "Мюриэле", - отрезал наместник.

Абриэль замер. "Мюриэле", но что значит "Мюриэле"? Почему его друг произнёс именно это? Хотел предупредить? Или, быть может, его гибель как-то связана с его собственным домом...

- Я тоже не понял, что это значит, - продолжал Керлиндер, - но, как ты понимаешь, рисковать я не мог. Поэтому принял решение устранить тебя от этого дела и постараться прикинуться отступником, чтобы выйти на предателя.

- Предателя? – уточнил Мюриэле.

- Да, вход в цитадель открыл кто-то из своих, и теперь ему от меня не скрыться.

Последняя фраза наместника была сказана таким тоном, что даже Абриэль немного вздрогнул. Если предатель попадёт в руки Керлиндера, он явно пожалеет о своём решении.

- Мне нужно идти, - засобиравшись Морзано, - будет лучше, если я покину цитадель как можно быстрее.

- Спасибо тебе, что рассказал всё, - ответил Абриэль.

- Тебе не за что благодарить меня, - грустно покачал головой Керлиндер. - Возможно, я сделал ошибку, не доверившись тебе с самого начала, но теперь уже поздно что-то менять. Береги свою семью, Абриэль, и будь осторожен. Амбэрала перестала быть безопасной даже для самых сильных домов.

И он быстро зашагал вдоль коридора, а Мюриэле смотрел ему вслед, снова и снова перебирая в голове слова наместника. Наследникам Морзано чудом удалось спастись, Истарессы почти полностью уничтожены. Кто же станет следующим? На кого ещё может свалиться невидимый рок.

С тех пор Абриэль часто думал в одиночестве, снова и снова мысленно перебирая всех представителей Великих домов и тех, кто мог бы осуществить подобное, и снова оказывался бессилён.

Тем временем, его собственный сын возмужал. И он, и Ноэллия постарались сделать всё, чтобы дать ему все знания и навыки, необходимые в жизни, но с каждым разом они всё больше и больше понимали, что этого было недостаточно. Акессиэль был необычайно талантлив во всём, что касалось овладения силой и знаниями семьи. Абриэль не раз вспоминал слова своего погибшего друга о том, что сила его детей пугает его тем, что он сам окажется бессилён перед тем будущим, которое ждало их. И глава дома Мюриэле также понимал это. Если какие-то навыки и требовали от молодого наследника дополнительного старания, то он не сдавался, и силой и упорством брал верх над любой ситуацией. Хороший сын, достойный наследник, любимец всей своей семьи. Однако было то, что долгие годы настораживало как Абриэля, так и Ноэллию. Они сделали всё, чтобы их сын был счастлив и рос в спокойствии и гармонии с миром, но не смогли предвидеть только одного, что в двенадцать лет Акессиэль навсегда потеряет двух своих лучших друзей. Истерики сына до сих пор стояли перед его глазами. Они не знали, откуда в нём взялось столько упрямства и силы. Он с жаром доказывал, что всё, что его родители говорили, неправда. Отказывался есть и слушать их до тех пор, пока Ноэллия не настояла на применении техник целительства и успокоения. После этого, провалявшись в постели больше недели, Акессиэль ни разу не поднимал вновь этот вопрос в присутствии родителей, но и о многих других вещах он тоже перестал говорить. Нет, их сын всё также оставался искренним и открытым ребёнком, но часть его будто навсегда закрылась от этого мира, не пуская никого внутрь себя и не доверяя никому, кроме себя. Сначала эти изменения казались незаметными, и Акессиэль был также весел и активен, как и в прежние времена, разве что встречи со сверстниками теперь стали не праздником, а скорее обыденностью, которую он спокойно принимал. С годами ситуация изменилась. Их сын рос, у него появлялись друзья, знакомые, и они с Ноэллией были уверены, что кто-то из них рано или поздно сможет занять в его сердце место погибших Морзано, но они ошибались. Взгляд родительских глаз было не обмануть, и как бы легко и непринуждённо Акессиэль не чувствовал себя со сверстниками,

они оба знали, что ни один из них по-настоящему не был близок их мальчику. Ни одного из них он не смог бы назвать близким другом, в лучшем случае приятелем или даже знакомым. Его внутренний мир принадлежал ему одному, хотя со стороны наследник дома Мюриэле казался довольно открытым человеком. И это беспокоило Абриэля больше всего. Теперь он точно знал, что его сын был прав, но сказать ему это глава дома Мюриэле не имел права, да и как мог он спустя столько лет заявить мальчику, что люди, которых он всю жизнь считал мёртвыми, на самом деле живы! Кто знает, как отреагирует Акессиэль... Хватит ли у Ноэллии сил привести его в себя, если за этой новостью снова последует нервный срыв. Нет, Абриэль не мог рисковать собственным сыном. С той трагедии прошло уже семь лет, через несколько месяцев Акессиэлю исполнится девятнадцать, но он снова и снова откладывал этот разговор, опасаясь выдать тайну слишком рано. Да и Морзано... Какой будет Эмриссия, воспитанная в землях Голубых лесов, каким будет Тедорер, и что же произойдёт, когда эти трое, наконец, встретятся? Страшно было даже представить, тем более, что Акессиэль и Эмриссия даже не подозревают о помолвке. Остаётся гадать, как они оба отреагируют на эту новость. Зная своего сына, Абриэль мог предположить, что тот явно будет не в восторге от ситуации. Кесси терпеть не мог, когда решения принимаются без его ведома, а подобное... Остаётся надеяться, что Касфан Фьене не ошиблась, и эти двое со своими темпераментами не разнесут по камешкам то, что их родители пытались построить долгие годы.

Тем временем, в комнату вошла Ноэллия. Годы едва коснулись лица прекрасной королевы, оставив лишь тяжёлую печать в синих глазах, которые уже утратили былой блеск и власть. Долгие часы переживаний, беспокойства и ожиданий разуверили их обоих в собственных возможностях, и оба теперь не могли до конца вместить даже то, что раньше казалось таким ясным и понятным. Их путь продолжался, но теперь перед ними был сын, который с небывалым рвением поднимал своё знамя, а они были бессильны хоть как-то помочь ему.

О чём задумался? - мягко спросила Ноэллия, присаживаясь рядом. Мягкость и теплота Брюнье так и остались в ней, несмотря на строгие стены западного воинского замка, и Абриэль был счастлив снова и снова утопать в этом тепле и гармонии, самых главных в его жизни.

Да всё о том же, - мягко улыбнулся он, нежно касаясь руки жены, - наш дорогой сын не даёт мне покоя ни днём, ни вечером.

Да, это про него, — рассмеялась было Ноэллия, но тут же снова стала серьёзной. Взгляд её стал вдумчивым и уверенным. Ей даже пришлось отодвинуться, чтобы видеть глаза своего мужа. - Я пришла поговорить с тобой по другому вопросу. Я хочу, чтобы мы посетили храм Фьене, мы вдвоём, желательно как можно скорее.

Фьене? - непонимающе переспросил Абриэль. - Но на что нам Фьене?

На то что у нас с тобой сын, и его помолвка требует нашего вмешательства! – грозно ответила Ноэллия, обиженно скрестив руки и чуть отвернувшись, поражаясь такой недогадливости своего мужа.

Абриэль на мгновение опешил. О какой помолвке может идти речь, если их сын помолвлен, уже почти тринадцать лет как? И только тогда глава дома Мюриэле понял, что за всё это время он так и не рассказал супруге о своей находке. Ноэллия была уверена в том, что оба наследника Морзано погибли, и вскоре начала предпринимать меры, чтобы найти Акессиэлю другую невесту, снова и снова встречая резкий отпор от своего отпрыска. Младшего Мюриэле злила каждая подобная выходка его матери. Со временем, под давлением любви к родителям он всё-таки научился реагировать на это несколько мягче, но, если оставалась возможность увильнуть, Акессиэль обязательно ею пользовался. Круг его близких знакомых можно было очертить Джулианом Брюнье, племянником Ноэллии, и Алениусом Арити, с которым они были знакомы ещё до гибели Морзано. И если Ноэллии нужно было немедленно увидеть сына танцующим с девушкой, например, во время бала, которые Акессиэль неожиданно возненавидел всей душой, то тот ловко подговаривал сестру младшего Арити, которая с удовольствием

составляла их сыну компанию. Несколько раз его видели танцующим с Аникабэль Люэно, и пару раз он не сумел избежать танцев с менее желательными для него партнёршами, особенно с Сузарой Гемблет, которую он за глаза именовал «розовым недоразумением чёрного дома». Но все эти отношения не устраивали королеву Мюриэле. Её сын выбирал в партнёрши только тех девушек, к которым не испытывал никаких чувств. Его родители вообще порой сомневались в том, способен ли их сын по-настоящему полюбить. Нет, он любил свою семью, был привязан к друзьям и подругам, но так, чтобы увлечься кем-то настолько, чтобы впустить его в свой внутренний мир — это казалось невозможным.

И вот королева Мюриэле, отчаявшись решить проблему мирным путём, пришла к нему без ведома Акессиэля, чтобы через знания и силы храма времени заключить новую помолвку и поставить их сына перед фактом, что ему вскоре придётся жениться.

- Я понимаю, что ты не согласен, - неожиданно продолжила Ноэллия, по-своему растолковав молчание мужа, - и что Кесси будет в бешенстве, когда узнает, но я больше не могу это видеть. Он живёт прошлым, Абриэль! Я нашла у него ту миниатюру, которую сама написала после бала Морзано. Он одержим Эмриссией, одержим мёртвой девочкой, которая больше никогда не вернётся в его жизнь. Я не позволю ему убивать себя вместе с ними! Вокруг достаточно прекрасных девушек, способных оценить его настоящего и принести в его душу счастье и спокойствие. Мне очень нравится Аникабэль Люэно, правда ему она наверняка покажется слишком спокойной, хотя ему самому очень не помешала бы хоть капля спокойствия... Он общается с Арианон Арити. Да, по моему мнению, не лучший вариант, но если ему ближе её непредсказуемость и неуравновешенность, пусть. Чем-то она даже напоминает Эмриссию, особенно когда отстаивает своё мнение... Есть ещё Сузара Гемблет, она в восторге от Кесси, но едва ли тот обратит на неё внимание...

- Подожди, Ноэль, - Абриэль неожиданно вынырнул из своих мыслей и поспешил остановить супругу, - ничто из того, что ты сказала, невозможно.

- Как это невозможно?! - возмущённо воскликнула Ноэллия. - Я не собираюсь идти на поводу у нашего сына и сидеть сложа руки!

- Нет, дело не в этом, - Абриэль ещё раз посмотрел ей в глаза, прежде чем опустить взгляд и продолжить, - дело в том, что Акессиэль уже помолвлен, причём очень давно.

Королева дома Мюриэле не понимала, что имеет в виду её муж. Сначала её взгляд наполнился удивлением, а после настойчивым требованием пояснить, что Абриэль имел в виду. И сделать это нужно было как можно скорее, ведь терпения у прекрасной розы дома Брюнье порой было не больше, чем у её сына.

- Не секрет, - осторожно продолжил Король, - что тринадцать лет назад мы заключили помолвку с домом Морзано...

- Но Эмриссия погибла, - уверенно заявила Ноэллия, после чего удивлённо добавила, - или нет?

Абриэль вздохнул и виновато посмотрел на супругу. Да, он скрыл от неё то, что узнал от Керлиндера, как и сам договор. Он боялся, что всё это может привести к непредсказуемым последствиям и решил подождать и посмотреть, что будет происходить в Амбэрале, прежде чем открыть свои тайны. Но больше нельзя было тянуть. Акессиэль не может быть помолвлен ни с кем, кроме одной. Даже Касфан Фьене подтвердила, что их связь будет слишком сильна, чтобы быть разрушенной кем-то.

- Насколько мне известно, она сейчас в Иль-де-Нарса, - осторожно проговорил Мюриэле, следя за реакцией жены.

Ноэллия ещё раз заглянула ему в глаза, словно стремясь убедиться, что он не помешался, и всё, что говорит её муж, действительно правда, после чего выдохнула и в бессилии откинулась на спинку дивана, нервно проведя рукой по лицу.

- Так значит Кесси... Всё это время он был прав! Он знал, а мы не поверили ему! Она действительно жива... - чуть слышно бормотала Ноэллия, перескакивая с одной мысли на другую, после чего резко обратилась к Абриэлю. — А Тедорер? Он тоже выжил?

- Не могу сказать точно, но думаю, что да, - сдержанно ответил Абриэль.

- Но как, как ты смог это узнать?! - не унималась королева.

- Последнее подтверждение я получил у Керлиндера, но до этого ещё смог увидеть наш договор, помолвка была действующей.

- Так значит, ты просто ничего не сказал, - фыркнула Ноэллия и грустно усмехнулась. Она предпочла бы знать такие подробности, но теперь было слишком поздно устраивать скандал.

- И что нам теперь делать? - спросила королева, требовательно и слегка обиженно обращаясь к своему мужу.

- Ну, – задумчиво протянул Абриэль, - рано или поздно Тедорер вернётся, чтобы занять престол, а с ним вернётся и Эмриссия...

- Воспитанная в Иль-де-Нарса, - усмехнулась Ноэллия, - не помню, чтобы я заключала помолвку своего сына с иностранкой.

- А что в этом такого? - не понял Абриэль. - Вьенесса воспитывалась также. Если я не ошибаюсь, она была для тебя близкой подругой?

- Одно дело подруга, а другое жена моего сына, - покачала головой наместница дома Брюнье. - Смогут ли они с Кесси поладить, если будут воспитаны в разных культурах? Я знаю, что случай Ерардэра и Вьенессы уникален, но сможет ли он повториться снова?

Абриэль грустно улыбнулся и чуть приобнял супругу, привлекая её к себе.

- Не знаю, но мы постараемся сделать так, чтобы всё получилось. В конце концов, - рассмеялся он, - если в ней сохранилась хоть капля её прошлого темперамента, они с Кесси явно поладят.

Ноэллия тоже рассмеялась, но сердце её было беспокойно. Кем будут эти дети, потерявшие свою семью, долгое время бывшие вдали от родины и перенявшие на себя традиции чуждого ей мира? Она не знала. Сейчас королева знала только одно, какими бы ни были эти двое, судьба её сына будет неразрывно связана с ними...

Королева знала, что грядут перемены. Сила была беспокойна, но в то же время она предвкусывала что-то, до чего её собственный взор никак не мог дотянуться. Амбэрала ждала, и Великая Королева замерла в ожидании вместе с ней. Касфан Фьене глубоко выдохнула и отпустила клубок Нитей, завершая ритуал.

Перемены, да они и не успевали покидать эти земли. За последние годы произошло столько всего, о чём она, жрица времени, не могла даже помыслить. Великий дар предвидения, как же он обманчив к своим владельцам! Ты можешь видеть пути, иногда целые картины, а потом вдруг оказывается, что самое важное находилось у тебя под носом, но ты так и не смог заметить этого или предотвратить...

Законы дома Фьене были достаточно строгими в отношении ритуалов и посещений. Жрец мог навести на мысль, дать совет или подсказать, но точно не принимать решение за другого человека. Так, несмотря на её предупреждения, пал дом Гемблет после непонятной гибели своей Королевы. Спустя годы, произошла трагедия дома Морзано, и корону северного дома получил наместник, троюродный брат Ерардэра, Керлиндер. Посвящённой жрице было достаточно лишь взгляда, чтобы понять, что этот человек не имеет никакого отношения к отступникам и ни в коем случае не может именоваться таковым. Она знала это, но не сказала ни слова, потому что её дом не смеет разглашать известные ему тайны. Да и сам Морзано не слишком-то отбивался от бросаемых в него обвинений. Трагедия северного воинского дома по-настоящему потрясла Амбэралу, но со временем прочие Великие дома успокоились и вер-

нулись в привычное русло, когда произошло то, что не только перевернуло жизнь всех земель Великих домов, но и её собственную.

Посвящённая жрица, давшая клятву служению силе своего дома... Она знала всю свою жизнь от начала до конца, не ожидая никаких изменений, пока не обнаружила на ступенях до боли знакомую девочку, смотрящую на неё такими любимыми глазами. Катерина Истаресс, продрогшая, ослабленная, еле живая... Никто до сих пор не понимает, как она смогла преодолеть такое расстояние и добраться до храма Фьене.

Увидев её, Касфан на секунду окаменела, пытаясь понять, реальность ли это или очередное видение. Но стоило девочке поднять взгляд, как Королева бросилась к ней, поднимая, пальцами проверяя течение силы в её теле. Катерина была измождена, но на её теле не было серьёзных повреждений, только в голубых глазах застыл настоящий ужас.

- Кети! Кети! - снова и снова повторяла Касфан, стремясь докричаться до девочки. - Кети, очнись, что у вас произошло?!

Но девочка не реагировала. Она удивлённо разглядывала женщину, словно впервые видела, а потом чуть слышно прошептала «Бежать» прежде чем окончательно потеряла сознание.

В этот момент Касфан по-настоящему испугалась. Как мог этот ребёнок оказаться здесь, и что произошло в цитадели памяти?!

Убедившись, что жизнь девочки вне опасности, и поручив заботу о ней хранителям, Королева бегом бросилась в храм. Страшные предчувствия одолевали её... Только успеть... Хоть немного...

Двери главного зала с грохотом распахнулись, высокая фигура жрицы промчалась между рисунками на полу в главный круг, кончиками пальцев по пути запуская Нити и потоки. В помещении стремительно стало жарко, воздух стал вязким и тягучим, отдающим жёлто-малиновым оттенком, но Касфан даже не замечала этого. Сердце билось от тревоги, и она знала, что оно не врёт. Это он, единственный, кто по-настоящему был дорог ей, конечно, не считая сестёр. Это он, это его сила!

Клятва, громкий пронзительный голос Королевы то и дело срывался от беспокойства, сбиваясь и путаясь в фразах. Она уже ощущала ужас холодной ночи, тяжёлые камни, служившие основанием древнейшему хранилищу дома памяти, и сердцебиение, знакомое сердцебиение, которое то и дело теряло свой ритм. Юанесс стоял под дождём, леденящие порывы ветра обвивали его фигуру мертвенным холодом и отчаянием, но он словно не замечал этого. Уверенно, стоя на небольшом возвышении у входа в хранилище, наместник снова и снова отбивался от неведомых существ, стремившихся сбросить его с опоры. Касфан попыталась сконцентрироваться, но так и не смогла рассмотреть тех, кто штурмом атаковал одно из самых защищённых хранилищ Амбэралы. Юанесс слабел с каждой секундой. Королева чувствовала, что сила стремительно утекала из него, но нет, не на бой... Сухие губы то и дело шептали клятву, древнюю клятву дома памяти на языке, который, наверное, не помнят даже в Илде-Нарса. И это была клятва запечатки. Полной запечатки древней сокровищницы памяти в обмен на жизнь её хранителя. Касфан еле сдерживала крик, наблюдая эту картину. Нет, они были похожи, они были слишком похожи, положив свои жизни на благополучие своих семей. И теперь он умирал, а она ничего не могла сделать, только смотреть в эти отчаянные голубые глаза и видеть, как сила этого мира покидает их. Истаресс, до конца Истаресс...

Напряжённая концентрация, попытка достучаться до него. Докричаться хоть как-то, чтобы в последний раз увидеть жизнь в этих глазах! Концентрация, объединяющая всех хранителей времени... и пустота. Свет Жозели бил ключом, но там, в цитадели дома Истаресс, было пусто. Она отдала свою жизнь, даже не сумев направить ей прощание... Вся её сила ушла на что-то, что на тот момент было важнее. Её младшая сестра, которая благодаря её выбору должна была быть счастлива за них обеих... Сальватора... И теперь её нет.

И Касфан закричала... В этом крике слилось всё: боль, отчаяние, неизбежность, вся её жизнь, которую она положила на то, чтобы дорогие ей люди были счастливы, но этого оказалось мало... Она не смогла справиться, не смогла предотвратить! Всё кончено!

Нити перемешались. Оставшись без контроля, они, словно безумные, сорвались с места, окутывая Королеву. Больше ничего не было, ничего не осталось. Для неё теперь всё было кончено, и она была готова уйти следом за ними, утонуть под тяжестью собственной силы!

Потоки нарастали, дышать уже было сложно, воздух вставал в лёгких, и Касфан уже готова была рухнуть на пол, как что-то далёкое, тёплое, яркое резко вырвало её из этого потока. С глаз словно упала пелена, и перед глазами встал осуждающий взгляд младшей сестры. Жозели! Она была здесь с ней! Знала, что Сальваторы больше нет, но она продолжала бороться! Продолжала жить, потому что её бой ещё не был окончен, и Жозели продолжала свой путь, какая бы боль не разрывала её сердце.

И Королева воспряла. В душе воцарилось глубокое спокойствие, и одним усилием мысли Касфан остановила поток, готовый разорвать её в клочья. Это потом, потом она вдоволь наплачется и будет сожалеть о своей беспомощности, но только не сейчас! Сейчас Королева должна сделать всё, что возможно, чтобы помочь. В конце концов, это её долг как правительницы, так и жрицы.

Мысленное усилие, и картинка с Юанессом стала чётче. Она словно присутствовала там, рядом с ним, осаждаемая невидимым ужасом, наблюдая, как один за другим захлопываются щитовые замки на главном хранилище дома памяти.

- Юнес, - прошептала она, и наместник будто услышал. Резко подняв голову, он столкнулся с ней взглядами, не веря собственному видению.

- Кас? - только и смог прошептать он. Ему не нужно было объяснять, она сама знала, что его минуты сочтены. Нужно было лишь отогнать этих существ, чтобы они не убили его до того, когда его сила закончит закрывать цитадель.

И она поняла. Они оба прощались, прощались на долгие годы, до того момента, когда снова смогут встретиться в другом мире. Нет, их не разлучат, ничто в этом мире не способно было их разлучить, и это не требовало ни слов, ни подтверждений.

Мгновение, все слова сказаны, и Юанесс закрывает глаза, полностью отдаваясь потоку, забирающему его жизнь. Неведомые существа хотели было уже броситься на беззащитного воина, когда яркий поток света ослепил их. Фигура на скале блистала, как если бы солнце неожиданно рухнуло на землю, и со стороны казалось, что за спиной наместника Истаресс стоит настоящее божество, посылающее огненные стрелы в любого, кто приблизится к нему. Непонятные чудовища обжигались и прятались обратно в темноту, не смея шагнуть ближе.

Наконец, наместник дома памяти скорее почувствовал, чем услышал, как последний щит ровным золотистым покровом окружил хранилище. Его мгновения закончились, он успел, всё-таки успел. И, чуть улыбнувшись своей Королеве, Юанесс Истаресс закрыл глаза, покидая поле боя, оставшись непобеждённым.

В то же мгновение в главном зале храма времени на пол с грохотом рухнула Касфан Фьене. У неё не осталось сил, чтобы подняться и идти дальше, лишь лёгким движением она погасила потоки Нитей, закрывая связи. Всё, её битва закончилась, она сделала всё, что могла. Теперь не осталось ничего.

Королева лежала и не шевелилась, сил не было ни думать, ни двигаться. Слёзы текли по её щекам, но она словно не замечала их. Касфан была где-то там, далеко. Где не было ни мыслей, ни чувств. Когда человек переходит последнюю грань, он обязательно оказывается там, но она не могла остаться, и настойчивая память напомнила ей о девочке, которая сейчас нуждалась в ней больше всего. Последней, что осталось от дома памяти, последней, что осталось от Юанесса.

И с трудом взяв себя в руки, Королева поднялась, поправила одежду и волосы, чтобы стремительным шагом покинуть зал, направляясь в целительские помещения, и ничто, кроме переполненных болью глаз, не могло рассказать о том, что она чувствовала на самом деле...

Светлые пшеничные волосы на удивление гармонично смотрелись на фоне сине-фиолетового цвета дома Фьене. Катерина Уриния Истаресс... Что могло произойти в мире, чтобы эта девочка вдруг оказалась в храме дома времени. Касфан вошла в медицинское крыло храма как раз в тот момент, когда младшая Истаресс в который раз резко попыталась подняться, но тут же упала обратно в полном изнеможении. Она всё ещё находилась в бреду. Сила вспыхивала рядом с ней неясными потоками, а с губ то и дело срывались обрывочные бессвязные фразы.

- Миен, - в отчаянии обратилась к Королеве одна из хранителей, - мы не можем привести её в чувство, она словно не хочет просыпаться.

Касфан вздрогнула. Несколько минут назад она и сама не хотела просыпаться, мечтала как можно быстрее покинуть этот мир следом за дорогими людьми, но это не было верным решением, и, не без помощи Жозели, ей удалось вернуться, а теперь пришло её время не дать невинной душе сдаться в борьбе за свою жизнь.

Жрица подошла ближе, внимательно считывая потоки вокруг девочки. Как она была похожа на Юанесса! От матери ей достались только пшеничные волосы и более правильные черты лица, а в остальном она была Истаресс. Потоки дома памяти окружали её неровным ковром так же, как когда-то её отца, но было ещё что-то. То, что отличало её от других Истарессов. Она была открыта, спокойно принимая то, что окружало её в этот момент. Цитадель времени, противоположная ей сила, принимала девочку как свою, молчаливо распахивая объятия для своей заблудшей дочери. Такого Касфан ещё не приходилось видеть: её дом, издавна закрытый и связанный множеством клятв, вдруг принимал в себя совершенного чужого ему человека, даже не связанного с ним кровными узами.

- Она племянница Сальваторы, - чуть слышно прошептала Королева, - но этого недостаточно, чтобы сработало право крови.

И тут девочка снова закричала, дрожа в судорогах, словно от сильной боли. Касфан не знала, как лечили Истарессы. Шок, ужас, полная потеря сил и частичная утрата родовой связи. Не было таких лекарств, которые могли бы совладать со всем этим, но Королева знала способ, который долгое время был доступен только членам семьи времени. Но если цитадель приняла Катерину, то она могла попытаться воспользоваться им.

Два быстрых шага, и вот она уже с усилием укладывает дрожащую девочку обратно на постель. У неё есть несколько секунд, прежде чем приступ повторится. Одна рука тут же накрывает лоб, а другая приближается к сердцу, нащупывая главный ток силы ослабленного детского тела. Мгновение, когда всё замерло, и сама Королева остановилась, прежде чем отчаянно прокричать: «Фьене!»

Её сильный голос отразился от стен и эхом прокатился по цитадели. Она призывала силу рода, силу своего дома, и та не заставила себя ждать. Огромным потоком она рухнула через её руки прямо в тело девочки. Но Катерина не закричала, не ужаснулась, когда мощь противоположного дома слилась с её сущностью, залечивая незримые раны и погружая девочку в глубокий здоровый сон. Она была Истаресс, но при этом каким-то образом являлась Фьене. У Королевы не было ни единого объяснения этому факту, но дом спокойно принимал её как наследницу, вопреки всем мыслимым и немыслимым законам их мира.

Касфан нужно было подумать. Теперь, когда жизнь Катерины была вне опасности, она могла попытаться понять произошедшее на её глазах чудо. У девочки не было права наследницы. Её отец Истаресс, а мать из побочной ветви дома Фулси, ныне падшего дома порядка. И как после этого её принимает дом хаоса, дом времени, дом, отвечающий за будущее всей

Амбэралы?! Право крови — одно из главных прав наследования... Нет, оно здесь не при чём. Тут связь иная, возможно, скрытая в грядущих событиях, но Королева не видела её сейчас.

Тяжёлые двери, неведомые большинству здешних жителей, распахнулись, пропуская Касфан в самое сердце храма, в его главное хранилище и сокровище. Никогда ещё Королеве не доводилось бывать здесь после посвящения себя и сестёр, никогда ещё не возникало ситуации, чтобы у великой хранительницы времени не было ответов. Но этот миг настал. Её собственная цитадель хранила больше тайн, чем Касфан даже могла предположить, и, словно маленькая девочка, она вновь стремилась к своей великой хранительнице в поисках ответов.

В отличие от прочих Великих домов, Сердце цитадели дома Фьене находилось не под землёй. Замысловатая архитектура храма, состоящая из множества разных уровней и соединений, помимо красоты, хранила в себе одну важную функцию: скрыть от посторонних глаз, что над потолком самого старого ритуального зала имеется ещё одно помещение. Оно не имело окон и было выполнено в форме круга, как бы отсылая к старинной архитектуре Кер-носе-Мане, но этот зал был неподвижен, стены его массивно возвышались, а на высоких укреплениях, в самом центре, был подвешен сияющий синевато-фиолетовый камень - Сердце дома времени. Ещё никогда Касфан не приближалась к нему так близко, даже при получении меча и утверждении своего права короны. Фьене сохраняли дистанцию, до последнего оберегая тайну этого хранилища. И сейчас ей предстояло воззвать к самому истоку своего дома, чтобы найти ответы, которые её собственная сила была не способна осознать. Пол был идеально круглым, и достать до Сердца дома обычным способом казалось невозможным. Необходимо было взлететь. Многие картины Фьене сохранили изображения летающих жриц. Люди всегда умели летать, они просто забыли об этом. Воинские дома частично помнят это мастерство, но даже в их исполнении оно уже давно потеряло своё совершенство. Что есть полёт — это определённое ощущение, когда ты словно ловишь поток силы и воспаряешь на нём, ведомый собственным парусом. Эти вибрации постоянны, стоит оторвать от земли свои ноги, и ты взлетишь, воспарிшь над привычным миром, естественно кружась в потоках ветров и энергий. И сейчас Касфан точно знала, что нужно делать. В ветреную погоду она обожала стоять на краю утёса или обрыва, расправив руки в стороны и распахнув свои внутренние крылья, балансируя на воздушных потоках. Ей не хватало всего чуть-чуть, чтобы оторваться от земли, она уже чувствовала себя в воздухе, но на тот момент Касфан не нуждалась в этой силе, а тратить время и способности на праздное любопытство было несоизмеримо. Королева знала, что может летать, и вот теперь она сможет окончательно убедить в этом сомневающиеся части своего я.

Глубокий вдох, руки подняты вверх, внутренние крылья распахнуты и чуть дрожат за спиной. Она всегда чувствовала их присутствие, особенно когда вспоминала о небе. Ещё совсем чуть-чуть... Потоки силы раздувают крылья, как паруса. Мягко, ощущая каждое движение, Касфан опустила руки на уровень плеч, подтянувшись на потоках непонятно откуда взявшегося ветра, и, едва оттолкнувшись ногами от пола, поднялась в воздух. Ощущение было знакомое, хоть и немного странное. Она привыкла чувствовать это парящее движение, просто сейчас оно казалось более полным и всеобъемлющим. Королева была на половине пути, теперь оставалось подлететь к камню. Потоки управляются мыслью. Мыслью и нашим стремлением к движению. Глубокий вдох, мысленное движение крыльев, устремление, и хрупкая фигура в сиреновом одеянии медленно поплыла по воздуху прямо к Сердцу цитадели, охраняемому не одной сотней поколений семьи Фьене.

Гладкий, оgranённый камень переливался в полумраке. Грани казались гладкими, а края безумно острыми, готовыми порезать неосторожного гостя. Воздух вокруг уплотнился и словно наполнился миллиардами электрических разрядов, то и дело проскальзывающих по коже. Но Королеву это не остановило. Она знала, что Сердце её дома опасно, если использовать его без соответствующей подготовки, но ей нужны были ответы, и Касфан не видела иного способа, как получить их.

Медленно, едва дыша, она приблизила ладони к камню, чтобы чуть-чуть, самыми кончиками пальцев, коснуться прохладной поверхности. В тот же миг её сознание вспыхнуло. Казалось, что в одно мгновение его просто взорвали, расширив границы её космоса. Она чувствовала в себе всё мироздание, все его части и глубины, миллиарды звёзд и планет - всё это вмиг засияло в её расширенном сознании, способном вместить любое воплощение этого мира. Теперь Касфан видела дальше, родственные связи, причины наследования, законы крови — всё это отошло на второй план. Она видела другое, более глубокое, более значимое. Королева видела связи, выстраиваемые миллионами жизней, и на фоне всего прочего только они имели значение. Каким бы странным не было их проявление в этом мире, перед ними отступало всё: и кровь, и взаимоотношения, и положение... Они были тем ключом, что разъяснял любое противоречие и дарил ясность понимания простых вещей. Так было и с вопросом, всего мгновение назад яростно терзавшем её душу, а теперь представшем перед ней во всей своей невозможной простоте и ясности. Катерина Истаресс, нет, просто Катерина, в мире этих связей не имеет значение ни дом, ни его сила, это лишь возможности и склонности, данные на одну жизнь, но отнюдь не определяющие истинную сущность пришедшего в этот мир. И Касфан видела её, сияющую среди миллиардов звёзд, связанной с множеством душ, две из которых когда-то временно носили имена Юанесса и Уринии. С Юанессом связь была сильнее, но даже она уступала той прочной Нити, что соединяла Катерину с ней самой. Касфан вздрогнула. Эта девочка, она с самого начала предназначалась ей, её наследница, её продолжение. Кровь не смогла сложить эти узы, но сердце нашло свой путь.

- Право сердца, - чуть слышно прошептала Королева, - это право сердца...

И его было более чем достаточно, чтобы на одно поколение вновь поднять знамя дома времени. Катерина принимала от Касфан больше, чем хотела сама, и даже оставаясь с багажом потенциала Истаресс, она будет Фьене, истинной Фьене, потому что она её.

Всё было ясно. Наконец, всё встало на свои места. Катерина стала бы Фьене при любых обстоятельствах, даже если бы дом памяти продолжал жить. Это было неизбежно, это её путь, выбранный ей самой задолго до своего рождения. Ей не уйти от этого ни в прошлом, ни в будущем. Грядущее этой девочки также пылало огнём Фьене, но это была не Касфан. Ярко сияющее, словно солнце, создание, не полностью Фьене, но несущее в себе саму суть этого дома. Связь сильнее, чем можно было себе представить, причём с той стороны мощь настолько ослепляла, что на мгновение Великая жрица потеряла опору, прежде чем снова подняла мысленный взор. В лучах стояла фигура уже успевшая воплотиться в этом мире, а за ней ещё одна, чьё время ещё не пришло. Мощь Фьене накрывала их обоих с головой, не давая ни на мгновение усомниться в их праве на корону. И они ждали её, Катерину, ту, без кого их жизнь не могла быть сотворена верно. Нити не любят небрежного обращения, а сильные связи не могут не проявить себя. Он всё знает, в глубине души он уже всё знает, ведь в нём течёт кровь Фьене. Для Катерины это, скорее всего, будет сюрпризом. Склонное к порядку сознание не сможет сразу воспринять то, с какой простотой слагаются судьбы, ведомые высшим соединением, пронизывающим множество миров. Но она научится, ей есть для кого научиться. Дом даст ей время и будет ждать момента, когда Катерина будет готова принять корону. Она на своём месте, как и сама Касфан.

Глубокий вдох, и онемевшие ладони отталкиваются от камня, только сейчас почувствовав, какое сильное напряжение проходило через них всё это время. Тело было ослаблено и то и дело вздрагивало от остаточных искр, блуждающих под кожей. Двигаться было тяжело, но мысленная концентрация в сочетании с силой дома помогли Королеве выбраться из скрытого зала, после чего она опустилась на пол, не способная больше двигаться куда-то ещё.

Все ответы были в её руках, осталось лишь решить, как распорядиться полученным знанием. Катерина останется здесь, едва ли дом Фулси станет противиться этому. Касфан даже не была уверена, что Ририен и Уриния поддерживали связь всё это время. А если не выйдет, то

она знает человека, к мнению которого Катерина, безусловно, прислушается, даже если не осознаёт этого. Великие дома спасены, теперь есть кому унаследовать тяжёлое бремя дома Фьене. Литеусам не восторжествовать, пока священные союзы находятся под защитой дома времени. И Катерина сможет защитить их, и в этом она точно не будет одна...

Вот уже в который раз он смотрел на пары, кружащиеся в зале. В который раз осознавал, насколько ему опротивели все светские мероприятия, а ведь когда-то он любил их, ждал с нетерпением, и всеми силами стремился приехать пораньше. Он изменился, нет, изменились обстоятельства, без которых любое общественное событие было ему в тягость. В голове снова и снова мелькал бал, тот последний бал, когда он наслаждался каждой минутой, но там рядом был верный друг, на которого он всегда мог положиться и та, танец с которой перевернул его сознание, заставив прикоснуться к истинному воплощению Великой силы. Те мгновения всё ещё вспыхивали в его сознании безумным восторгом и наслаждением, сияли яркими красками и звуками, несравнимыми с этой пёстрой серостью. Но было одно но, то пиршество духа больше не могло повториться, потому что его друзей больше нет.

Акессизель помнил всё, сейчас те годы казались счастливыми и беззаботными. Он был на своём месте, был там, где должен был быть. Юный наследник ощущал себя собой, и у него не возникало никаких мыслей о том, что он может делать что-то не так. Всё было на удивление просто, мир был простым и понятным, и никакие новые открытия не делали его сложнее, а только прекраснее. Акессизель открывал для себя этот мир, плыл по лучам солнца, снова и снова узнавая новое о себе самом, но кто знал, что в одно мгновение его многоцветный мир может разлететься на осколки...

Обычный день дома, отец уехал куда-то ещё с утра, не сказав ни слова, а мать взволнованно сжимала руки, то и дело подходя к окну. Сам он тогда никак не мог сосредоточиться на своей конструкции, которую юный Мюриэле собирал для концентрации маленьких молний. Какая-то атмосфера беспокойства застыла в воздухе, не давая продохнуть, и дело было не только в его родителях. Всю ночь ему не спалось, кошмары терзали его, не давая ни на мгновение прийти в себя. Он снова видел их – непонятные существа, покрытые слизью, отливающей в свете луны неприятным блеском. Ему было страшно, страшно до ужаса. Акессизель бежал, но ноги не слушались, он кричал, но крик застревал в горле, и лишь только с рассветом юный наследник смог погрузиться в спасительную полудрёму. С утра он также был не в себе. Мысли путались, а голова нещадно болела от усталости и недостатка сна, но Акессизель старался не показывать этого, усиленно осматривая своё творение.

Когда вернулся отец, он внутренне уже знал, что происходит. Чувствовал, но словно находился выше этого, не давая себе полностью осознать ситуацию. Лишь когда родители озвучили ему страшную новость, сердце его окончательно упало. От пережитого потрясения Акессизель выпал из реальности, не слыша ни заверения родителей, ни свои мысли. Сознание возвращалось крайне медленно, по кирпичикам собирая разрушенные стены. И когда последняя брешь была заделана, огненное возмущение вихрем поднялось из самых глубин его сердца.

- Это ложь! - кричал он, ни на мгновение не сомневаясь в своей правоте. Акессизель знал это, он чувствовал, и не мог позволить, чтобы кто-то считал иначе. У него не было аргументов, не было доказательств, лишь собственное сердце вопило, что они живы... Живы! Но никто его не услышал, многочасовые эмоциональные протесты, в конце концов, были усмирены с помощью сил Ноэллии и лекарственных трав, но внутренний зов его так и не был заглушён.

Акессизель помнил себя неделями лежащим в кровати, напоенный множеством успокаивающих лекарств, пустым и измождённым. Как будто враз отобрали все силы и эмоции и приказали жить. И он начал жить, но не так, как раньше. Акессизель отказался от эмоциональных протестов, отказался от громких заявлений, но в глубине души так и остался верен самому себе, не сомневаясь и не отбрасывая прочь ту часть своей жизни. Так шли годы, он рос достой-

ным наследником, большим Мюриэле, чем кто-либо до него, но только теперь никто, даже его родители, не знал о том, что на самом деле происходит в его душе. Нет, Акессиэль не закрылся от мира, но строго определил ту грань, за которую вход другим был запрещён. И при всей его сильной эмоциональности и взрывном характере, сейчас едва ли кто мог догадаться, что творится в мыслях у юного Мюриэле. Сдержанный, возвышенный, спокойный. Даже не верилось, что в этом человеке есть хотя бы искра пламени, но она была и пылала жарче любого пожара, и лишь годы научили его скрывать эту мощь, оставляя едва заметные искры лишь в самой глубине синих глаз. Акессиэль продолжал жить, сила и спокойствие росли в его душе. Он знал что-то, во что даже сам не мог поверить, и эта убеждённость росла в нём, противореча всем потрясениям на его пути. Душа болела от осознания, от видимой безысходности и отчаяния, но сердце было спокойно, оно оставалось на своём месте, точно зная, куда ведёт его путь.

И вот сейчас, на очередном балу дома Люэно, Акессиэль, честно оттанцевав два танца, поднялся на второй уровень, чтобы скрыться от глаз вездесущей матери и уже успевшей ему поднадоесть амбэральской толпы. Главным преимуществом балов в замке Люэно было то, что зал для приёмов состоял из двух уровней, верхний из которых балконом опоясывал стены, позволяя с высоты нескольких этажей оценить красоту танцующих или, как в его случае, просто побыть одному.

Но, к сожалению, его одиночество было недолгим. Едва слышав приближающиеся шаги, Акессиэль отодвинулся от перил и равнодушно посмотрел в сторону пришедшего. Он знал, кто это будет. Единственный, кто в силу то ли доброго характера, то ли родственных связей никак не желал оставлять его в покое. Не то чтобы сам Мюриэле пытался грубить, чтобы отогнать от себя посторонних, просто его холодность и равнодушие давно бы заставили любого опустить руки, но его двоюродный брат был явным исключением. Джулиан Брюнье во многом был личностью исключительной. Наследник светского дома, он унаследовал от матери огромный потенциал способностей Фьене, который выражался порой в весьма необычных и непонятных формах. У Джулиана была прекрасная интуиция, особенно в отношении того, что происходит вокруг него. Он словно читал людей, как открытую книгу, и это не могло не задевать некоторых личностей. И вот сейчас его брат пришёл сюда, совершенно уверенный, что его близкий человек нуждается в участии и не должен находиться один, даже если и сам всеми силами к этому стремится. Мюриэле, даже не пытался возмущаться, за годы общения с Джулианом он уже привык к подобным происшествиям и научился воспринимать его вмешательство достаточно спокойно, как и многое в своей жизни.

- Тётя Ноэллия искала тебя, - спокойно начал Брюнье, облачиваясь на перила рядом с ним, - похоже, ты не дотанцевал ещё один танец.

- Танцев на сегодня достаточно, - холодно буркнул Мюриэле, - я не в том настроении, чтобы танцевать.

- Неужели ни одна дама на этом балу не оказалась достойной Милрена Мюриэле? - шутливо усмехнулся Брюнье.

- Очевидно, что нет, - выдохнул его брат, - или я не оказался достоин, что, впрочем, неважно.

Джулиан несколько секунд вглядывался в его лицо, что-то для себя решая. Шутливый тон полностью исчез, как и смешинки в золотистых глазах наследника дома Брюнье.

- Кессиль, - чуть слышно прошептал он, - может, хватит так себя изводить?

- Что значит изводить? - Мюриэле непонимающе смотрел на него, и лишь между его бровей залегла едва заметная морщинка. Он готовился к удару. Снова.

- Хватит изводить себя воспоминаниями о людях, которых не вернуть! - стремительно ответил Брюнье.

Акессиэль, словно ожидавший это услышать, привычно закатил глаза и отвернулся обратно к созерцанию гостей бала, весело танцующих внизу. Джулиан понял, что переборщил.

Его брат, наверняка, слышал эти же выражения миллионы раз от своих родителей и прочих людей, испытывающих необходимость ему об этом напомнить, и он также игнорировал их недовольство, закрываясь в себе, не давая никаких ответов на то, что же происходит в его душе.

- Прости, Кесси, я не сдержался, - искренне выдохнул Брюнье, действительно чувствуя себя виноватым от первого необоснованного порыва. Акессиэль же, похоже, был весьма удивлён этим заявлением. Он оторвался от созерцания танцующих, отодвинулся от перил и непонимающе уставился на брата.

- Прости, - ещё раз повторил Джулиан, - думаю, ты слышал эти обвинения много раз от всех своих знакомых, но я не хочу давить на тебя или требовать, чтобы ты отказался от своего прошлого. Я просто хочу понять, зачем тебе всё это? Почему ты никак не можешь отпустить всё и идти дальше? Что держит тебя там? Ты ведь понимаешь, что ты единственный наследник своих родителей. Тебе наследовать корону дома Мюриэле, а значит, рано или поздно тебе придётся связать свою судьбу с кем-то ещё. Ты не сможешь оставить корону своему дяде или его сыну. Я знаю, ты искренне любишь свой дом, пусть даже и стараешься этого не показывать, и ты не позволишь ему погибнуть. Почему же ты не хочешь послушать своих родителей и хотя бы попытаться посмотреть на всё иначе? Быть может, нашёлся бы и человек, который смог бы открыть для тебя новую жизнь, без всего того, что окружало тебя в прошлом. Ведь ты и сам понимаешь, что рано или поздно эти вопросы снова встанут перед тобой, и тебе придётся решать их, как бы ты ни увильвал от этого все эти годы. Тебе будет ещё больше и тяжелее, и не лучше ли решить всё сейчас, когда твои близкие могут тебе помочь, когда я могу тебе помочь? Хотя ты и никогда не доверял мне полностью, я твой брат, Акессиэль, и я всегда буду на твоей стороне, но я просто не понимаю зачем...

На последних словах Джулиан в бессилии опустил на перила. Он сделал всё, что мог, попытался передать все те чувства, что терзали его душу, и теперь оставалось лишь уповать на то, что Мюриэле не закроется, как обычно, в свои доспехи из равнодушия и отстранённости, а скажет ему хоть что-то, что могло бы помочь Джулиану понять или хотя бы принять то, что происходит в его семье.

Переведя дух, Брюнье поднял глаза на брата и в удивлении замер. Акессиэль улыбался, улыбался совершенно легко и непринуждённо, как улыбаются беззаботные дети, глядя на солнышко в жаркий летний день. Черты его лица расслабились, а глаза наполнились глубоким внутренним светом, который, казалось, мог согреть целый мир. Джулиан уже и не помнил, когда видел у своего брата такую улыбку. В этот момент на нём не было масок, и его самоконтроль не создавал между ними широкие пропасти. Акессиэль был собой, открытый, настоящий. Он не был сломлен, нет, он был больше, чем он есть в эти мгновения. Казалось, что вся его жизнь была на удивление лёгкой и понятной, и Мюриэле чуть снисходительно улыбался искреннему непониманию наследника Брюнье.

- Знаешь, Джуль, - осторожно начал Акессиэль, также мягко улыбаясь, взглядом устремившись только в ему ведомые дали, - если ты никогда не пробовал яблоко, ты можешь принять за него любой фрукт, который тебе назовут яблоком. Это естественный процесс, таким способом мы познаём и открываем для себя этот мир. Но вот если ты уже знаешь вкус яблока, ничто в целом мире не способно обмануть тебя и внушить, что оно имеет вкус апельсина.

Джулиан недоумённо нахмурился, не понимая, что имеет в виду его брат, но тот спокойно продолжал, словно не замечая смещения слушателя.

- И вот так со всем в жизни. Если ты узнал что-то важное для себя, тебя уже невозможно будет поймать на подделку. Если ты видел истину, то едва ли согласишься на что-то меньшее, - он выдохнул, оторвавшись от перил и посмотрев на брата. - Я видел истину, Джуль, и я не готов согласиться на меньшее.

- Что значит видел истину? - не понял наследник Брюнье. - В чём твоя истина, и почему ты не готов отступить от неё?

Акессизель задумался, словно решая, как лучше объяснить брату происходящее. Тут его взгляд зацепился за несколько фигур, танцующих в центре зала, и он снова улыбнулся.

- Скажи, Джуль, с кем свяжет тебя судьба в будущем?

Вопрос был настолько неожиданный, что Брюнье невольно вздрогнул и стушевался.

- Я не просил о видении в храме, поэтому пока не знаю, что...

- Да брось, Джуль, - с вызовом воскликнул Мюриэле, - ты же наполовину Фьене! Ни за что не поверю, что ты ещё не понял, кто предназначен тебе!

- Если ты такой умный, то сам скажи мне, - недовольно бросил Брюнье, скрестив руки на груди.

- И скажу, - усмехнулся Акессизель, которого, очевидно, забавляла вся эта беседа. - Воспитывается в храме Фьене, хотя сама происходит из дома порядка, точнее, дома памяти.

- Откуда ты..., - в ужасе начал Джулиан, но Мюриэле перебил его, пренебрежительно махнув рукой.

- О, силы, это же до безумия очевидно, - его глаза снова перестали надсмехаться, вернув себе сияющее и умиротворённое выражение, которое завладело Акессизелем в начале разговора. - Ты помнишь бал дома Морзано? - мягко продолжил он. - Помнишь танец дома Брюнье, который мы танцевали в две пары? - Джулиан только кивал, не понимая, что хочет донести его брат. - Тогда мы пробудили небывалую мощь и после танца долгое время не могли прийти в себя от произошедшего, - он снова поднял глаза на Брюнье. - Джуль, так станцевать танец можно только с кровным родственником или человеком, связанным с тобой судьбой, поэтому моё предположение о Катерине было очевидно.

Наследник дома Брюнье невольно усмехнулся в ответ на мягкую и открытую улыбку своего брата. Да, всё было до невозможности очевидно, а ему ещё казалось, что он тщательно скрывает свои симпатии. Но тут его мысли вернулись к самому началу их разговора.

- Значит, из-за этого танца ты считаешь, что Эмриссия твоя пара?

- Нет, не из-за этого, - мягко улыбнулся Мюриэле, - для меня это скорее следствие, нежели причина.

- А в чем же причина? - непонимающе спросил Джулиан.

- Я люблю её, - просто ответил Акессизель, и Брюнье невольно удивился тому спокойствию, с которым он произносил настолько значимые для него слова. - Я всегда её любил, поэтому это не было такой неожиданностью.

- Но вы же знакомы с детства, - возмутился Джулиан. - О какой любви может идти речь, когда вам нет ещё и семи лет?

- О самой, что ни на есть, простой, - снова улыбнулся Мюриэле, поднимая глаза на своего брата. - Ты путаешь влюблённость и любовь. Для того, чтобы влюбиться, нужен возраст, определённые обстоятельства, состояние души, а для того, чтобы полюбить, нет. Любовь также естественна, как и всё в этом мире. Она не требует никаких действий, никаких признаний. Всё это лишь следствия, возникающие или нет в зависимости от ситуации. Любовь просто есть, нисколько не мешая течению жизни и ничего не требуя от неё. Она не зависит ни от обстоятельств, ни от стороннего влияния. Её невозможно подделать или воссоздать, она просто есть, так же естественно, как всё, что имеется в этом мире. Вопрос лишь в том, когда каждый из нас, наконец, заметит её существование. Я понял, что люблю Эмриссию с самой первой встречи, но тогда даже не мог осознать это чувство, настолько оно было неотъемлемой частью моей жизни. Явным, простым, ничего не требующим взамен. Оно просто было. Я знал, что есть она, что есть я, и мы могли периодически играть с друг другом. Для моей любви этого было более чем достаточно. С временем мы выросли, но чувство это было также естественно и неотделимо от меня, что я нисколько не придавал ему значения, не пытался подобрать ему название, потому что просто не представлял жизни без него. Лишь раз это чувство заставило меня задуматься. На том самом балу, когда мы танцевали танец дома Брюнье, оно словно высвободилось наружу,

поглотив нас обоих. Его было слишком много, и это вызывало вопросы, хоть и не заставило полностью погрузиться в эти мысли. Мы были рядом, и этого было достаточно, - Мюриэле ненадолго остановился, и в голосе его послышались более глухие ноты, но тон его по-прежнему оставался спокойным, - до тех самых пор, пока мне не объявили, что их нет. Тогда я много думал, анализировал то время, что мы были вместе, и пришёл к простому, но, к сожалению, трагическому выводу: я всегда любил Эмриссию Морзано, и не думаю, что этот факт когда-нибудь изменится. Я видел истинные чувства и никогда не смогу согласиться на подделку. Твоя Катерина там внизу, и пусть она зачастую недовольна твоим присутствием рядом с ней, ты ещё можешь всё изменить, а я, похоже, уже нет. Но и вариант подпустить к себе чужого человека меня несколько не устраивает. Это мой выбор, Джулиан, моя жизнь. И понимая всю свою ответственность перед домом и семьей, сейчас я не намерен ничего предпринимать. Сила укажет мне путь, когда придёт время, а ложь рано или поздно разрушит мою жизнь. Чужому для себя человеку я не могу принести ничего кроме горя и страданий, даже если сам не буду желать этого. Так к чему же вообще разрушать чью-то жизнь? - он спокойно улыбнулся. - Мой путь откроется мне, я знаю, и не собираюсь отступаться от того, что живёт в моём сердце.

- Быть может, ты ошибся? - всё ещё пребывая в шоке от услышанного, спросил Джулиан. - Ведь ты повзрослел, сильно изменился. Сейчас тебе, наверное, не было бы интересно рядом с той маленькой девочкой из твоего прошлого. Почему же ты всё ещё живёшь эмоциями того маленького мальчика, которым ты уже давно не являешься?

Акессизель задумался, сжав зубы, решая, продолжать ли ему этот разговор. Однако через какое-то время он кивнул своим мыслям и снова расслабился, грустно улыбувшись.

- Не уверен, что я живу именно теми эмоциями, - ответил он. - Да, в своём сердце я храню их как драгоценное сокровище, но это не то, что придаёт мне сил идти дальше. Знаешь, где-то в глубине души мне до сих пор кажется, что я чувствую их. Что они живы, и где-то растут и взрослеют так же, как и я. Даже порой я чувствую их эмоции или могу видеть их во снах. Мне кажется мы так близко, что протяни руку, и дотронешься до самого сердца. Да, разум твердит, что такого просто не может быть, но душа спокойно принимает, не допуская сомнения, а я привык доверять своим чувствам и решениям.

- То есть ты хочешь сказать, - медленно, словно пытаясь это осознать, проговорил Джулиан, - хочешь сказать, что Эмриссия жива?

- Я не могу вслух ответить на этот вопрос, - опустив глаза, улыбнулся Акессизель. - У меня нет никаких доказательств, кроме собственных ощущений и предчувствий. Всю жизнь меня учили доверять себе. Ну так в этот раз я действительно верю себе.

Джулиан кивнул, да и что он ещё мог сказать. От полученной информации голова шла кругом, а сознание разрывалось между тем, чтобы действительно поверить брату или признать его помешавшимся. Нет, Акессизель не был отступником или одержимым, сила вспыхивала вокруг него ровным светом, не оставляя сомнений в его вменяемости и посвящении. Тогда всё, что он говорил... В это невозможно было поверить, но в то же время Брюнье не собирался отрицать услышанное. Единственное, что мог сейчас сделать Джулиан, это отложить все эти мысли до тех пор, пока он сам не сможет внести ясность в этот вопрос. До тех пор наследник светского дома не будет ни принимать, ни опровергать мнение брата, и не будет больше пытаться направить его на путь истинный.

Акессизель светился, когда вспоминал своих друзей, но глаза его не были глазами человека, который застрял в прошлом. Нет, младший Мюриэле уверенно смотрел в будущее, в глубине души не имея ни малейшего сомнения. Его брат верил себе, быть может, пришла и его очередь довериться ему. В конце концов, закон свободной воли не сломим, и если Акессизель захочет изменить свою жизнь, ничто и никто не сможет его остановить...

Храм Фьене - великая и прекрасная цитадель времени. Что же здесь забыла она, девчонка Истаресс, дочь наместника из дома порядка? Как, благодаря какой магии, эта древняя мощь смогла принять её за свою, да ещё и в будущем передать ей то, на чём долгие годы держалась сила и благополучие Великих домов? Казалось, кроме Касфан Фьене ответов не знал никто, да и сама Королева не спешила раскрывать свои секреты никому, даже ей, её единственной ученице, той, кому теперь предстояло однажды занять место главной хранительницы семьи времени. Порой Катерина сама не верила в то, что происходило вокруг неё, но раз за разом реальность приносила ей свои аргументы, и девушке волей-неволей пришлось поверить в них. Кто она теперь? Даже сама юная Истаресс не могла найти ответа на этот вопрос. Когда-то всё было просто и понятно. Теперь же душа едва цеплялась за разрушенные стены, стремясь утвердиться хоть в чём-то, принять хоть какую-то часть её сегодняшней жизни, которая казалась сном. Когда-то Катерина была обычной дочерью дома памяти: умной, безумно талантливой, такой, какой и должна была быть. Ей нравилось знать больше, чем другие и чувствовать себя всегда на шаг впереди. Умница Катерина всегда была на высоте и с усердием и упорством принималась за любую даже самую сложную задачу, которую после торжественно представляла своим близким. Но это было давно, так давно, что она уже и сама порой не верит, что всё это было правдой. Потом была страшная ночь, которую Катерина едва помнила, после всего пережитого ужаса. Она не знала, как добралась до храма времени, помнила лишь белые высокие ступени и обеспокоенное лицо Касфан Фьене.

Позже, очнувшись в медицинском помещении, девушка просто не могла поверить, что всё это реально, что всё происходящее действительно существовало, и это не очередной сон, навеянный множеством её мыслей. Но это был не сон, её дом был практически полностью уничтожен, и она осталась одна. Катерина не помнила, что говорила Касфан, просидевшая не одну ночь рядом с девочкой, следя за её состоянием. Помнила лишь как рыдала на руках у хранительницы времени, даже не задумываясь о том, почему она вообще доверяет этой женщине. Тогда было беспокойное время для её души: сон сменялся болезненным бодрствованием, после чего она снова в бессилии проваливалась в забытие. Очнулась девушка лишь на четвёртый день своего нахождения в храме времени. За окнами было темно, очевидно, ночь уже вступила в свои права, но Катерина даже не знала, сколько прошло времени. Комната встретила её немим молчанием. Касфан отлучилась по делам, убедившись, что девочка заснула, и теперь юная Истаресс была предоставлена сама себе в огромном храме, хранители которого давно уже видели десятый сон. Медленно, опираясь на ослабевшие ноги, она поднялась с постели и, взяв в руки лампу, осторожно открыла дверь. В длинном коридоре, представшем перед ней, было пусто. Неяркий свет выхватывал из темноты очертания лепнину, украшавшую стены, и множество резных дверей, ведущих в прочие помещения храма. Девочка глубоко вздохнула и двинулась вперёд. Катерина не знала, куда именно идти, у неё вообще не было мыслей о том, куда она хотела попасть. Юная Истаресс просто шла, стараясь осознать, где она находится, чтобы хоть как-то определить своё местонахождение в этом мире. Крыло, где находилась девушка, было действительно очень красивым, и даже отсутствие яркого света не мешало ей наслаждаться этим великолепием. Причудливые детали выступали из темноты, будто приветствуя её, от них веяло временем и мудростью, а ещё красотой, той, что способна пережить века. Духи мира словно замерли в вечности и теперь с улыбкой смотрели на неё, на юное дитя, только вступающее на свой путь в этом мире. Они украдкой провожали её, точно зная о том, куда она держит свой путь и каким будет его конец. Девочка продолжала идти, стены начали светиться изнутри, как будто за ними раскрылся огромный небосвод, он придает им неповторимое сияние звёзд, так знакомое многим путникам, ищущим своё место в этом мире. И Катерина шла. Теперь уже не было сомнений куда идти, едва заметный свет вёл её, словно невидимый проводник, и девушка с готовностью следовала за ним, даже не подумав о том, зачем она это делает. Тем временем коридор сменился несколькими извилистыми поворотами, и юная Истаресс оказа-

лась лицом к лицу со странной выпуклой дверью, которая, как и ранее стены, светилась едва заметным светом, словно прося отворить её, но девочка медлила. За ней было что-то невероятное, что-то, заставлявшее шевелиться волосы на её голове, но в то же время ей безумно хотелось узнать, что же находится там, не зря же огоньки столько времени вели её сюда. Осторожно поставив лампу на пол, Катерина взялась обеими руками за ручки двери и, распахнув её, невольно ахнула. Это действительно было небо, звёздное ясное небо, радостно сияющее всем, взывающим к нему. Вот только оно было не только на потолке, звёзды сияли и на полу, и на стенах странного шарообразного помещения. Казалось, что войдя туда, ты сорвёшься в просторы огромной вселенной, сияющей среди миллиардов звёзд всем своим великолепием. И девочка решилась. Раньше она ни за что бы не посмела входить в незнакомые помещения чужого дома, но звёзды были настолько красивы, а её израненная душа так тянулась к любому проявлению светлого и прекрасного, что Катерина уверенно перешагнула порог, отпустив тяжёлые створки, которые тут же закрылись за её спиной. Пол был уклонным, как будто она действительно находилась в огромном шаре, но младшая Истаресс едва отметила этот факт, прежде чем утонуть в восхищении. Вокруг неё сияло небо, огромное ночное небо во всём своём великолепии. Она никогда не интересовалась созвездиями, теперь же ей хотелось знать о них всё. Знать, чтобы каждую ночь встречать как старых знакомых, находя их знаки на небосводе. Ей было на удивление легко, здесь царил торжественное спокойствие. В свете дальних миров просто невозможно было не поддаться гармонии. Это сияние рассказывало о вечности, о красоте, о неземных полётах, которые совершают звёзды и их обитатели, о том, как прекрасен может быть мир, если заглянуть чуть выше на небосвод. И Катерина чувствовала всё это. Она купалась в этом свете и благодати, и впервые за эти долгие дни громко рассмеялась, настолько ей было легко и хорошо в этом месте. Дом словно пытался излечить её душу, показывая самое восхитительное из того, что есть в этом мире. Он знакомился с ней осторожно, позволяя узнать себя и не испугнуть девочку, лишь недавно переступившую его порог. Раз за разом он открывал ей всё большее и большее великолепие и искренне радовался улыбке, которая теперь не сходила с её лица. Постепенно свет звёзд стал меняться, из рассеянного он вдруг перешёл в резко направленный, и в его луче стало проявляться что-то, о существовании чего Катерине доводилось только слышать. Это были Нити, множество Нитей, оплетающих этот мир, каждая из которых несла в себе своё собственное назначение, свою собственную тайну. Они хранили знания прошлого, они хранили знаки будущего. Словно множество серебряных струн они пронизывали пространство, высвечиваемые светом далёких звёзд. Какие-то из Нитей переплетались и связывались, другие шли ровно, словно линии, или образовывали невероятные сложные узоры. Катерина уже нисколько не скрывала своего восторга от происходящего. Она осторожно тянула ладони к Нитям, стараясь уловить то, какие тайны скрывает каждая из них. Медленно, опасаясь одним движением нарушить всю эту красоту, девушка приблизила ладонь к одной из Нитей. Воздух под её рукой трепетал, создавая ощущение пульса, словно там, в глубине этой Нити, билось чьё-то сердце, и она смогла почувствовать его ритм. Эти сердца были разные: горячие и холодные, большие и маленькие, неподвижные и рвущиеся куда-то, и у Катерины захватывало дух от множества цветов и ощущений. Сразу вспомнилась домашняя библиотека - легендарное хранилище Истаресс, тайны которой просто невозможно было перечислить. На душе у девушки тут же возникла тоска, и мир вокруг неё изменился. Комната была настроена на внутреннее состояние вошедшего, и просто не могла не отреагировать. Приглушённый голубовато-белый свет вдруг стал постепенно меняться. Ровные лучи сменились тучными ало-жёлтыми всплесками. Они не были тонкими и прозрачными, как сияние звёзд, они, словно дым, захватывали каждый миллиметр пространства, вызывая отчаяние. Появились другие Нити: бордовые, тёмно-оранжевые, перевязанные в тяжёлые узлы и угрожающе нависающие над девушкой. Отчаяние в её душе становилось только сильнее. Словно летящий с горы снежный ком, оно впитывало подобные себе чувства и нарастало со стремительной скоростью, грозя обрушить свою мощь

на юную Катерину. Её эмоция создала этот поток, притянув к себе соответствующие силы. Отчаяние, гнев, слезы, обида - всё это нарастает стремительно, и очень сложно остановить лавину, несущуюся на твоё сознание, тем более, когда ты воочию видишь, во что превратился этот поток. Теперь зал бушевал, огромные потоки, словно волны, разбивались один о другой, создавая тёмные брызги и вспышки. Паника и отчаяние поглотили Катерину и, как бы цитадель не пыталась, она не могла пробиться через её эмоции, чтобы защититься, и тогда она приняла единственное возможное решение, чтобы помочь девочке выпутаться из кошмара, в который превратилась её душа.

Двери зала резко распахнулись, и на пороге появилась Касфан. Очевидно, она находилась в другом зале, когда ощутила зов храма немедленно прибыть сюда. Лицо её было измождённым и уставшим, однако это нисколько не мешало решимости, сиявшей в её глазах. Быстро оценив ситуацию, Королева двинулась внутрь, и в ту же секунду алые облака, толпившиеся у входа, поплыли от неё прочь, а атмосфера рядом с ней стремительно окрасилась в сине-фиолетовые цвета, ровным сиянием осветившие зал. Она уверенно шла, и с каждым шагом ужас, царящий в зале, отступал под её натиском, сражённый спокойствием и светом её души. Медленно, словно обдумывая каждый шаг, Касфан приблизилась и опустилась на колени перед Катериной. Девочка к тому времени уже успела сжаться в комочек и, словно загнанный зверь, забилась в дальний угол зала, пытаясь скрыться от беснующихся потоков. Теперь же свет Великой Королевы ослеплял и даже доставлял дискомфорт, сознание упивалось собственным отчаянием и никак не хотело отпустить его, не исчерпав полностью.

- Ты можешь остаться здесь, - спокойно проговорила Касфан. - Ты пережила многое и имеешь право на страдание от пережитого, но я предлагаю тебе другое. Ты можешь оставить это эмоциональное безумие и пойти дальше. Я могу помочь тебе выбраться отсюда, могу помочь успокоиться и вернуть ясное понимание происходящего и контроль над эмоциями, но я не смогу сделать это без твоей воли. Ты вольна выбирать, куда идти, и никто, даже я, буду не в силах повлиять на твоё решение.

Эти слова явно не были тем, что Катерина ожидала услышать от главы дома времени. Она ожидала утешений, обвинений, но только не того, что её поставят перед фактом понимания собственного состояния, да ещё и предоставят выбор. Да, она упивалась своим отчаянием, тонула в нём и даже готова была обвинить любого в своей трагедии, но это не было выходом. Катерина не могла позволить себе погрязнуть в унынии и опуститься до отступничества. Только не она! Слишком хорошо юная Истаресс понимала последствия того, что если её душа будет страдать, этот мир наполнится ещё большим ужасом и отчаянием. Нет, она не могла это допустить! И как бы ей не хотелось отрицать очевидное, но Касфан была права, ей необходимо было прекратить свои самобичевания и как можно скорее.

Медленно закрыв глаза, девочка попыталась сосредоточиться на фразе, часто использовавшейся в их доме в качестве молитвы. Повторяя её, Истарессы порой настраивались на то, чтобы ощутить и распознать прошлое, но Катерина никак не могла подумать, что эта фраза будет применима и в данный момент.

- Да будет благо этому миру, - чуть слышно шептала девушка, стараясь сосредоточиться на ритме, вопреки эмоциям, которые всё так же бушевали в её душе. Постепенно удушливая атмосфера ослабевала, и, не открывая глаз, Катерина почувствовала, как её сознание понемногу освобождается от давления, вызванного потоком отчаяния и беспомощности. Теперь юная Истаресс могла мыслить и понимала, в какую эмоциональную клетку она чуть было не загнала себя.

Чьи-то руки осторожно помогли ей подняться, чьё-то спокойствие будто влилось в поток вместе с её молитвой, всё быстрее и быстрее очищая восприимчивое сознание от ядовитых паров. Когда же оковы её мироощущения пали, девочка резко открыла глаза, вглядываясь в свою спасительницу. Касфан стояла напротив, удерживая её за руки. Лицо её было таким

же спокойным и умиротворённым, а в глубине глаз сияла улыбка. Воздух вокруг Королевы был наполнен насыщенными фиолетовыми цветами вместе с тёмно-синими оттенками, в то время как её собственные руки теперь излучали красивое золотистое свечение с вкраплениями тёмно-фиолетового цвета. Всё закончилось, Катерина выбралась из пучины собственного отчаяния. Она смогла, смогла взять себя в руки и остановить поток, ревущий в её душе. Не выдержав напряжения, девушка крепко обняла Касфан, заплакав от облегчения. Всё, теперь всё закончилось, она была дома, и теперь всё будет хорошо. Катерина выберется, она справится и переживёт всё то отчаяние, что плещется в её душе. Девушка никогда не забудет свою семью, которую она потеряла, но сможет идти дальше, обязательно сможет, и Королева дома Фъене поможет ей в этом.

Тогда юная Катерина даже не могла представить, насколько пророческими окажутся её мысли. Спустя несколько месяцев её братья со скандалом покинули цитадель дома времени, решив отправиться в Школу оруженосцев. Сама девушка считала это глупым и абсолютно необоснованным решением, но Аткинэсс был упрям, и Катерина не смогла его переспорить, полностью отпустив ситуацию. В конце концов, это был их выбор, и едва ли она могла повлиять на него своими убеждениями. Ририен Фулси пытался поначалу предложить забрать племянницу к себе, но Катерина отказалась. Она едва знала дом Фулси. В те несколько раз, когда девушка встречалась с семьёй своего дяди, Катерина не чувствовала никакой душевной близости и доверия. Дом знаний находился в тяжёлой ситуации, и наследница Истаресс, выросшая рядом со стариннейшим хранилищем памяти, с трудом могла представить свою жизнь в цитадели, сила которой практически покинула её. Храм Фъене в этом вопросе был совершенно идеален: он сам дышал силой, неотделимой от его природы и значения, и Катерину ничуть не смущало, что направленность этой силы была совершенно противоположной её родному дому. Цитадель жила, а значит, и она могла жить здесь, раз дом времени принял её в свою семью.

В первые годы любые науки дома Фъене давались Катерине очень тяжело. Будучи душой и телом Истаресс, ей с трудом удавалось переключиться на понимание, свойственное домам хаоса, а не искать в происходящем то, что свойственно дому порядка. Эмоциональная чувствительность, внутреннее переключение внимания, видение через физическое прикосновение - всё это было настолько ново для неё, что казалось просто непосильным. Она привыкла воспринимать мир совершенно иначе, и теперь ей предстояло открыть для себя совершенно новые стороны того, что происходит вокруг. Касфан не торопила её, внимательно наблюдая за её успехами, да и сама Катерина с удовольствием погружалась в новые знания, правда, очень многое оставляла «на подумать» до тех пор, пока ей окончательно не удастся осознать, что же представляют из себя дома хаоса.

Ещё одним поводом совершенствоваться, не покладая рук, был Джулиан Брюнье, слишком часто проводящий время в храме дома Фъене. В их первую встречу, когда она уже была ученицей, Катерина официально поприветствовала его кивком головы, как и положено приветствовать наследника. Джулиан же в удивлении уставился на неё, недоумевая от столь официального жеста. По неизвестной ей причине, он почему-то решил, что их недолгого общения на некоторых встречах и балах было достаточно, чтобы забыть об условностях и вести себя как закадычные друзья. Катерина была с этим крайне не согласна и всеми силами старалась поддерживать официальный тон в каждой их беседе, но Джулиан был неисправим. Снова и снова он так переводил тему для разговора, что девушка моментально теряла всю свою официальную степенность, с жаром вступая в спор. Она точно знала, что юный Брюнье делал это нарочно, но не могла с собой совладать. Это был тот человек, рядом с которым Катерина никак не могла сохранить холодное спокойствие, так отличавшее её в юные годы. Джулиан был её ровесник, статный, красивый, с живыми золотистыми глазами, которые, казалось, видели тебя насквозь. В разговоре наследник Брюнье был мягок и улыбчив, но всегда умел создать ощущение того, что он уже всё знает наперёд, и его только умиляет, как просто и ловко ты следуешь его плану,

и Катерину просто не могли не выводить из себя подобные игры. Однако, несмотря на все эти качества, у Джулиана перед Катериной было одно главное и неоспоримое преимущество: он был Фьене, Фьене до последней клеточки, хоть по силе и по закону являлся наследником дома Брюнье. Ему на удивление с лёгкостью удавалось совмещать всё это в своей душе, и, будучи могущественным Брюнье, Джулиан не переставал быть очень талантливым во всём, что касалось сил дома времени. Он не обучался в храме, но Жозели, его мать, явно научила сына большинству основ. Нет, Джулиан никогда не хвастался перед юной Истаресс своими способностями, ему вообще не была свойственны бахвальство и фальшь, просто казалось, что он уже давно прошёл путь, на который вступала Катерина, и теперь гордо, словно сам был наставником, следил за её успехами. В порыве возмущения она несколько раз прогоняла его со своих занятий, но Джулиан только улыбался, а потом, несмотря ни на что, возвращался всё с той же загадочной и нежной улыбкой, появляющейся на его лице рядом с ней. Вот и сейчас, занимаясь цветами в небольшом внутреннем дворике храма, девушка, услышав глубокий вздох позади себя, развернулась, чтобы встретиться с добрым и слегка насмешливым взглядом Джулиана Брюнье. Он стоял чуть поодаль, облокотившись на одну из колонн, удерживающих свод открытой веранды. Лицо его было спокойным, умиротворённым и абсолютно счастливым, словно сейчас Брюнье находился в самом прекрасном для него месте, и он уверенно наслаждался каждым мгновением, что подарила ему судьба.

Юную Истаресс же такой зритель совершенно не устраивал. Потерпев минут пять под пристальным взглядом Джулиана, девушка резко обернулась, собираясь высказать этому самоуверенному юноше всё, что она думает о его поведении. Однако Джулиан, казалось, только шире улыбнулся, словно предчувствуя веселье, и уверенно посмотрел ей в глаза.

- Вам совершенно нечем заняться, Милрен Брюнье, что вы снова посетили эту цитадель?
- язвительно поговорила девушка, но юный наследник, казалось, обрадовался ещё больше.

- Да, дорогая Катерина, ни одного достойного занятия, что способно порадовать мой взор. Лишь храм Фьене продолжает утешать моё, жаждущее прекрасного, сердце.

- Что ж, очень жаль, что наследник дома Брюнье не в состоянии найти себе достойное занятие, соответствующее его статусу, а предпочитает бессмысленно терять время в храме, где каждый, прошу заметить, занят своим делом, – уничижительным тоном проговорила она, но юноша, будто и не заметив насмешки в свой адрес, ловко оттолкнулся от колонны и, перепрыгнув через небольшое ограждение, оказался во дворике рядом с Катериной. Истаресс даже вздрогнула от столь неожиданного поступка, но Джулиан только улыбнулся.

- А твоё дело на сегодня эти цветы, не так ли? - мягко спросил он, словно предыдущего диалога и вовсе не было. Девушка же удивлённо вскинула бровь, не понимая, с чего их разговор вдруг стал таким миролюбивым, и если юный Брюнье мог запросто забыть брошенные в него колкости, то Катерина не могла.

- Да, - самодовольно вскинув голову, ответила она. - Миен Касфан говорит, что обращение с живыми существами в будущем поможет обращению с Нитями живых людей...

- То есть ты насмерть запоишь или утопишь живого человека? - невинно спросил Джулиан, и Катерина, увидев, что увлечённая разговором она уже полностью залила один из цветков, вскрикнула и отскочила в сторону, обрызгав водой себя и по-прежнему улыбающегося Брюнье.

- Всё может быть, - серьёзно ответила она, отводя взгляд от собеседника, - некоторым людям просто необходима такая встряска.

Джулиан рассмеялся громко, свободно, как ей самой уже давно не удавалось. Он не боялся показаться глупым и неправильным. Брюнье был самим собой, и этого было достаточно.

- Чувствую, в числе первых утопленников ты бы явно назначила меня, - сквозь смех проговорил он.

- Вполне возможно, Милрен Брюнье, - строго бросила девушка, отходя к цветам в противоположной части двора, - пока вы не начнёте вести себя как полагает наследнику Великого дома.

- А что по-твоему должен делать наследник? - так же непринуждённо спросил Джулиан, вновь приблизившись.

- Заниматься науками, изучать искусства своего дома, - даже не глядя на него, уверенно ответила Катерина. Её плечи расправились, а взгляд стал спокойным и уверенным, словно она в очередной раз повторяла давно знакомую лекцию одному из своих братьев, - помогать старшим, практиковаться в использовании силы, изучать опыты прошлых лет, стараться понять, чем ты можешь помочь сейчас, учитывая твои знания и опыт старших...

- И всем этим ты занималась в цитадели Истаресс? - чуть слышно, удивлённо переспросил Джулиан, и Катерина вздрогнула. Да, её родной дом... Там она могла часами заниматься науками, если удавалось улизнуть от матушки. Ей было открыто всё, и каждую свою минуту юная Истаресс старалась использовать на то, чтобы узнать что-то новое или найти своим знаниям применение... Но всего этого больше нет.

Катерина и сама не заметила, как погрузилась в свои мысли, не отвечая на настойчивый зов Джулиана. Она снова была там, в своей цитадели, в окружении многовековых знаний и мудрости своей семьи. Катерина снова была собой, снова была свободна, а теперь она никто, без дома, без крова, без ясности сердца и души.

- Кети! - в очередной раз позвал Джулиан, и девушка, наконец-то, подняла взгляд. Глаза её были полны слёз, и только по удивлённому и беспомощному выражению лица юного Брюнье она поняла, что позволила себе лишнее, и тут же отвернулась, ладонями вытирая слёзы.

Она не должна была показывать свою слабость, тем более при нём. Катерина должна превзойти его, доказать, что она тоже достойна быть частью дома Фьене, а всё, что он увидел, это жалкую сломленную девчонку, которая даже за цветами не в состоянии ухаживать.

- Прости меня Кети! - глухо выдохнул Брюнье, и Катерина даже обернулась, не в силах поверить в услышанное. Джулиан не насмехается, не обвиняет её, он просит у неё прощения, но, Силы, за что?

- За то, что напомнил тебе о твоём доме, - словно прочитав её мысли, проговорил Брюнье. В глазах его было глубокое раскаяние, а ещё обеспокоенность, с которой он продолжал смотреть на неё.

Катерина только кивнула, принимая извинения. Сказать что-то она сейчас просто не смогла бы. Так они и стояли молча, не зная, как преодолеть тяжесть воспоминаний, повисшую между ними. Наконец, Джулиан глубоко вздохнул, возвращая себе самообладание. Боль в её душе может терзать её бесконечно, и лучшим вариантом будет сейчас отвлечь девушку на что-то хорошее.

- Катерина, а ты видела, какие получаются Нити, если призвать их в большом зале?

Вырванная из своих мыслей, Истаресс удивлённо подняла на Джулиана взгляд, стараясь вникнуть в его слова.

- Нити... в главном зале..., причём здесь это? - быстро пронеслось у неё в голове, и чуть слышно она ответила. - Нет, не видела, но я не могу вызывать их без Миен Касфан...

- Да ладно, - беззаботно улыбнулся Брюнье, - мы же только посмотрим, ничего трогать не будем. Ты даже не представляешь, какие они там красивые.

Катерина сомневалась. Она очень сомневалась, что стоит вообще затевать какие-то игры без ведома Королевы дома, но взгляд Джулиана был настолько обезоруживающим, а душа её настолько истощена недавними воспоминаниями, что девушка только кивнула, и в тот же миг, была схвачена за руку ликующим Джулианом, который бодро потащил её обратно в здание. Петляя по коридорам, они быстро вышли к дверям главного зала. Юный Брюнье летел, будто на крыльях, и обессиленная Катерина едва поспевала за ним. Вот он главный зал цитадели,

место, где происходят большинство ритуалов, проводимых по просьбе Великих домов. Она множество раз была в нём как в помещении, но ей ещё никогда не приходилось видеть главный зал в действии.

Открыв знакомые двери, они быстро вошли в залитый солнцем зал, даже не подумав закрыть их за собой. Великолепие залов храма Фьене каждый раз ошеломляло своих гостей, заставляя их забыть обо всём, кроме красоты, представшей перед их глазами. Однако Джулиана было трудно отвлечь даже таким прекрасным зрелищем. Привычно войдя в зал, он обернулся в сторону Катерины, как бы открывая ей путь. Девушка глубоко вздохнула, собираясь с силами. Ещё ни разу она не вызывала Нити без присутствия Касфан. Зачем она вообще ввязалась в эту авантюру? Не могла сказать "нет" с самого начала?! Всё это было неправильно, абсолютно неправильно, и им обоим сильно попадёт, если кто-то узнает. Но сейчас отступить было поздно, девушка и так сегодня достаточно опозорилась перед Брюнье. Пора было показать, что хоть на попроще Фьене она действительно чего-то стоит.

Медленно Катерина прошла мимо Джулиана, едва удостоив того взглядом, и встала в центре зала. Привычным движением мысли она попыталась прислушаться к себе, как делала на занятиях каждый день, но мысль о том, что сейчас Брюнье стоит за её спиной, безумно отвлекала.

- Не переживай, у тебя всё получится, - услышала Катерина едва различимый шёпот и обомлела от мысли, что он не мог принадлежать никому, кроме Джулиана. Он подбадривает её? Всё, хватит! Она сделает это! Она сможет!

Отвлечься от реальности, внутренне сконцентрироваться, почувствовать весь мир через своё сердце, ощутить его, вывести взор вне себя, почувствовать своё единение со всем миром, ощутить его, осознать потоки, текущие через её тело туда, к дальним мирам, ощутить под своими ладонями стремительное движение Нитей, открыть глаза и не сдержат восторженного возгласа при виде красоты, раскрывшейся перед ней.

Вы когда-нибудь видели радугу? Плоское коромысло, появляющееся от света солнца после дождя... Эта радуга была объемна, она переходила из фигуры в фигуру, из Нити в Нить и переливалась такими цветами, которые её взгляд, казалось, вообще никогда не видел. И всё это было живое, всё передвигалось, ища себе место, стремилось куда-то или, наоборот, погружалось в себя. Мир был настолько огромный и прекрасный, что даже его малая часть, собранная в этом зале, могла лишить чувств своим величием и совершенством.

Не в силах сдержать своих эмоций, Катерина полностью погрузилась в эту красоту, забыв о контроле. Джулиан слишком поздно сообразил, что он наделал, прежде чем предотвратить это. Катерина была из дома порядка и не привыкла к постоянным сильным эмоциям, бушующим в её душе. Для неё каждая новая эмоция была непривычным и оглушительным ударом настолько, что она полностью теряла контроль над собой, а в обращении с Нитями времени и пространства это было недопустимо. Нити улавливают каждое чувство, каждую эмоцию, и если потерять связь с потоком, он просто раздавит тебя своей силой и мощью. Катерина не привыкла к постоянным эмоциям, но он привык...

Быстро, не давая девушке осознать, что поток уже вышел из-под её контроля и сейчас обрушится на неё, Джулиан подбежал к ней, на ходу минуя узлы силы и Нити. Он должен быть быстрее, он не должен дать ей испугаться этого мира, который она только что увидела таким прекрасным и удивительным. У него оставались секунды, и быстрым стремительным движением он оказывается позади неё, переплетая её пальцы со своими, перехватывая её контроль над Нитями. В то же мгновение Джулиан почувствовал, как сила в зале стала перенастраиваться под его эмоции. Множество золотых искр закружилось в вихре вокруг них, вызывая ещё один восторженный возглас Катерины. Брюнье чувствовал её, чувствовал её восторг и словно делился её и собственным восторгом со всем миром. Наверное, сейчас Джулиан смог бы осве-

тить зал тысячей солнц, если бы для этого была необходимость. Сила мира текла через него, и он с удовольствием отдавал ей свои эмоции, зная, что теперь всё точно будет хорошо.

Когда потоки силы утихли, и Джулиан смог спокойно опустить их соединённые вместе руки, Катерина неверяще обернулась к нему.

- Это ты сделал? – восторженно спросила она, словно ей преподнесли самый желанный в мире подарок, а Джулиану ещё не доводилось видеть такое искренне и открытое выражение её глаз. Он просто кивнул, боясь разрушить лёгкость и улыбку, освещавшую сейчас весь её облик.

- Ты был похож на солнце, - по-детски искренне проговорила она, даже не осознавая, что через несколько минут будущая Королева Фьене опять будет корить себя за то, что снова не сдержала себя в руках. Но Джулиан наслаждался такой открытой и беззаботной Катериной, какой она бывала гораздо чаще до того, как её дом был разрушен, и он дал себе слово, что сделает всё, чтобы вернуть к жизни эту лёгкую сияющую девушку, способную осветить весь мир одной лишь своей улыбкой.

Невольно он схватил её за руки, закружив в танце. Катерина только рассмеялась, легко последовав за ним. Остатки силы, ведомые его волей, превратили пространство зала во внутренний садик храма, где они встретились сегодня утром. Двое кружились между цветов, не думая ни о чём, наслаждаясь каждой минутой, когда через ощущения силы Джулиан почувствовал знакомое присутствие и, обернувшись, увидел свою мать, стоящую у входа в зал. Глаза её были распахнуты от удивления. Казалось, что она не верила тому, что видела перед собой. Джулиан остановился, осторожно притянув уже успевшую обернуться Катерину поближе к себе, когда пришедшая в себя Жозели только кивнула детям, поспешив удалиться, оставив их в неведении от её реакции.

Спустя несколько секунд, очнувшись от наваждения Катерина вывернется из полуобъятий Брюнне, и, сославшись на занятость, стремительно покинет зал, стараясь не смотреть в глаза всё ещё замершему Джулиану. А тот будет просто стоять и смотреть ей вслед, думая о ней и не понимая странной реакции его матери, увидевшей их танец.

А Жозели, отдышавшись от быстрого бега в одной из гостевых комнат храма, в бессилии упадёт в кресло и закроет лицо руками. Несколько минут назад она увидела перед собой своё видение, то, что предвидела ещё до замужества. Это был Джулиан и была Катерина, их союз был лишь вопросом времени, и только время могло развязать этот сложный узел, слагающий их судьбы.

Всё было непросто, всё всегда было непросто, но если бы много лет назад он мог бы предположить, что всё закончится именно так, то он бы не захотел жить. Истаресс... Что значит сейчас это имя? Имя, сгинувшее в пепле собственной цитадели, имя, исчезнувшее из Совета Амбэралы, имя, которое сам он так не смог поднять. В тот год он наделал множество ошибок, роковых ошибок, но теперь уже было поздно что-то менять, оставалось только подстраиваться под окружающий мир и пытаться выжить, как он и выживал всё это время. Через час будет побудка, и ему снова придётся играть свою привычную роль отменного эгоиста и хама, но сейчас, в предрассветных сумерках, он не может скрыть правду, хотя бы от себя самого. Он запутался, запутался окончательно, и уже не верит в то, что сможет когда-нибудь отыскать путь домой.

В ту ночь, когда его собственный дом был разрушен, Атикинэсс понял многое. Понял, что им с братом больше не на кого рассчитывать, понял, что теперь их родственники будут пытаться использовать их, чтобы повлиять на Совет и то, что он может рассчитывать только на себя. Старший из наследников не верил никому. Попытка Жозели повлиять на него во время разговора после трагедии сразу отшатнула юного Истаресса от сестёр Фьене. Теперь Атикинэсс видел подвох в каждом их жесте. В каждой попытке достучаться до него, он видел только навязанные идеи и не собирался им следовать. Они с Акжелэссом прожили в храме Фьене ровно

месяц, прежде чем старший из братьев понял, что его одолевает раздражение и злость. Сила дома Истаресс была полной противоположностью дому Фьене, и если в союзе Сальваторы и Фернандесса это только усиливало их обоих, здесь же подобный контраст просто выводил из себя юного наследника. Он был Истарессом, хранителем памяти, привыкшим, что у любого вопроса имеется только один правильный ответ – факт, не требующий туманных пояснений и вероятностей. Атмосфера же в доме Фьене представляла из себя совершенно иное. Она была пропитана переходами и переливами возможностей и вероятностей. Здесь не всегда был чёткий ответ, а только приблизительная картина мира, вырисовывающаяся в тончайших Нитях пространства и времени. Он не мог находиться в этом месте, его изматывала эта переходность и неопределённость, невмещаема его душой. Атикинэсс злился снова и снова, не желающий принять и осознать другую сторону этого мира. Проще было сбежать от этих ощущений, что собственно он и сделал в конце концов. Старший наследник Истаресс видел, как с каждым днём Катерина всё больше и больше проникается силой дома времени. Атикинэсс не мог понять это, не мог принять, за глаза считая сестру предательницей, позабывшей истоки своей семьи. Они с Катериной никогда не ладили, девочка всегда стремилась показать, что она старше и умнее всех остальных, поэтому на младших братьев дочь хранителя Истаресс никогда не обращала особого внимания, полагая, что ей, практически взрослой, не стоит тратить своё время на несмышлёных детей. Большею частью Катерина только передавала им поручения от родителей или поучала, когда кто-то из них вёл себя недостойно, по её мнению. Теперь же недостойно, по его мнению, вела себя она, но Атикинэсс не собирался опускаться до её уровня и предъявлять претензии, он просто в очередной раз решил про себя, что Катерина не тот человек, которого он мог бы назвать своим союзником. У него остался только Акжелэсс, маленький, беззащитный, готовый пойти за ним куда угодно, и он справится, хотя бы ради своего младшего брата.

Решение было принято, он больше не мог оставаться в доме времени, который стал для него проклятием. Предложение Жозели переехать в дом Брюнье Атикинэсс тоже отверг, внутренне опасаясь силы и незримой власти, так свойственной младшей из его тётъ. Для себя и брата он видел один выход, который не позволит им стать марионеткой в руках одного из Великих домов, но в то же время обеспечит кровом, пищей и необходимым уровнем обучения. Школа оруженосцев находилась близ Амбэрал-Юранде и носила славу заведения для сирот, беженцев и прочих детей, брошенных на произвол судьбы. Она давала им шанс изучить ремесленное и воинское дело, чтобы в будущем они были способны наладить свою жизнь. Атикинэсс уверенно остановил свой выбор на этом заведении. Во-первых, они оба были сиротами, во-вторых, ни один Великий дом не сможет добраться до них без их воли, и в-третьих, нейтральная атмосфера позволит ему совершенствоваться как наследнику семьи Истаресс, не находясь под давлением мощи чуждой ему цитадели.

Когда он объявил Касфан, что они с братом намерены уйти, Великая Королева, казалось, совершенно не была удивлена. Глубоко вздохнув, она медленно обратилась к старшему из присутствующих племянников.

- Атикинэсс, ты должен понимать, что каждым своим поступком сейчас ты определяешь не только своё будущее, но и будущее твоего брата, который неизменно последует за тобой, а также твоего дома, которому, кроме тебя и Акжелэсса, никто не сможет помочь. Я не хочу, чтобы ты принимал неосмотрительных решений и потом очень пожалел о сделанном выборе. Школа оруженосцев находится близ Амбэрал-Юранде, и влияние последнего более чем ощутимо на юных воспитанников. Это не место, где учат понимать силу и законы этого мира, это место, где готовят образцы идеального гражданина во благо и славу великого Наместника. И это не то, что стоит изучать наследнику Истаресс...

- Я сам смогу изучать силу своей семьи, - упрямо проговорил Атикинэсс. - Я почти Король, и они не посмеют мешать мне заниматься своими делами. Я освою всё без чьей-либо помощи, сам, и научу Акжелэсса всему!

Младший из Истарессов молчал, вцепившись в Атикинэсса, словно тот вот-вот исчезнет, как и вся их семья. Из глаз его всё ещё не исчезли страх и ужас, поселившиеся там в ту роковую ночь. Касфан осторожно заглянула в глаза Акжелэсса, прежде чем снова обратиться к наследнику. Теперь тон её был более серьёзный и глубокий: если Атикинэсс считает себя взрослым, то она будет говорить с ним как со взрослым.

- Если ты так уверен в себе, тогда ты должен понимать, что, в случае провала, ты потеряешь всё. Готов ли ты рискнуть своим домом и тем, что осталось от твоей семьи, ради призрачной надежды, которая, скорее всего, окажется безуспешной?

- Бездействие тоже не выход, - спокойно ответил старший Истаресс. - Если старые пути оказались бесполезными, то нужен новый путь.

- Новый путь, - чуть слышно повторила Касфан, опустив взор, - наверное, он стоит того, но не нужно забывать то, что позади тебя. То, что придавало тебе сил и позволяло двигаться вперёд. Глупо разрушать всё здание, если можно только перекрыть крышу.

- Здания больше нет, - глухо проговорил Атикинэсс, - опираться больше не на что. Мы пойдём своим путём, неведомым ещё никому в Амбэрале. И вы увидите, что мы были правы, когда достигнем своего величия.

- Величия, - грустно улыбнулась Королева, - и что же ты понимаешь под величием?

- Величием, - старший из братьев Истаресс действительно задумался. У него не было готового ответа на этот вопрос, - наверное, когда тебя ценят и уважают, ну, может, даже немного побаиваются...

Касфан на мгновение подняла на него взгляд, и Атикинэсс вздрогнул, как нашкодивший ученик перед самой строгой учительницей, и понял, что её не обрадовал его ответ.

Медленно Королева поднялась со своего места и подошла к окну, размышляя о чём-то. Старший Истаресс же в этот момент изо всех сил собирал в голове всё новые и новые причины того, почему она должна отпустить их в Школу оруженосцев. Касфан же, горько усмехнувшись, повернулась к нему, намереваясь дать ответ.

- Я вижу, что ты не успокоишься. Эта идея захватила тебя, и что бы я тебе ни сказала, ты просто не будешь слушать или попытаешься обратить сказанное в свою пользу. Я стану тебе врагом номер один, но это не то, к чему я стремлюсь, - голос её вдруг стал непривычно мягким, нежным и немного усталым. - Вы мои племянники, Атикинэсс, и мне страшно отпускать вас туда, где, я точно знаю, у вас не будет ни защиты, ни понимания других. Вы попадёте в мир, противоречащий ценностям и требованиям Великих домов, и я не знаю, хватит ли у вас сил не сломаться.

Атикинэсс молчал, да и что он мог сказать. Наследник и сам толком не понимал, что он делает, но и другого выхода для себя Истаресс не видел. Дом Фьене слишком далёк от него, он не сможет жить здесь, да и хотелось доказать всем окружающим и прежде всего своим тётям, что Атикинэсс и сам справится без их излишней опеки, которую они прикрывают своим знанием законов и тонкостей существования Великих домов.

Тем временем, Касфан снова подняла на него взгляд и грустно усмехнулась. Разговор продолжать больше не имело смысла, она всё поняла. Даже несмотря на то, что это решение - полное сумасшествие, и оно может погубить обоих братьев, Атикинэсс от него не отступится, а у неё нет никакого права удерживать его против воли.

- Ну что ж, Атикинэсс Фернандесс Истаресс, - медленно проговорила она, глядя в глаза племяннику, - будь готов нести ответственность за свои поступки, - и больше Королева не проронила ни слова.

Старший Истаресс уходил от неё с тяжёлым сердцем. Снова и снова в голове крутилась мысль, что он, возможно, совершает ошибку, но упрямый наследник уже принял решение и не собирался от него отступать.

Через несколько часов, когда они с Акжелэссом уже заканчивали собирать вещи, к ним ворвалась Катерина. Она долго и грозно разглагольствовала о том, что Атикинэсс - зарвавшийся ребёнок, не способный принимать взвешенные решения, но старший из братьев Истаресс не услышал ни слова из её речи. Миен Касфан смогла только всколыхнуть его душу, а не отговорить от затеи, на что же рассчитывала эта девушка? Катерина всё ещё продолжала вещать, когда Атикинэсс, уставший от шума, резким движением поднялся, заставляя сестру на мгновение остановиться.

- Хватит, Катерина, хватит! Мы больше не в цитадели Истаресс, и я не тот ребёнок, что обязан был тебя слушаться. Мы с Акжелэссом уходим, и это решено. Я уже поговорил с тётушкой о нашем отъезде, - девушка хотела было возмутиться, но Атикинэсс придержал её одним жестом руки, после чего продолжил. - Я не могу жить в этом доме. Сила Фьене подавляет меня, в отличие от тебя, - он зло прищурился, подозрительно оглядывая девушку. - Я наполовину Фьене, но не могу находиться здесь слишком долго, но ты, не имеющая ни капли крови Фьене в своих жилах, вдруг пришлась ко двору и нисколько не желаешь покидать это место. Конечно, это же совершенно новый кладёзь знаний, который можно изучить, а потом затыкать всех по поводу и без повода! Похоже, отец был прав, ты очень талантлива, Катерина, талантлива во всём, и, в отличие от нас, прекрасно умеешь приспосабливаться. За дом Истаресс больше некому бороться, ну что ж, мы, естественно, будем. Найдём путь, которому ещё никто в Амбэрале не решился следовать, и покажем, что могут наследники истинного дома памяти. А ты, - он демонстративно хмыкнул, - оставайся здесь, мы, как всегда, справимся и без тебя.

Девушка едва сдержала слёзы, чтобы не заплакать. Каждое слово Атикинэсса приносило невероятную боль. Да, они никогда не общались, да, жили практически в разных мирах, но теперь они единственные близкие, что есть друг у друга, и Катерина надеялась, что у её братьев останется к ней хоть капля уважения и признания, но, видимо, её мечтам не суждено было сбыться.

Атикинэсс помнил, как покидал цитадель Фьене - настоящее творение красоты и изящества. Тогда ему казалось, что он освобождается, что старые рубцы перестают болеть, и дышать становится легче. Но юный Истаресс ещё не понимал, что кроме как дома, его нигде не ждут, что никто, кроме близких, не будет беспокоиться о том, как они, никто не предложит помощь... Уходя из цитадели дома времени, Атикинэсс ещё этого не понимал, бодро шагая рядом с Акжелэссом, который то и дело оглядывался назад, стараясь рассмотреть кого-то. Перспектива переезда не пугала младшего из Истарессов, он больше не хотел бояться. Неуёмный ум Атикинэсса вновь подводил их к пропасти, но младший был готов пойти с ним, пойти со своим братом, чтобы в случае чего прийти на помощь и остановить бой, который может стать решающим. Вот так они и шли: почти подросток, окончательно запутавшийся в своей жизни, и ребёнок, отчаянно стремящийся восстановить тот спокойный и прекрасный мир, которого уже, наверное, никогда не будет.

Школа оруженосцев встретила их холодными коридорами и полным игнорированием. Что сотрудники, что сами ученики едва ли обращали на них внимание, и, если бы Атикинэсс попеременно не спрашивал проходящих мимо наставников и воспитателей, никто бы даже не узнал, что в школу прибыли наследники Истаресс, и их путь теперь будет совершенно не похож на то, как сложилась бы их жизнь, будь они наследниками любого другого Великого дома.

Спустя несколько часов, их с братом привели к руководителю учебного заведения. Это был сухой мужчина с маленькими глазами, острый взгляд которых цеплял всё, попадающее ему на пути. Оказавшись в мрачном обшарпанном кабинете впервые, Атикинэсс гордо поднял голову, как и полагало наследнику, выступил вперёд и приветственно объявил о том, что они прибыли в школу и просят предоставить им всё необходимое. Однако руководитель учебного заведения словно не услышал их. Не переставая писать, он едва окинул их взглядом, прежде

чем, не утруждая себя приветственными речами, которые полагались при визите лиц столь высокого статуса, сухо спросил:

- Так значит, вы намерены остаться в школе?

- Да, - растерявшись, ответил Атикинэсс. Он ожидал совершенно другого приёма, и теперь недоумевал, как ему вести себя с этим человеком.

- И намерены пробыть здесь до её окончания? – продолжал человек за столом, так же не обращая внимания на присутствующих в его кабинете.

- Конечно, ведь мы... - начал было старший Истаресс, но директор снова остановил его новым вопросом.

- И намерены следовать всем правилам и законам школы наравне со всеми?

- Естественно, - вспыхнул Атикинэсс. - Мы хорошо понимаем значение законов любого места.

- Это замечательно, - голос директора в этот раз оказался приторно сладким. Подняв голову, он окинул братьев довольным и презрительным взглядом, от которого маленький Акжелэсс невольно вздрогнул. - Вы принесли разрешения? – Атикинэсс молча выложил на стол специальные бланки разрешения от его выживших родственников. Руководитель школы в этот момент обрадовался как ребёнок. Он жадно перечитал каждую из бумажек, глухо посмеиваясь, после чего улыбнулся всё той же пугающей улыбкой, и весело, не скрывая своего торжества, провозгласил. – Добро пожаловать в Школу оруженосцев! Для вас я глава Срмдвел, с этого дня вы будете такими, как все в этой школе, и ничто не сможет этого изменить.

Акжелэсс невольно задрожал, слушая эти речи, а Атикинэсс изо всех сил пытался понять, что ему следует сделать. Этот человек пугал, а его жуткий триумф наводил на мысль, что старший из братьев опять сделал что-то не так, но, не дав ему подумать, Срмдвел снова провозгласил, но теперь уже жёстким и уверенным голосом, словно все они были пылью у его ног.

- У меня нет времени на беседы с вами. Уведите их в комнаты, пора им привыкать к нашей жизни.

Тут же в кабинет вошло несколько молодых оруженосцев старших курсов школы. Оглянувшись на них, Атикинэсс вздрогнул: их лица и глаза казались отражением самой пустоты. В них не было ничего: ни интеллекта, ни знаний, ни почтений, ни души, ни какого-либо подобия человечности. Они были тупыми машинами с жестоким взглядом, совершенно не знающие никаких чувств и законов. Поняв, что дела плохи, Атикинэсс ринулся в бой, но даже с совершенными навыками дома Истаресс он не смог противостоять такой грубой силе. Первых двух Атикинэсс сумел уложить, остальные же схватили его и потащили прочь в один из коридоров. Стараясь отбиться, он улышал глухой крик Акжелэсса, который также пытался вырваться из захвата одного из громил, утаскивающего его в другой коридор.

- Кжел! Кжел! – в отчаянии звал старший Истаресс, пропуская удары и стараясь вывернуться, чтобы увидеть брата. - Я найду тебя, Кжел! – кричал он, слыша лишь удаляющийся голос младшего брата, в отчаянии зовущего его по имени. Атикинэсс был бессилен, совершенно беспомощен. Он был никем и не смог защитить ни себя, ни своего младшего брата. Касфан была права, он снова всё разрушил, и теперь из-за его упрямства и глупости страдает Кжел, ни в чём не повинный Кжел, самый дорогой человек в его жизни.

Нанеся ещё несколько ударов, тупые громилы, наконец, бросили его в комнату, все выходы из которой были закрыты решётками. Ещё несколько часов Атикинэсс с криками пытался выломать их, пока не рухнул в бессилии от травм, которые только сильнее разболелись.

Наутро к нему запустили врача, который, презрительно хмуря нос, обработал его раны и, насильно влив ему в рот обезболивающий настой, оставил его одного. Так прошло несколько дней. Ожидание и неизвестность сводили его с ума. Как там Акжелэсс? Что они с ним сделали? Что же будет с ними дальше? Он не знал, но больше и не пытался выбраться или разбить

решётку, осознав бессмысленность этих попыток. Нужно было действовать иначе, и, спустя неделю заключения, Атикинэсс, наконец, упросил охранников допустить его к руководителю школы. Словно опасного преступника, его, наследника дома Истаресс, привели к главе Срмadvелу. Старший Истаресс больше не пытался вступать в полемику на тему своего положения. Сейчас самое главное было вызволить Акжелэсса, а его гордость уже давно не имела смысла. Эти дни слишком явно показали ему, что здесь он никто, и не в его власти поставить на место всех этих уродов, узурпировавших Школу оруженосцев.

- О, Великий наследник Истаресс, - жестоко рассмеялся Срмadvел, - неужели ты пришёл просить о чём-то? Я думал, что Великие дома Амбэралы вообще не умеют просить.

Но Атикинэсс смолчал, слишком хорошо понимая, что любой его срыв сейчас может тут же отразиться на Акжелэссе. Руководитель школы ещё долго разглагольствовал о том, в каком положении оказался наследник дома памяти, но старший Истаресс слушал, сжав зубы. Мысленно Атикинэсс уже давно свернул бы этому негодяю шею, но сейчас это было невозможно, он бессилён перед этим гадом, и его не следовало злить.

- Так о чём же ты пришёл умолять меня? – всё так же насмехаясь, спросил Срмadvел.

- Где мой брат? – глухо проговорил старший Истаресс, всеми силами стараясь сдерживать рвущийся из груди гнев.

- Как где? - тут же удивился директор. - В корпусе младшеклассников, или ты думал, что вы будете учиться в одной группе? Правила школы подразумевают, что старшие и младшие курсы живут отдельно, так было всегда.

Атикинэсс вздохнул, стараясь взять себя в руки. Сейчас от его выдержки зависела вся их дальнейшая жизнь здесь.

- Я прошу, - медленно начал он, - в качестве новичков сделать небольшое исключение, - Атикинэсс передохнул и поднял глаза прямо на Срмadvела. - Я прошу, чтобы нам с братом позволили жить вместе, - он выдержал небольшую паузу, - в качестве исключения.

Глаза директора вспыхнули хищным огнём:

- Интересно-интересно... И с чего же я должен делать исключения вам, нарушая вековые традиции этого заведения? Вы здесь такой же ученик, как и все, и не имеете права требовать больше.

На мгновение Атикинэсс уже отчаялся, что всё пропало, но хитрый блеск в глазах Срмadvела и его не прямой отказ навёл его на мысль: директору что-то нужно от них, а значит, у него есть возможность выторговать Акжелэсса, пусть даже на условиях этого уroda.

- Возможно, мы можем вам чем-то помочь? - копируя слащавый тон директора, продолжил Атикинэсс, также глядя ему в глаза. – И вы закроете глаза на это маленькое недоразумение?

Срмadvел хмыкнул. Притворное доброжелательство и преклонение тут же исчезли из его взгляда, оставив перед Атикинэссом жестокого расчётливого человека, безумно жадного до власти, но слишком слабого и гнусного, поэтому довольствующегося унижением тех, кто слабее. Истарессы будут лишь диковинными экземплярами его коллекции, и низвержение их будет приносить ему особое удовольствие.

- Да, - презрительно проговорил Срмadvел, - прежде всего, мне нужно, чтобы ваша вездесущая родня даже не думала совать нос в дела школы. Естественно, видаться с ними вам тоже не будет позволено. Во-вторых, вы должны оставить ваши Истарессовские штучки в прошлом. Любое применение чего-то подобного в школе, и вашему брату не поздоровится, - от этих слов Атикинэсс внутренне вздрогнул, но всеми силами постарался не подать виду. - В-третьих, вы подчиняетесь всем правилам и законам этого заведения. Любое неповиновение скажется на вашей жизни здесь, как и на жизни вашего брата.

Атикинэсс закрыл глаза. Всё, клетка закрылась. Старший Истаресс так старался не стать марионеткой в чужих руках и не попасть в ловушку, что и сам не заметил, как мышеловка

захлопнулась за их спинами. Теперь он никто, и всё, что от него требуется, это защитить брата и самому как-нибудь выжить в этом месте. У него больше нет выбора, у них Кжел...

- Я согласен, - твёрдо проговорил Атикинэсс Истаресс, понимая, что это последний раз, когда он может пользоваться силой и привилегиями своего имени. После этого он станет никем, но у него будет брат, значит, ему всё ещё есть за что сражаться.

Довольный директор тут же заставил его написать письма своим тётушкам и Катерине с официальным требованием не беспокоить его и не вмешиваться в дела школы. Когда же все формальности были окончены, его снова связали и увели в ту комнату с решётками, где, как сказали, он будет находиться, пока не научится себя вести.

Несколько часов Атикинэсс, словно загнанный зверь, слонялся из угла в угол, ожидая, когда же, наконец, он сможет увидеть своего брата. Всё чаще и чаще старший Истаресс понимал, что его обманули, ведь Срмадвел так и не сказал, что ему позволят увидеть Акжелэсса. Его провели, обманули как наивного ребёнка, а собственно он и есть ребёнок, неспособный ни на что, даже защитить самого себя.

Вдруг послышался лязг решётки, дверь отворилась, и в комнату кинули Акжелэсса, который от бессилия тут же повалился на пол.

- Кжел! Кжел! – в отчаянии закричал Атикинэсс. Он бросился к брату, старательно осматривая его раны и россыпи синяков. Акжелэсс был изрядно потрёпан, напуган и обессилен, но живой, он был живой, и они снова вместе.

Никто из них не знал, сколько времени они просидели так, просто обнявшись, всё ещё приходя в себя от того, что случилось с ними. Они потеряли всё, всё, что у них было, и теперь изо всех сил цеплялись друг за друга, не зная, сколько времени у них осталось, прежде чем их снова разлучат.

- Что с тобой произошло? - дрожащим голосом спросил Атикинэсс, больше всего на свете боясь улышаться ответ. Каждый синяк, каждая ссадина на теле и душе его брата - всё это была его вина, его и больше ничья.

Но Акжелэсс не стремился откровенничать, видя ужас и отчаяние в глазах брата. Он весьма сухо рассказал, как его избили и заперли в другой комнате. Атикинэссу было больно лишь от того, что он видел, и Акжелэссу не хотелось рвать его душу ещё сильнее.

Выслушав рассказ брата, Атикинэсс крепко обнял его и выдохнул:

- Прости, прости меня Кжел! Это я во всём виноват! Если бы я не втянул нас в это, всё было бы хорошо! - однако, Акжелэсс прервал его отчаяние.

- Я не в обиде, Кин, - чуть слышно проговорил он. - Я знаю, что ты хотел как лучше. Прости, что из-за меня тебе пришлось согласиться на условия этого чудовища.

- Нет, Кжел, ты тут не при чём, - убеждал Атикинэсс. - Я не должен был брать тебя с собой в это место. В доме Фьене тебе было бы лучше.

- Я сам пошёл, Кин! - грозно ответил Акжелэсс, поднимая суровый взгляд на старшего брата. - Это было моё решение, и больше ничьё! Просто я подумал, - он немного помолчал, прежде чем ответить, - подумал, что без меня тебе было бы сложнее...

И он был прав, в который раз прав. Если бы Акжелэсса не было рядом, Атикинэсс бы уже сошёл с ума в этом аду. Они бы уничтожили его, или он бы быстрее потерял волю к жизни. А сейчас у него есть брат, и наследник дома памяти должен был продолжать сражаться хотя бы ради него.

Так они и сидели всю ночь, не говоря ни слова, крепко прижавшись друг к другу, понимая, что это только первый бой. Здесь, в этом забытом силой месте, им предстоит ещё множество раз сражаться за себя и друг за друга, и их испытания ещё только начинаются.

Небо, сколько же в нём звёзд и созвездий, сколько миллиардов жизней скрывается за его покровом, и ни одна из них так и не может дать мне ответа. Сколько я ни звал, сколько

не умолял небосвод сжалиться надо мной, он оставался безмолвным, великим наблюдателем, знающим все тайны этого мира.

И я смирился, смирился с тем, что мне, блуждающему в лабиринте, не дано увидеть всей великой игры, и, может быть, оттуда свысока видно гораздо лучше то, что уготовила мне судьба. Но неведение убивает. Снова и снова оно накрывает отчаянием. Как бы я ни отгонял его, какие бы усилия ни прикладывал, оно всё равно будет жить в моей голове. Я доверяю этому миру, знаю, что он выберет для меня самый лучший исход, и всё же тот путь, который предстаёт перед моими глазами, топит моё сердце в отчаянии и безнадежности.

Нет, я не отступлю от своего пути, и, если мне суждено прожить эту жизнь одиночкой, я приму это, и постараюсь исполнить свой долг достойно. Но где-то в глубине души теплится надежда, что все мои предыдущие видения окажутся правдивы, и свет неожиданного счастья скоро прольётся на моё лицо, осветив мой путь новыми красками. Если будет так, то я буду счастлив настолько, насколько я могу быть счастливым здесь и сейчас, если же нет, то я принимаю отречение, не соглашаясь ни на что другое.

Я не готов ломать чью-то жизнь только из-за того, что мой путь счастья невозможен. Я не готов удерживать рядом с собой чужое счастье, зная, что моё счастье никогда не будет доступно. Я молю только об истине и не согласен ни на что другое. Я прошу лишь своё и прошу отвести от меня всё чужое. Я не хочу навредить ни чувством, ни взглядом, как и не хочу предать ту, что живёт в моём сердце.

Это мой выбор, и я никогда не посмею обвинить в нём кого-то ещё. Как бы ни было сложно, я приму этот путь, каким бы он ни оказался в конце.

Я понимаю, что моим близким будет сложно принять мой выбор. Мама до сих пор порывается отобрать у меня ту миниатюру, что я храню себя в столе, но я не отступлюсь, и она понимает это, от того и боится всё больше и больше. Согласившись с ней, я смогу сделать её немного счастливее, но сам я не буду счастлив, как и тот человек, что падет жертвой её замысла. Для меня нет другого пути, и я надеюсь, что она когда-нибудь сможет понять это и простить меня за всю ту боль, что я ей причинил своим существованием.

Было бы проще, если бы я был обычным ребёнком без странного мироощущения и тонкого восприятия собственной судьбы. Жизнь моих близких сложилась бы значительно легче, и они бы не переживали за меня так, как сейчас. Всё было бы гораздо проще: проще жить, проще найти пару, проще найти смысл. Но это не для меня. Не за этим я столько жизней готовил себя к этому воплощению. У меня есть миссия, и я не намерен отступить от неё. Им будет тяжело со мной, но всё, что я могу, это искренне любить их и заботиться о них, так как, несмотря на все их желания и мольбы, я никогда не смогу отказаться от своего выбора.

О небо, покрытое миллиардами звёзд, когда я смотрю на него, мне кажется, что я чувствую твоё присутствие совсем близко, кажется, что стоит протянуть руку, и я смогу коснуться. Моему сердцу неведомы ни расстояния, ни разлуки, оно никогда не теряло тебя и точно знает, что ты есть, сколько бы очевидность не пыталась доказать обратное. Ты есть, и ты стремишься ко мне так же, как и я стремлюсь к тебе. Я кричу в мыслях каждую ночь, пытаюсь дозваться тебя, и верю, что там, далеко, ты тоже зовёшь меня, стараясь дотянуться. И когда-нибудь мы сможем, обязательно сможем, ведь наши души неотделимы друг от друга. Всему своё время, сроки вселенной неведомы нам, но мы способны их предчувствовать и мужественно ждать, закаляя своё сердце с каждым мгновением.

Мой мир твердит мне, что я ошибаюсь, что я останусь один, и все мои грёзы обратятся в пепел. Пусть так. Если это произойдёт, я приму всё, что мне уготовано, но ни на мгновение не перестану верить в то, что твердит моё сердце. Испытания длиною в годы, испытания длиною в жизнь, что значат эти крохи рядом с беспредельностью, где нас двоих ничто уже не сможет разлучить.

Я буду готов, я буду готовить себя все эти годы. Я научусь понимать законы силы и буду совершенствоваться столько, сколько позволит мне мой путь. Меня всё устраивает, пока я могу продвигаться вперёд, и у меня есть время и возможности, чтобы идти дальше. Всеми силами я стараюсь ухватить главное, и меня не привлекают пустые светские игры, которые потом обратятся в прах.

Лишь то, что живёт в беспредельности, имеет значение, и моё чувство - одно из них, и, как бы ни сложился мой путь, я не позволю ему угаснуть в моем сердце. Я, Акессизель Абриэль Мюриэле принимаю любой путь, что бы ни уготовила мне судьба. Пусть мне будет тяжело, пусть будет одиноко, я знаю, на что иду, я знаю, что истинно, и ни за что не отступлюсь от своих решений.

Я буду вслушиваться в безмолвие звёздного неба, я буду внимать ему и ждать, когда буду готов окончательно понять его весть, несущуюся ко мне.

Глава 2. Эмриссия

За много лет я научилась слушать, слушать то, что раньше даже не касалось моего сознания. Здесь, в тени деревьев под покровом звёздного неба, я научилась слушать безмолвие, сердцем улавливая его далёкие знаки, не в силах перевести их в слова. Они, словно падающая звезда, освещали моё существо яркой вспышкой и тут же исчезали, оставляя лишь тень ощущения, его след, по которому невозможно было восстановить всё послание неба. Нет, сердце знало, оно знало всё и не ведало сомнений, а душа металась между неясными сообщениями этого мира и той очевидностью, что снова пыталась ослепить её взор.

Да, она тонула, множество раз тонула в отчаянии, глядя на то, каким предстаёт этот мир перед её глазами. Но что-то могучее и высокое, живущее в самой глубине её сущности, заставляло её снова и снова разрывать оковы очевидности и возвращаться к той глубокой гармонии с собой, когда кажется, что все ответы давно известны и изучены, даже если в это мгновение ты не можешь осознать этого. Все подсказки были в ней, и она знала, что они откроются, когда придёт время. Нужно лишь время. Она ещё не готова. Они все не готовы, слишком рано вступившие на путь своей судьбы. Их собственные чувства разрывают их, а сознание то и дело пытается доказать им, что они не правы, и всё совсем не так, как им хотелось бы. Пусть, она не стремится доказать свою правоту, она просто продолжает выполнять свой долг. Делать всё, чтобы стать достаточно сильной, не подвести и защитить тех, кто ей дорог. Научиться пониманию силы и законов этого мира, чтобы достойно пройти свой путь и возродить то, за что её близкие готовы отдать жизнь. Совершенствовать своё восприятие, чтобы улавливать импульсы, хранящие ритм потока этого мира. Она всё сможет, она не подведёт, ей есть кого защищать, и теперь у неё нет права на ошибку.

Но в такие минуты, как сейчас, когда бой дня окончен, и все знания и уроки улеглись глубоко в сознании, она позволяет себе полностью погрузиться в то, что теплится в её сердце, вопреки всему, что только может быть в этом мире. В такие минуты она позволяет себе мечтать. В тайне от брата, который не одобрял её беспечных надежд, она продолжала верить во что-то лёгкое и волшебное, на что так трепетно отзывалось её сердце.

Она знала, что он считает их мёртвыми, знала, что для него же будет лучше начать новую жизнь. Жизнь без них, без каких-либо воспоминаний о ней. Она желала, искренне желала, чтобы он был счастлив. Даже спустя годы разлуки, он не стал для неё чужим человеком, прочно занимая своё место в её сердце. Но и отпустить его она не могла. Сколько раз, сколько ночей подряд она просила своё сердце отпустить, позволить ему жить дальше и перестать мучить её этими несбыточными надеждами, но оно словно не слышало, снова и снова окуная её в такое знакомое тепло, давая надежду, которая прочно проросла в сознании, настолько близкая и желанная, что она просто не могла вырвать её из своей груди.

Её сердце не ведало сомнений. Безмолвие было его диалогом, и эти беседы только укрепляли веру в то, на что она сама давно боялась надеяться. И она принимала его волю, доверяя ему всё, ведь сердце видит дальше, чем самый зоркий глаз далёкого путника. Пусть днём она привычно вернётся к своей собственной войне, что она ведёт с тех самых времён, как оказалась один на один с несправедливостью и ужасом этого мира, но здесь, под звёздным небосводом, она позволит себе почувствовать, как радостно пылает её сердце, узнавая о том, о чём она сама даже не смеет догадываться. Она узнает, узнает, когда придёт время, и она не спешит, веря, что жизнь обязательно расставит всё на свои места. А пока ей оставалось лишь слушать безмолвие, ласково накрывающее её теплым одеялом этого мира, и позволить себе быть частью того, чем она была всегда, какие бы коррективы не вносил в жизнь этот мир. Она знала, точно знала ответ на свой самый главный вопрос, но, словно боясь спугнуть невольных слушателей,

не смела произнести его вслух, и лишь только небо могло прочесть его в самой глубине тёмно-зелёных глаз Эмриссии Вьенесс Морзано Иль-де-Нарса.

Тедорер Морзано, Тедорер Ерардэр Морзано: такое имя он носил всю свою жизнь, но с каждым разом его всё больше одолевали сомнения. Действительно ли он достоин имени, которое носит? Способен ли он, как его отец, восстановить из праха северный воинский дом и не свернуть с пути, гордо пронося своё знамя над этим миром. Когда он был ребёнком, подобные сомнения не одолевали его. Тедорер смотрел на родителей и видел в них себя в будущем, свою собственную мудрость и величие, но теперь, лишившись опоры, он понял, что отнюдь не обладает всеми теми качествами, которые, как полагал он сам, обязательно присущи Королю. Молодой человек не обладал величественным спокойствием и сдержанностью. Как бы он ни старался сохранять внешнее спокойствие, изнутри его каждый раз сносил ураган эмоций, сметающих всё на своем пути. Правитель должен быть мудр, но глядя вокруг себя, юный Морзано всё больше убеждался в собственной глупости, не замечая очевидное и порой не осознавая даже самых простых вещей. Король должен знать, куда он идёт и ведёт за собой свой дом, но, заглядывая в будущее, Тедорер не видел ничего. Их путь был туманен для него, он не знал, куда вести свою семью, и всё больше и больше боялся, что его водительство рано или поздно приведет их всех к гибели. Он не был своим отцом, у него не было ответов, и, словно слепой котёнок, молодой наследник осторожно передвигался, ощупывая пол и стены, не зная, что происходит вокруг него, и не понимая, как защитить их всех в этом мире. Тедорер был слишком юн, однако, время не собиралось считаться с его возрастом. По возвращении в Амбэралу он должен быть полностью готов принять свой дом, управлять им, принимать взвешенные решения и вести оборону как против падших членов Совета, так и против тех, кто погубил его семью. От него требовалось всё и сразу, но спустя все эти годы ему казалось, что он так и не освоил до конца ни одну из предписанных ему дисциплин.

И вот это случилось снова! Раз за разом Тедорер умудрялся делать ошибки, словно невежда, впервые услышавший о существовании силы! Как будто это не он с самого рождения изучал искусства северного воинского дома Амбэралы, не говоря уже о тайнствах Иль-де-Нарса, которым его обучала мать. Как только наследник мог допустить такую оплошность! Мысленно сливаясь с потоком силы, Тедорер снова и снова умудрялся запускать туда ненужные мысли и эмоции, тем самым расходуя нужную для процесса энергию на поддержание его призрачных видений и чувств. Он безнадежен! Он просто безнадежен! И как такой человек даже может помыслить о том, чтобы претендовать на трон Великого дома Морзано. Смешно! Не способный удерживать в узде свои мысли и эмоции, Тедорер даже себя не может защитить, не говоря уже о целом доме или о самой Амбэрале. Сила допустила ошибку, отдав корону ему. Его сестра, Эмриссия, и то справилась бы гораздо лучше, а он не способен...

Не желая ничего слушать, наследник северного воинского дома сухо попрощался с Ардеоном, который проводил занятие, и удалился в лес, больше всего на свете желая побыть одному. В бессилии и злости Тедорер рухнул рядом с деревом, с силой закрыв лицо руками. Он ничтожен! Ничтожен и ни на что не годен, и ничто в целом мире не в силах этого изменить!

Спустя недолгое время, которое юный Морзано провёл, погружившись глубоко в свои мысли, поодаль послышались шаги человека, осторожно ступающего по опавшей листве. Тедореру не нужно было открывать глаза, чтобы понять, кто, вопреки его собственным желаниям, всё равно последовал за ним и не уйдёт, как бы он ни пытался прогнать. Тем временем, лесной гость уже практически приблизился к нему и с глубоким вздохом опустился на землю с другой стороны дерева, рядом с которым он и сидел. Закрыв глаза, старший Морзано явно слышал чуть заметный шорох листвы и глубокое спокойное дыхание, от чего дыхание его самого замерло в возмущении. Как она может быть настолько спокойна, если её Король ни на что не годен?!

- Что ты здесь делаешь? – глухо спросил Тедорер, не желая выдавать дрожь своего голоса, всё ещё не оставившую его после произошедшей неудачи.

- Пришла за тобой, - ровно, словно подобные вопросы были в порядке вещей, ответила Эмриссия, устало откинув голову на ствол дерева и задумчиво глядя перед собой, вслушиваясь в каждое движение своего брата, сидящего рядом.

- И что, - жестоко бросил он, - неужели ты последуешь за таким бездарным Королём и будешь всю жизнь исправлять его ошибки и недочёты?!

- Последую, - также спокойно ответила юная Морзано, и в её голосе не было ни капли сомнения, а на лице не дрогнула ни одна мышца.

- А если я выберу неправильный путь и приведу свой дом к его полному краху, из которого уже нельзя будет выбраться и ... – не унимался Тедорер.

- Я последую за тобой, - твёрдо перебила Эмриссия, не давая ему ни на мгновение усомниться. Она была здесь, рядом с ним, и не собиралась оставлять его, чтобы ни случилось. Какую бы дорогу Тедорер не выбрал, Эмриссия последует за ним. Он её брат, единственный выживший человек в её семье, и она не намерена потерять ещё и его.

- Да как ты можешь?! – в бессилии рассмеялся Тедорер, уверенность и упрямство сестры обескураживали и удивляли его.

- Потому что я знаю, что ты справишься, - просто ответила она. - Я верю в тебя, и буду рядом, что бы ни случилось, потому что знаю, что ты всегда выберешь верный путь.

- Почему ты так веришь в меня? - недоумённо спросил он, осторожно поворачиваясь к ней, чтобы увидеть её глаза.

- Потому что знаю тебя и знаю, что ты не позволишь себе ошибиться, - улыбнулась она. - Ты всегда был Королём, даже когда не осознавал этого. Я вижу это, а совсем скоро увидишь и ты.

- Но я не могу, - в голосе молодого наследника сквозило отчаяние, - не могу понять, как мне совместить всё это! Ярываюсь между своими знаниями и тем, что пылает у меня в душе! Я боюсь, что подведу тебя.

На что Эмриссия только отрицательно качнула головой, и через мгновение Тедорер был стиснут в объятиях своей младшей сестры, которая крепко прижималась к нему, пытаясь скрыть поступившие слёзы в складках его плаща.

- Мы справимся, - шептала она, - обязательно справимся, потому что мы живы, а значит, у нас ещё есть время всё изменить. Пока мы вместе, мы можем всё! Я знаю, я верю в это, и хочу, чтобы ты поверил.

И он верил, крепко прижимая к себе ту, кого он поклялся защищать. Верил, потому что она верила в него. Верил, потому что слишком любил то, что ему дорого и был готов на всё, чтобы защитить тех, кто в нём нуждается. И он справится, обязательно справится, потому что они верили в него. Он больше не допустит отчаяния. Тедорер Ерардэр Морзано Иль-де-Нарса станет опорой для своих близких, станет Королём, которого заслуживает северный воинский дом, и тем, кого заслужили его близкие. Он станет собой, тем собой, кто сможет преодолеть всё это. Теперь Тедорер окончательно поверил словам своей сестры.

Утро было ещё слишком ранним, солнце только начинало проглядывать сквозь небосвод, но одно из клеверовых полей, предназначенное для тренировок, уже было занято. Двое мастеров стояли и смотрели за тренировкой одной из воспитанниц королевского дома Иль-де-Нарса, устроившую спарринг с тремя учениками высшего ранга в области обращения с астратами. Острые лёгкие лезвия, словно искры, рассекали воздух, ведомые волей своих предводителей. Их скорость была огромна: блок, удар, разворот, бумеранг – всё происходящее казалось невероятным. Такая техника, такие скорости, что даже повидавшие многое мастера не могли оторвать взгляд. Но самым невероятным элементом этого действа была девушка, уве-

ренно сражавшаяся в центре боя, и весьма умело принимающая атаки трёх лучших учеников, отмеченных лично Эриданом. Она словно была вне себя. Глаз было недостаточно, чтобы уловить все движения шести астрат, рьяно атакующих её со всех сторон, но девушка словно чувствовала их, кожей проникая сквозь пространство, и, даже стоя спиной, точно знала, куда же стремительно летел очередной клинок. Ей не нужно было оглядываться, она видела глазами этого мира, сливаясь с ним. Время замирало для неё, и за мгновения, когда наблюдатель едва мог оценить, куда направлен приём, ученица успевала проследить удар, его будущую траекторию и решить, как перенаправить его наилучшим для себя образом. Она была мастером, и хоть в силу возраста по законам Иль-де-Нарса и не имела права носить это звание, девушка сражалась на уровне лучших мастеров и не собиралась останавливаться на достигнутом.

Ардеон стоял рядом с братом, сдержанно и спокойно наблюдая за успехами племянницы. Да, сейчас как никогда она была похожа на Вьенесс. Лёгкая, стремительная, уверенная в каждом своём движении и чувствующая астраты как продолжение своего собственного тела. Но стиль боя у неё скорее был похож на Ерардэра. Его старшая сестра во время боя всегда оставалась сдержанной и нерушимой, а у Морзано это было ближе к сосредоточению, глубокому сосредоточению на том, что происходит вокруг тебя, и превращению своего внутреннего жара и пламени в источник топлива и основу, на которой и держится концентрация. Эмриссия явно использовала второй способ, поскольку внутреннее пламя ни на миг не угасало в её глазах.

- Ну как тебе, Эридан? - чуть повернувшись, спросил Ардеон у стоящего рядом брата.

- Она блистательна, - уверенно ответил он, - я до невозможности удивлён. Её упорство и старания вместе с недюжими способностями, бесспорно, творят чудеса. Однако, - Эридан на мгновение задумался, - меня пугает её отношение к этому искусству, впрочем, как и ко многим другим её занятиям. Она пытается освоить всё в кратчайшие сроки, словно боится не успеть, боится что-то упустить. Такое чувство, что Эмриссия готовит себя к чему-то, что давно уже сама продумала, и уверенно идёт к поставленной цели.

После этих слов Ардеон снова задумался, продолжая всматриваться в каждое движение своей племянницы. Да, она каждый раз сражалась как в последний и даже не собиралась останавливаться на достигнутом.

- Её путь - путь наместника, - ответил Видящий. - Очевидно, она решила готовить себя к нему вопреки нашему мнению и решению Тедорера.

- Ну, - усмехнулся Эридан, - при всей её любви к брату, если она в чём-то окончательно уверилась, то даже он не сможет сломить её упрямство.

- Да, знаю, - грустно ответил Ардеон, - именно поэтому мы с тобой не досыпаем последние сны вместе со своими семьями, а пришли сюда, чтобы в лучах восходящего солнца понаблюдать за учебным боем своей племянницы, которой давно уже не нужны усиленные тренировки и которой хоть завтра можно вручать звание мастера астрат, впрочем, как и Тедореру.

- Они дети Вьенесс, - грустно проговорил Эридан, - неужели мы могли подумать, что она воспитает их как-то иначе?

- Да, Вьенесс не допустила бы ни халатного отношения к занятиям, ни беспечности в обращении с оружием. Она ведь тоже была мастером, так что мастер - это ещё минимум того, на что способны её дети.

- Прибавить к этому ещё кровь и пламя Морзано, - улыбнулся старший из братьев, - и получится невообразимая смесь, что мы сейчас и видим перед собой.

Тем временем, битва уже окончилась. Оружие противников было за довольно большим тренировочным кругом, а значит, они автоматически выходили из боя. К тому моменту, как короли обратили внимание на схватку, все три противника со своими астратами были уже вне круга, в центре же, усиленно переводя дух, стояла девушка крепкого телосложения с длинными тёмно-русыми волосами, собранными в сложную косу, удерживающая вокруг себя двое синих астрат, медленно скользящих по периметру круга. Сияющие астраты, копия тех, что принад-

лежали когда-то Вьенесс, беспрекословно слушались свою хозяйку, готовые снова вступить в бой в любой момент.

Озвучив результат сражения, Эридан поблагодарил трёх учеников и отпустил их, повернувшись к племяннице. Эмриссия уже стояла рядом с ними, успев убрать астраты от посторонних глаз.

- Что ж, - подытожил старший из братьев, – всё было совсем неплохо. Ты смогла полностью сохранить контроль и даже подготовиться к следующему бою, удержав астраты. Однако, твоё внутреннее состояние в этот момент вызывает много вопросов. Ты билась на пределе сил, хотя бой явно не требовал от тебя такой нагрузки. Я видел, как несколько раз ты специально усложняла приёмы, хотя знала, что можешь действовать гораздо проще и эффективнее.

- Я поняла их атаки уже в середине боя, - непоколебимо ответила Эмриссия, смотря прямо в глаза своему дяде, - поэтому мне ничего не стоило тут же прекратить тренировку. Однако, я допустила ситуацию, что в реальности противники могут быть гораздо сильнее и применила приёмы так, если бы ученики не допускали тех промахов, которые они продемонстрировали.

- К чему всё это, Мриса? - тихим, полным спокойствия голосом спросил Ардеон. - Ты и так делаешь больше, чем достаточно. Астраты - это, конечно, очень хорошо, но существует что-то и помимо всего этого. Когда ты в последний раз просто позволяла себе отдохнуть вместе со своими братьями и сёстрами?

- Сейчас у меня нет на это времени, - резко возразила Эмриссия. - Я будущий наместник дома Морзано, и я не могу подвести Тедора, оказавшись недостойной...

- Быть может, мы спросим у него, считает ли он тебя достойной или нет? – усмехнулся Эридан.

- Я знаю, что он ответит, - покачала головой девушка, - но этот ответ будет скорее от его любви и заботы обо мне, чем от строгого и бескомпромиссного решения Короля. Как бы я ни была слаба, он никогда не примет решение выставить меня за порог или лишить титула, поэтому я не хочу ставить его перед выбором в пользу меня или своей совести. Я стану достойной звания наместника и буду опорой своему брату во всём, в чём только смогу. Он никогда не будет один, я буду его щитом, и мечом, молниеносно разящим его врагов.

Два короля Иль-де-Нарса слушали, не перебивая. Столь жестокие слова из уст юной девушки просто обескураживали. Да, она права, её суждения действительно имеют смысл. Но что-то было не так. В своей погоне за силой Эмриссия что-то упускала, что-то очень важное, без чего она никак не сможет стать самой собой. Что-то, от чего она сама хотела избавиться.

- Знаешь, - снова начал Ардеон, смотря куда-то в чащу леса, словно там и находились ответы на его вопросы, - порой твои усиленные тренировки похожи на побег. Ты бежишь от чего-то, возможно, даже сама не понимаешь от чего. Но побег не принесёт тебе ни счастья, ни облегчения. Он также будет мучить тебя, изнуряя и лишая сил ещё больше, - Видящий медленно обернулся к ней, взглянув в тёмно-зелёные глаза. - Не нужно бегать. Прими всё то, что тебя беспокоит. Встреться со своей болью лицом к лицу, и только тогда ты будешь способна, наконец, двигаться дальше. Да, ты совершенствуешься во многих искусствах, но сердце твоё стоит на месте, и пока ты не развяжешь этот узел, ты будешь неспособна до конца осознать всю свою силу, а значит, и пройти путь, определённый судьбой.

- Меня ничего не тревожит, - глухо ответила Эмриссия, опустив голову, - я просто пытаюсь выполнить свой долг.

- Долг это, конечно, хорошо, - продолжил младший из королей, - но помимо этого нужно ещё и уметь жить. Ты пришла в этот мир для того, чтобы жить, но ты старательно забыла про это, подменив душевный восторг безумной гонкой.

- Я живу, - чуть слышно ответила она, так и не подняв голову. - У меня есть Тедор, я не могу его оставить.

- Научись полагаться на него и идти своим собственным путём рядом с ним, - вмешался Эридан. – Твой брат достаточно силён, чтобы справиться без няньки, а у тебя достаточно много собственных дел, с которыми кроме тебя никто не сможет совладать.

Девушка только кивнула, так и не подняв головы. Очевидно, что Эмриссия так и не была готова полностью согласиться с их доводами, но они хотя бы попытались. Быть может, со временем эти слова и найдут отклик в её душе.

- Солнце почти поднялось, - проговорил Ардеон, - скоро начнётся приветствие солнцу. Мы не можем опоздать на него.

Эридан кивнул, пропускать такое мероприятие не то что бы запрещалось, просто сами жители не любили терять чудесные мгновения утренней красоты и единения. Ардеон прекрасно помнил, как однажды из-за двух купальщиков озера Мриссур он так и не смог насладиться волшебным приветствием новому дню. И вот один из результатов этого союза стоит перед ним. Эмриссия с каждым годом всё больше и больше становилась похожа на его старшую сестру, на его Вьенесс, но душа у неё была Морзановская - истинное бушующее пламя, готовое подняться до небес, если потерять контроль. Тедорер был другим. Своей сутью он больше был похож на мать, в меру спокойный, в меру вспыльчивый, но Ардеон думал, что с годами это пройдёт, эмоции утихнут, и он действительно сможет стать одним из величайших Королей, которых только видел воинский северный дом. Вот такие были они, его племянники, в самые ранние годы своей жизни вынужденные столкнуться с ужасом и несправедливостью этого мира, и теперь всеми силами пытающиеся выстоять, чтобы сразить все преграды на своём пути и снова вернуть истину в Амбэральские земли.

Оба короля уже подходили ко дворцу, Эмриссия же семенила за ними чуть поодаль, всё ещё находясь в прострации после услышанного. Девушка ожидала похвалы и восхищения тем, что она действительно на правильном пути. Но реакция дядей удивила её. О каком отдыхе и жизни может идти речь, когда у них так мало времени. Через несколько лет Тедорер уже сможет получить корону, а значит, они вернутся в Амбэралу и будут вынуждены действовать без какой-либо подготовки и тренировки. Поэтому сейчас она должна максимально успеть всё. Тедор, её дорогой Тедорер. Она сможет его защитить, каких бы усилий ей это ни стоило.

Её дяди уже прошли мимо дворца, уверенные, что она следует за ними, когда Эмриссия почувствовала чей-то взгляд, направленный на неё из леса. Это был не просто взгляд, сила которого в большинстве случаев ощутима. Этот взгляд был особенный, в нём чувствовалась мощь и глубокое восприятие этого мира. Он словно огромная сфера поглощал всё в себя и в то же время давал ощущение полноты связи с каждым уголком вселенной.

Эмриссия обернулась, чтобы как раз заметить невысокую детскую фигуру, неожиданно двинувшуюся вглубь леса. На мгновение малышка обернулась к ней, и её ярко-синие глаза встретились с тёмно-зелёными.

- Ардара, - чуть слышно прошептала Эмриссия, узнав в маленькой девочке свою двоюродную сестру. Из-за излишней чувствительности супруги Ардеон с семьёй предпочитали жить на окраине Мир-оре-Арсе, каждый день посещая дворец по делам. Ардара, как и сам Ардеон, несмотря на самый юный возраст из всех детей королевской семьи, пользовалась авторитетом и уважением у всех старших родственников. Как и отец, она унаследовала дар Видящей, а от матери ей передавалась часть сущности эмпатика, правда, в отличие от неё, девочка неплохо умела контролировать эту силу и не ощущала дискомфорта, если вокруг находилось достаточно много людей. Тем не менее, Ардару во дворце видели редко. Её отец настаивал на постоянных тренировках, надеясь, что ей не придётся испытать трудности работы со своими способностями, через которые пришлось пройти ему и Уарл. Но эти меры были излишни. Ардара и сама прекрасно понимала, что ей необходимо, и порой действовала совершенно неожиданно для окружающих, точно зная, что и зачем она делает. Вот и сейчас её приход не был случайным, юная Видящая отчётливо понимала, зачем она здесь, и что именно Эмриссия должна

была обратить внимание на её присутствие. Ещё раз кивнув своей сестре, Ардара развернулась и медленно побрела в лес, побуждая юную Морзано идти следом за ней.

Времени почти не было, скоро должно было начаться приветствие солнцу, да и её дяди скоро заметят их отсутствие. Однако, Ардара не пришла бы сюда, если бы на то не было серьёзной причины, поэтому, отбросив последние сомнения и мысленно смирившись с взбучкой от старших родственников, девушка стремительно побежала в сторону леса, стараясь не упустить из виду свою сестру.

Дальше они шли медленно: Ардара впереди, Эмриссия чуть поодаль. Несколько раз юная Морзано пыталась звать девочку, спрашивая причину, но юная Видящая хранила молчание, не оборачиваясь. Дочери Амбэралы даже казалось, что она слышала голос сестры у себя в голове, возможно, не совсем голос, словно чувства и эмоции от услышанного задержались в её сознании, а сами слова стёрлись. И в этом потоке красок и чувств Эмриссия упорно пыталась отыскать ответы о том, зачем великая Ардара пришла сюда, пришла именно за ней, точно зная, с какой целью и куда она её ведет. Нет, дочь Ардеона не всегда была такой. Девочка могла заливисто смеяться, откидывая на плечо невероятно длинную чёрную косу, могла веселиться, лазить по деревьям и даже устраивать ловушки своим братьям и сёстрам, ни разу не поправшись, отчего часто удостаивалась тяжёлого взгляда своего отца. Но в эти моменты она не была просто Ардарой, она была Ардарой в высшем её проявлении, какое только было возможно в это мгновение: Ардарой-Видящей, Ардарой-королевой. Каждым её решением управляла Великая сила, направляющая по пути весь мир, поэтому у девочки не было сомнений, она знала куда идёт и куда собирается привести свою сестру. Эмриссия же, несмотря на все окрики и желание получить от дочери Ардеона хоть какой-то ответ, на самом деле не испытывала ни капли страха. Скорее её одолевало любопытство, ожидание неизвестности и попытка понять, зачем и куда собирается вести её юная Видящая. Она доверяла Ардаре также как и Ардеону, и многим другим членам своей семьи.

Неожиданно юная принцесса Иль-де-Нарса замерла, впервые оглянувшись на идущую позади Эмриссию. Девушка невольно вздрогнула под глубоким взглядом, полным силы и понимания, так необычно смотрящемся на миловидном детском личике. В этот момент юная Морзано поняла, что она остаётся здесь, дальше ей, по неведомой причине, проход был закрыт. Ардара же, убедившись, что Эмриссия верно поняла её обращение, также медленно двинулась вперёд. Трава загоралась зелёными искрами от каждого её движения, мир словно начинал жить новой жизнью, когда она прикасалась к нему. Юная наследница Иль-де-Нарса в эти мгновения казалась не Великой хранительницей, а маленькой феей, дающей своё волшебство этому миру. Картинка перед глазами плыла, привычные краски цветов вдруг приобретали множество оттенков и вспыхивали, словно языки пламени. Это уже была не лесная поляна, а какой-то неведомый мир, которому Эмриссия просто не могла подобрать слов.

Наконец, Ардара повернулась к ней лицом, и, как только её глаза встретились с недоумевающим взглядом Морзано, мир вокруг вспыхнул. Словно ударная волна пронеслась от Видящей к Эмриссии, и все привычные краски и очертания преобразились. Нет, они всё ещё были здесь, посреди леса, и любой другой, увидевший их со стороны, не заметил бы ничего кроме двух девочек, замерших на краю поляны, но глаза сестёр видели другое. Миллиарды цветных искр проносились перед их глазами, множество вспышек, всполохов, огней окружало их, словно они стояли в центре полыхающего костра. Но огонь не обжигал, он был такой же естественный, как и сама жизнь, и ни на миг не причинял боль. Эмриссия всё смотрела перед собой, не отрывая взгляд от глаз своей сестры. В них словно распахнулся целый мир, купающийся в синеве океанов. Ардара была всем в тот момент и была едина с сущностью того, что составляет саму основу мира. Нет, она не могла вместить всё полностью, но считанные мгновения единения с одной маленькой долей проявления открывали для неё множество важных знаний, одним из которых девочка обязана была поделиться со своей сестрой.

Эмриссия упорно вглядывалась в её глаза, чувствуя, как собственное сознание присоединяется к сестре. Ардара была Видящей и была эмпатиком. Сила, данная ей при благословении и разрешении свыше, могла легко установить единение с близким ей человеком, открывая тайны мира, который видит она сама. Эмриссия была дочерью Видящей и скрытым эмпатиком, не до конца осознающей свои способности, но сейчас этого было более чем достаточно. Их сознания приблизились друг к другу, и вот уже они плывут в потоке света и искр, чувствуя словно физически каждое слово и эмоцию друг друга. И даже в этот момент Ардара была сильнее. Через неё действовал поток, сила которого была огромна, а юная Морзано старалась лишь вместить его настолько, насколько позволяло её сознание.

- Зачем? Зачем? Зачем? - шептал ей поток. - Чего ты хочешь от своей жизни? В чём ты нуждаешься? Что тебя тяготит?

- Не знаю. Не знаю! Не знаю!!! - кричало её сознание, запутавшись в потоке собственных мыслей и чувств. - Я просто хочу защитить Тедора! Хочу быть нужной! Не хочу быть бесполезной как тогда, когда мы сбежали из дома!!!

Последнюю фразу она бы прокричала, если бы в этом мире можно было кричать. Душа её обессилела, девушка всё ещё слишком хорошо помнила ту ночь, помнила напуганных родителей, с которыми так и не успела толком попрощаться, помнила Круотера, который рисковал жизнью, чтобы спасти их. Они были обузой... С самого начала они были обузой, и если бы не они, возможно, никто бы и не стал так подставляться, по крайней мере, хоть кто-то ещё мог остаться жив. Да, когда-то у неё было много мечтаний: она хотела стать прекрасной королевой и хранительницей дома Морзано, достойным воином, знающим законы силы, чтобы не посрамить честь домов Морзано и Иль-де-Нарса, хорошей дочерью и гордостью для своих родителей, преданной сестрой для Тедорера и Акессиэль... Она определённо не хотела потерять его на своём пути, но так получилось. Теперь Эмриссия оказалась ни с чем, у остатков разбитой короны, понимая, что её мечты это слишком много для того, что девушка может себе позволить. Ей нужно было выбирать, и она выбрала. Выбрала то, что позволяло сохранить хотя бы остатки её рухнувшего мира, и за это Морзано отдала всё: все свои силы и умения, всё своё время. Она старалась не думать о тех цветах, которые зарождались порой в её сердце: о родителях, воспоминания о которых приносили как счастье, так и боль, и об Акессиэле, который был слишком далеко, чтобы возлагать на него хоть какие-то надежды. У неё был Тедорер, и этого было достаточно. Эмриссия бросила все свои силы, чтобы уберечь хотя бы его, но, похоже, опять проиграла. Он не нуждался в её защите, её старший брат сам был прекрасным воином и хранителем силы. Да, Тедорер считал её равной себе, но ни в коем случае не собирался делать девушку ни своим щитом, ни своим мечом. Ему не нужен был каратель и хранитель в одном лице, ему нужна была его сестра, в поддержке которой он нуждался больше и больше с каждым днём.

Эмриссия была нужна им, нужна им всем такая, какая есть. Нужна со всем тем, что долгие годы считала бесполезным, но это было не так. В её мире, её доме и семье достаточно Великих воинов, и пусть её воинский путь также достоин, но в ней есть что-то ещё, на что не способен никто, кроме неё, и у младшей Морзано нет права отказываться от этого дара.

Она часть этого мира, она дочь, сестра, а в будущем жена и мать. Она одна из тех, кто хранит самое большое сокровище этого мира, которое сияет у каждого в сердце, но далеко не все способны открыть его этому миру. Те прекрасные цветы, которые Эмриссия столько лет выдирала из своей души, считая за слабость, дарили больше силы, чем годы тренировок во владении астратами. Их цвет и аромат дарили жизнь, гармонию и спокойствие, которые порой практически невозможно отыскать в этом мире, но они были. Были у неё, а Морзано столько лет так бессовестно отталкивала свой путь. Она королева, и если она не вступит на этот путь, все близкие и дорогие ей люди лишатся той самой невероятной силы, которую Эмриссия может даровать лишь своим присутствием рядом. Её свет должен нести благо, она должна

сиять! Рождённая женщиной, даже идя по пути воина, она не должна забывать о сокровище, что хранится в её душе. Тедорер и Акессиль станут Великими воинами, но лишь с ней рядом они смогут стать непобедимыми, словно скалы, зная, что в их сердцевине всегда будет гармония и покой. Им нужен якорь, и нет человека, кто был бы способен занять это место, кроме неё. Она просто не могла подвести их. Это был её путь, её истинный путь, и девушка не может позволить себе отпустить себя, понимая, что есть те, кто слишком зависим от состояния её души. Да, пусть будет получаться не сразу, но она научится, она обязательно научится бережно нести свет своей души этому миру.

Она, Эмриссия Вьенесс Морзано, будущая королева дома Морзано, окончательно и бесповоротно принимает свой путь. Пусть сейчас он останется лишь на краю её сознания, пока эмоции юности не утихнут в её душе, но когда-нибудь оно проснётся, чтобы снова зацвести в своем истинном сиянии и величии.

Когда Эмриссия открыла глаза, мир всё ещё пылал вокруг неё. Видимо её собственные способности Видящей окончательно пробудились в этот момент. Она посмотрела на Ардару, нежно улыбнувшуюся ей, даря невольное воодушевление, которое часто ощущаешь глядя на то, как улыбаются дети. В чёрных волосах маленькой принцессы запуталась прекрасная корона Иль-де-Нарса, словно состоящая из живого света. Мир силы короновал её вне зависимости от обстоятельств, признавая её право на звание Видящей и принцессы дома Голубых лесов. Чуть выше её головы пылала ещё одна корона довольно странной формы, сделанная словно из древесины и листвы. Эмриссия никогда не видела ничего подобного, но догадывалась, что этот титул, очевидно, перешёл Ардаре от её матери вместе со способностями эмпатика, в которых она была гораздо более талантлива, чем Уарл.

Вспышка любопытства заставила юную Морзану прервать нить взглядов и посмотреть вверх над собой. Над ней парили три короны, каждая из которых пылала своим невероятным светом и сиянием. Первая и самая близкая, естественно, вторая корона дома Морзано, корона наместника, о чём свидетельствовал узорчатый рисунок. Вторая корона была похожа на ту, что была на голове у Ардары, правда менее помпезная – корона Иль-де-Нарса, корона младшей Видящей и Спящей Короны - звания, которые Эмриссия также унаследовала от своей матери. А вот третья корона вызывала вопросы. Светлая, почти белая, с голубыми вспышками силы и несколькими вставками сияющих голубовато-снежных камней. Если бы Морзано не знала, то смело заявила бы, что эта корона принадлежит дому Мюриэле, но видя её у себя над головой, девушка засомневалась. Третья корона, так вполне могла выглядеть третья корона западного воинского дома, корона супруги или супруга действующего Короля или Королевы... Но это казалось нереальным. Откуда силе могут быть ведомы такие вещи?! Ардара только улыбнулась, на её вопрошающий взгляд и, глубоко вздохнув, полностью скрыла из их сознаний видение того мира, где Эмриссия смогла наконец-то примириться с самой собой. Теперь две улыбающиеся принцессы стояли на поляне, всё ещё впитывая в себя остатки силы.

Это место тоже не было простым. Там внизу под землёй находился круглый зал Кер-носе-Мане, хранящий самые сокровенные тайны Великих домов. Поэтому именно здесь Ардара и могла открыть свой дар полностью, несмотря на то, что сила других домов была ей чужда. Не давая утихнуть восторгу, поселившемуся в душе, девочка крепко обняла Эмрисию, прежде чем стремительно скрыться в чаще леса, оставив юную Морзано наедине со своими мыслями и вновь открывшимися чувствами.

Столько лет прошло, а он всё ещё помнил. Помнил каждый миг, каждую секунду тех событий, что раз и навсегда изменили его жизнь. Боль и отчаяние сменились безнадежностью, когда, безутешно рыдая, он уснул на руках у Ардеона, лишившись всех сил, неспособный более поддерживать себя в сознании. Тедорер не знал, как младший из королей смог довести их обоих до Иль-де-Нарса. Он помнил лишь как проснулся в комнате, которую занимал во дворце,

когда они с родителями и сестрой приезжали сюда, и увидел над собой обеспокоенное лицо Вириам.

- Тедорер, - осторожно проговорила Королева, но на тот момент он был не в состоянии обратить на это внимание.

- Где Мриса? - через силу проговорил старший Морзано, охрипший от рыдания голос отказывался слушаться его, но это было неважно. Сейчас ему просто необходимо было убедиться в том, что она жива, что его сестра по-прежнему в порядке, и у него осталась хоть какая-то часть его прошлого счастливого мира. Осталась та, кто сможет разделить с ним его боль и отчаяние.

Получив от Вириам ответ на свой вопрос, Тедорер, преодолевая боль во всём теле и недовольные высказывания Королевы, упорно двинулся к выходу из комнаты, твёрдо уверенный в своей цели. Ему было безразлично то, какие травмы он получил, и можно ли ему было вообще подниматься с постели. Он должен был быть там, со своей сестрой, должен быть рядом, чтобы уберечь и защитить её от любой опасности. Эмриссия - это всё, что у него осталось, и старший Морзано не намерен был рисковать.

Медленно, опираясь на каменные стены, он двинулся к соседнему входу, закрытому длинными плетями цветущих растений. Войдя внутрь, Тедорер увидел её, и тут же понял, как ослаб сам. Словно убедившись в том, что его сестра жива, его тело, наконец-то, сбросило экстренный тонус, дав ощутить ему собственную слабость и усталость. Эмриссия лежала на своей кровати, забывшись болезненным и беспокойным сном. На щеках её всё ещё не высохли слёзы, а лицо опухло от беспрестанных перепадов отчаяния. Медленно, стараясь сохранить силы, Тедорер приблизился и сел на кровать рядом с ней. Эмриссия была так же разбита, как и он сам, но она была здесь, теперь они были вместе, они выжили.

Словно почувствовав его присутствие, юная Морзано открыла глаза. На мгновение её взгляд заметался по комнате в поисках самого дорогого для себя человека, и, лишь заметив присутствие Тедорера, девочка облегчённо выдохнула. Им не нужно было ничего говорить. Своё собственное отчаяние она видела в его глазах, они оба всё понимали и знали, что чувствует каждый из них. Повинуясь собственному отчаянию, Тедорер крепко обнял сестру, прижимая к себе. Эмриссия также вцепилась в него, словно боясь, что их вот-вот разлучат. Так они и лежали без сил, разделив на двоих своё горе и отчаяние. Они потеряли всё, кроме друг друга, и только вместе они смогут идти вперёд. Смогут, но не сейчас. Сейчас им просто нужно было поверить, что они есть, что всё, что случилось, не окажется страшным сном, от которого можно проснуться. Что им нужно жить, и они научатся жить когда-нибудь. Огромные крылья раскрылись за их спинами, но этого не увидел никто, даже те, кто способен был видеть. Серые тяжёлые перья покровом закрывали их, но это ненадолго. Серая завеса рано или поздно отступит под натиском жизни, и крылья их примут новый, свой собственный цвет.

Тем временем, в большом зале главной цитадели Мир-оре-Арсе стоял настоящий гул. Все члены правящей семьи громко и с ужасом обсуждали случившееся. Эридан уже готов был поднимать всех воинов и идти войной на Амбэралу. Вериус, всё ещё не пришедший в себя от смерти дочери, настаивал на том, чтобы раз и навсегда оставить детей в Иль-де-Нарса и оборвать все связи с домом Морзано и всеми другими королевствами. Инниан была полностью согласна с мужем. Она готова была позволить всем домам Амбэралы спокойно уничтожить себя, лишь бы это не коснулось её собственной семьи. Вириам же, к удивлению многих, была в корне не согласна с родителями. Тедорер и Эмриссия - наследники своего дома, и они должны вернуться к нему хотя бы потому, что сила дома Голубых лесов пусть и была им близка, всё же не являлась настолько родной, насколько выростившая их мощь северного воинского дома. Они просто не смогут выжить здесь, быть теми, кем они появились на свет. Эти двое никогда не отрекутся от своего пути, и правящая Королева точно осознавала это. Вириам ещё помнила

глаза сестры, упорно доказывающей ей, что, несмотря на опасность, она ни за что не отречётся от своего выбора, и знала, что дети Вьенесс будут такими же.

Наконец, в самый разгар жарких споров дверь в зал с грохотом отворилась, и на пороге появился Ардеон. Однако, никто из присутствующих так и не заметил его, поглощённые собственными дискуссиями. Оценив обстановку, Видящий громко цикнул, заставляя всех замечать и непонимающе посмотреть на новопришедшего. Ардеон мысленно усмехнулся, почему именно он унаследовал от силы способность быстро останавливать хаос в собственной семье? Не говоря ни слова, он прошёл к одному из кресел недалеко от трона Вириам, с которого она давно уже встала в порыве спора, и, медленно присев, оглядел замерших родственников, жадно ждущих его ответа.

- Я говорил с Керлиндером, наместником Ерардэра, - громко заявил он. - Сквозь зеркало капель я смог увидеть его. Он был в храме своего дома, я видел меч в его руках, и клинок сиял светом истинного наместника. Керлиндер не предатель, он не виновен в смерти собственного брата, но он предположил, что к этому причастен кто-то из его семьи, раз проход в цитадель оказался открыт. Сейчас он выставляет себя отступником и причастным к трагедии, чтобы вывести на свет истинного предателя и сделать всё, чтобы подобная трагедия больше не повторилась. Если заговорщик решит нанести новый удар, наследники всё равно останутся в безопасности. Чем меньше людей будет знать о том, что они живы, тем безопаснее для них самих.

- То есть наместник надеется, что наследники всё-таки вернутся в Амбэралу? - требовательно спросил Верюс.

- Да, - жёстко отрезал Ардеон, - и я обещал ему, что мы сможем подготовить их согласно заветам нашей семьи и знаниям, что хранит в себе Сердце Истоков. Когда Тедорер и Эмриссия займут престол, они будут готовы, будут достаточно сильны и могущественны, чтобы вернуть жизнь своему королевству.

- Но если они не захотят возвращаться? – упрямо спросила юная Лимиам, которой, как будущей Королеве уже разрешалось присутствовать на подобных мероприятиях.

- Спроси их сама, - усмехнулся Ардеон, - я думаю, что ты получишь более чем исчерпывающий ответ.

Юная принцесса фыркнула на его слова, а Видящий мысленно рассмеялся: настолько эта ситуация была похожа на привычное ему противостояние Вириам и Вьенесс. Вот только Эмриссия не Вьенесс, и она будет готова на всё, чтобы пойти по своему пути, и если Лимиам попытается вмешаться, то семейный конфликт может перерасти в настоящее противостояние. У юной Морзано осталась одна опора - Тедорер, мнения же всех прочих людей она сможет с лёгкостью проигнорировать, а Лимиам никогда и не была авторитетом у амбэральской принцессы.

- То есть, как я поняла, Ардеон, сейчас дети остаются здесь и обучаются Великим искусствам? - спокойно уточнила Вириам, снова вернув себе вид Великой Королевы.

- Да, до тех пор, пока в доме Морзано не станет относительно безопасно, и пока дети не будут готовы к тому, чтобы занять трон.

- Хорошо, - снова кивнула она, о чём-то задумавшись. На мгновение Королева бросила взгляд на супруга, который, поняв её мысль, уверенно кивнул, после чего Вириам объявила: - Мы с Ратуоном возьмём их под свою опеку. Думаю, так будет лучше для всех. Как только наследники придут в себя, мы сможем приступить к их обучению. Ардеон, - обратилась она к младшему брату, чему он нисколько не удивился, словно уже ждал этого момента, - я думаю, что ты сможешь достойно подготовить Тедорера, - Видящий усмехнулся и уверенно кивнул. Его видения многолетней давности начинали претворяться в жизнь.

- Что касается Эмриссии, - продолжила Вириам. - Эридан, - обратилась она к брату, - ты занимался подготовкой Ерардэра, я думаю, что ты сможешь поладить с его наследницей.

В отличие от Ардеона, который предвидел свою участь, для старшего из братьев Иль-де-Нарса просьба Вириам стала полной неожиданностью. Он не предполагал, что ему доверят подготовку кого-то, тем более Эмриссии, которая по рассказам родных была гораздо беспокойнее Тедорера, и даже Ардеон не был уверен в том, что сможет справиться с юной принцессой.

- Подожди, Вириам, - неуверенно прервал её Эридан, - я смогу научить её пониманию силы и работе с астратами, но есть то, в чём я не смогу ей помочь или указать путь. По возвращении Ардеон сказал, что у девочки скрытые способности эмпатика, которые почему-то проявили себя. Кроме того, её наместнический путь Морзано и путь Спящей Короны... Я не тот, кто сможет помочь ей в этих вопросах.

И это понимали все, особенно Ардеон, которому доводилось сталкиваться с силой девочки. Она слишком отличалась от всех. Даже Вьенесс, будь она жива, столкнулась бы с непониманием сил собственной дочери, в которой причудливо переплетались потоки как Морзано и Иль-де-Нарса, так и другие, неведомые ему токи. Он был уверен, что Эмриссия сама ещё не понимает себя и, возможно, будет идти к этому пониманию всю жизнь.

- Я могу попробовать, - неуверенно произнесла Вириам, - хоть на сколько-то я постараюсь её направить, не сломав в ней то, что не смогу понять.

- Хорошо, - кивнул Ардеон. Наверное, это действительно был наилучший выход. Вириам была Королевой, да и к тому же родной сестрой Вьенесс. Годы научили её принимать особенности своей сестры, поэтому, наверное, она лучше всех смогла бы принять особенности юной Морзано. Что же по поводу силы эмпатика? Ардеон сомневался в том, что им стоило развивать в девочке эту способность. Возможно, без вмешательства эта сила примет спокойное естественное состояние, и не будет нести ей опасности, как было с его Уарл. Он продолжит наблюдать за ней. К тому же, тренируя Тедорера, Ардеон сможет ближе подобраться к разгадке этих способностей, ведь для наследника северного воинского дома особенности его сестры были совершенно обычным делом. - Думаю, что я схожу к ним и объясню всё...

- Нет, можно я! – громкий уверенный голосок, и семнадцатилетняя Лимиам выскочила из толпы, вопрошающе посмотрев на своего дядю. Ардеон недоверчиво прищурился. Ещё при первом знакомстве Тедорер и Лимиам умудрились столкнуться характерами. Самая старшая в королевской семье Иль-де-Нарса, Лимиам привыкла, что все дети так или иначе прислушиваются к её мнению, но к наследникам Морзано это точно не относилось. Тедорер и сам был наследником трона, поэтому не считал, что должен хоть сколько-нибудь преклоняться перед старшей сестрой, тем более, что с её стороны это было слишком навязчиво. В такие моменты она ужасно напоминала Ардеону маленькую Вириам, которая часто возмущалась тем, что сестра и братья её не слушаются. С Эмриссией же дело обстояло сложнее. В тот год, когда Лимиам и Эривел гостили у Вьенесс в Амбэрале, наследница северного дома была гостеприимной хозяйкой по просьбе родителей. Однако, к расстройству его старших сестёр, девочки так и не смогли поладить. Морзано стремилась всегда быть в обществе брата и не проявляла инициативы побольше пообщаться со своей сестрой, что невольно обескураживало Лимиам. И вот сейчас им придётся жить практически под одной крышей. Эмриссия, сложенная последними событиями, уже не будет пытаться вести себя дружелюбно по отношению к Лимиам. Стоит той переступить черту, и Морзано покажет всю силу своего характера, которой у неё всегда было в избытке. А Лимиам переступит... Уже сейчас он видел это в её глазах. Несмотря на его решение, юная наследница всё ещё верит, что сможет удержать хоть одного из амбэральцев в Иль-де-Нарса. Потеря любимой тёти сильно ударила и по Лимиам. Амбэрала стала для неё страшным местом, куда никто из её близких ни в коем случае не должен наведываться. Она понимала, что Тедорер уже практически Король, и его удержать она будет не в силах, поэтому все её усилия и заботы будут направлены на Эмриссию, чего последняя явно не оценит. Они обе были упрямы, обе были уверены в своей правоте и обе не готовы отступить. Столкновение было неизбежно, и позволив Лимиам сейчас пойти к Морзано, означало допустить это столк-

новение. Что ж, пусть будет так. По крайней мере, сейчас Эмриссия рядом с Тедорером, а он на данный момент единственный, кто сможет в случае необходимости остановить свою сестру. Нет, Лимиам не полезет в драку, а вот Эмриссию, всё ещё не пришедшую в себя, может устроить совершенно любой метод решения проблемы, даже применение силы.

- Хорошо, - тяжело вздохнул Ардеон, принимая это решение. - Но имей в виду, - предостерёг он, уже видя довольную улыбку племянницы, - у них обоих есть собственная корона, Лимиам. Постарайся отнестись к этому соответственно.

Терпеливо выслушав его, девочка бодро кивнула и убежала прочь, дав понять Ардеону, что она не услышала ни слова из того, что он пытался ей сказать. Краем глаза он перехватил обеспокоенный взгляд Вириам. Она тоже понимала, к чему всё идёт, но даже не попыталась предотвратить это. Они с Вьенесс всегда сами решали свои разногласия, оставалось надеяться, что их дети тоже смогут это сделать.

Вот знакомый проход в комнату Эмриссии, и Лимиам невольно замерла на пороге, ещё раз обдумывая ситуацию. Что бы ни сказал её дядя Ардеон, девочка осталась при своём мнении. Какими бы великими наследниками не были эти двое, они всё ещё были младше неё, а значит, едва ли понимали, что будет верным для них самих. Мысль о том, что Ардеон и другие были старше её, а, следовательно, к ним стоило прислушаться, Лимиам упорно проигнорировала. Её родители приняли обоих Морзано, а значит, для них она теперь старшая, и они обязательно будут прислушиваться к её мнению, по крайней мере, находясь здесь. Им нужна опора и поддержка, и она готова стать ею для них обоих. И им это нужно, как бы эти двое упрямцев не отрицали это. Наконец, глубоко вздохнув, наследница отодвинула рукой выющиеся растения и вошла внутрь.

Тедорер и Эмриссия так и сидели на кровати, крепко прижавшись друг к другу. Увидев вошедшую Лимиам, они разомкнули объятия и сели рядом, внимательно осматривая свою сестру. От столь пристального внимания Лимиам моментально ощутила себя старшей принцессой и уверенно приступила к выполнению своего замысла.

- Меня отправили сообщить вам решение совета семьи. Вас оставляют здесь. Правящая семья, а в частности, мои родители, берут вас под свою опеку. Вас обоих будут учить, дядя Ардеон и дядя Эридан уже согласились на это. Вы пробудете в Иль-де-Нарса всё время вашего обучения, а значит, вам следует начинать привыкать к здешним правилам и обычаям.

- Лимиам, - устало ответил Тедорер, - мы всегда принадлежали к дому Иль-де-Нарса, и не думаю, что у нас может возникнуть проблема хоть с какими-то правилами.

- Но вы ничего не знаете! – искренне возмутилась принцесса. - Как вы вообще можете утверждать, что знаете хоть что-то, если большую часть времени жили в своей Амбэрале!

- Амбэрала - Великая страна, объединяющая в себе разные силы и знания, - холодно проговорила Эмриссия, не поднимая взгляда, - и в ней есть чему поучиться даже тебе.

- Чему? – искренне фыркнула Лимиам. - Как превратить половину населения в отступников? Или как уничтожить в своих стенах прекрасную королеву Иль-де-Нарса?

- Не смей говорить о ней, - прошипела Эмриссия, поднимаясь, - ты ничего не знаешь ни о нас, ни о нашей жизни.

- Да мне и знать не нужно, - обозлилась Лимиам. - Каким только образом Морзано удалось заманить тётю Вьенесс в свои сети, я не понимаю! Вы ни на что не способны, даже защитить себя! Великие Морзано, - она рассмеялась, - да вы даже в собственной цитадели не смогли справиться с врагом, при этом называя себя Великим домом! Будь моя воля, я бы давно уже стёрла Амбэралу с лица земли, чтобы она не приносила нам беспокойства...

Лимиам уверенно говорила, находясь в своих мыслях, и не заметила, как взгляд Эмриссии стал по-настоящему жестоким. Сила уплотнилась вокруг неё, готовясь к бою. Лимиам не знала, что творила, эта девочка ничего не знала о вещах, которые посмела осуждать, но она

зашла слишком далеко. Тедорер, зная Лимиам чуть лучше, смог пропустить её слова мимо ушей, но Эмриссия не могла. С ужасом он увидел, как его младшая сестра поднялась со своего места и уверенно двинулась в сторону наследницы Иль-де-Нарса. Да, потенциально Лимиам была сильнее, но Эмриссия пылала от возмущения и неприятия, поэтому исход этого боя был заранее предreshён. Лимиам просто красовалась, а Эмриссия была настроена серьёзно. Ещё шаг, и юная принцесса Иль-де-Нарса наконец-то заметила надвигающуюся на нее угрозу.

- Эмриссия, сядь на место! - повелительно приказала Лимиам, но Морзано на это только усмехнулась. Ей не нужны были астраты, она голыми руками поставит на место эту зарвавшуюся принцессу, и ничто в целом мире не помешает ей сделать это.

Лимиам, наконец, осознав своё положение, невольно отступила назад. Больше всего её напугали глаза Эмриссии, холодные и безразличные, не оставляющие ей никакой надежды на спасение. И в тот момент впервые в жизни принцесса Голубых лесов по-настоящему испугалась той необузданной силы, что не была ей понятна, и которую она своими рассуждениями невольно разбудила.

Расстояние уменьшалось, и юная Морзано уже мысленно готовила первый удар, как громкий и твёрдый голос разрубил возникшую тишину.

- Мриса, нет!- уверенно и спокойно проговорил Тедорер. Он чувствовал, что его сестра на грани, понимал, что ничто теперь не сможет её остановить, ничто, кроме него. - Не надо, Мрис, - позвал он чуть мягче, отчего его сестра покорно выдохнула и расслабилась, отпуская силу вокруг себя.

Замершая у входа Лимиам всё ещё в непонимании переводила взгляд с сестры на брата. Почему Эмриссия остановилась только по одной его просьбе? Чем он заслужил такую признательность?! И почему ей самой никак не удаётся занять подобное место в окружении своих близких. Тем временем, голос Тедорера отвлек её от размышлений. Теперь наследник Морзано казался ещё более уставшим, но просьба его звучала твёрдо, как и прежде.

- Оставь нас, пожалуйста, Лимиам. Спасибо, что передала нам решение совета, но сейчас нам лучше побыть одним.

Наследница только кивнула и быстро скрылась за длинными лианами цветов, ведущих к выходу из комнаты. В тот же миг вся воинственность Эмриссии рассеялась. Она в изнеможении рухнула на кровать, поднимая глаза на брата.

- Тебе следует поучиться терпению, - мягко улыбнулся Тедорер, глядя сестру по волосам.

- Только не в таких ситуациях, - фыркнула девочка, - я не собираюсь молчать, когда кто-то унижает то, что мне дорого.

- Но это же Лимиам, - рассмеялся он, - ты прекрасно знаешь, какая она.

- Тем более, - ответила Эмриссия, - кто-то же должен поставить её на место.

Тедорер грустно усмехнулся, но всё же кивнул. Их обоих снова затопили мысли о прошлом, об их семье, об Амбэрале, о цитадели Морзано, которая теперь осталась без своих Королей.

- Как думаешь, нас ищут дома? - чуть слышно спросила девочка.

- Не думаю, - ответил её брат, - если дядя Керлиндер выжил и смог связаться с Иль-де-Нарса, то он попытается сделать так, чтобы все думали, что мы погибли.

- Но почему? - не унималась Эмриссия.

- Так будет безопаснее для нас, ведь мы так и не знаем, кто же наслал на наш дом этих тварей.

- Я не хочу сидеть без дела, когда моему дому угрожает опасность! - возмутилась она, поднимаясь с кровати.

- И не будешь, - уверенно ответил Тедорер, - мы оба не будем. У нас не так много времени, чтобы научиться всему, чему только могут научить нас в этих землях. Когда мы вернёмся, мы

должны быть способны не только заткнуть возмущившийся Совет, но и защитить и сохранить всё, что нам дорого.

- Мы справимся? - неуверенным, совсем не свойственным юной Морзано, голосом спросила Эмриссия.

- Справимся, - твёрдо ответил Тедорер, надеясь, что когда-нибудь и он сам обязательно сможет поверить в собственные слова.

Тем временем, их жизнь в Мир-оре-Арсе продолжалась. Они окончательно освоились с местными обычаями и распорядком дня. Теперь их едва ли можно было отличить от жителей страны Голубых лесов. Тедорера, к его огромной радости, обучал Ардеон, и между учеником и учителем сразу же возникло полное взаимопонимание. Эридану с Эмриссией было сложнее. Несколько занятий девочка просто упрямилась, пока Эридан в отчаянии не вызвал её на бой, после чего она совершенно искренне восхитилась его навыками и, наконец, признала, что учёба у этого человека сможет принести ей что-то полезное. Со временем они даже очень неплохо поладили: оба взрывные, смешливые, с трудом умудряющиеся скрывать собственные эмоции. Что же касается младших представителей королевской семьи Иль-де Нарса, тут всё было гораздо сложнее. Отношения Лимиам и Эмриссии также оставались натянутыми. Девочки больше не высказывали агрессии по отношению друг к другу, но старались держаться подальше и не вступать в споры. Лимиам окончательно решила, что наблюдение будет лучшим выходом в данной ситуации. С каждым днём она всё больше и больше становилась похожа на молодую Королеву Иль-де-Нарса, славящуюся своей мудростью и духовной силой, но все эти качества вмиг испарялись, стоило юной Морзано появиться поблизости. В тот же миг на месте умудрённой правительницы появлялась дерзкая девчонка, с трудом сдерживающая свои порывы и слегка авторитарные замашки. Эмриссия же старалась просто игнорировать любое присутствие сестры, насколько это было допустимо в рамках приличия. Она знала, что никого из их близких не радует этот конфликт, а она слишком дорожила своими родными, чтобы причинять им лишнее беспокойство.

В конце концов, Лимиам была не единственным ребёнком в правящей семье дома Голубых лесов. Её младшая сестра Рамуа казалась полной противоположностью юной принцессы. Внешне похожая на отца, она унаследовала его спокойствие и сдержанность, которой так не хватало большинству наследников этой семьи. Девочка словно приносила с собой всё спокойствие и уют этого мира, окружая теплом всех своих близких, не делая исключения ни для кого. В свои неполные двенадцать она уже стала маленьким солнышком всей семьи, которую все, даже по-прежнему нелюбимые Тедорер и Эмриссия, стремились уберечь. Слишком светлым и прекрасным было это существо, чтобы позволить тяготам мира сломить его. И лишь юная Ардара и, может быть, Ардеон знали, что за этим светом и спокойствием скрывается огромная сила души, прошедшей слишком многое на своём пути, и познавшая то, что действительно необходимо для этого мира.

И Лимиам, и Рамуа были чудом для своей семьи, совершенно разные, каждая из них находила отклик в душах своих родных, как и их брат, юный Вессиус, который больше предпочитал молчать, и если и вступал в разговор, то только тогда, когда это действительно было нужно, и ровно настолько, чтобы предотвратить конфликт или остановить то, что не должно было случиться. Серьёзный и смыслённый не по годам, он внешне был очень похож на Верису, когда тот был ребёнком, но старшему Королю в его возрасте не было свойственно такое спокойствие и сдержанность. Рядом с излишне эмоциональными членами своей семьи Вессиус часто имел преимущество, умея трезво оценить любую ситуацию, но пользовался он этим не так часто, слишком тонко чувствуя, когда его вмешательство может задеть или расстроить кого-то из близких. Больше всего Вессиус предпочитал общество Рамуа и выглядел рядом с ней старшим братом и верным защитником, хоть и был младше больше чем на год.

Совершенно другими были дети Эридана, с которыми он сам едва мог справиться, предпочитая большую часть времени быть на стороне детей, оставляя всю воспитательную часть на свою дорогую Салилаль. Тем не менее, все знали, что когда вопрос становился достаточно серьёзным, то на месте смешливого и весёлого Эридана появлялся король Иль-де-Нарса, младший брат правящей Королевы, и тогда никто из детей не смел перечить ему, даже юная Селилиан, которая умела находить острый ответ на любое высказывание, порой ставя в ступор своих родственников и знакомых. Ардеон, впервые столкнувшись с такой чертой девочки, только рассмеялся и в шутку сказал Эридану, что это явно качество его прекрасной супруги, которая за годы жизни в Мир-оре-Арсе преобразилась, став ещё прекраснее, а также раскрыв в себе силу и мудрость, годами хранившуюся в её душе, став ещё одной прекрасной жемчужиной дома Голубых лесов. Внешне тихая и спокойная Салилаль умела мастерски ладить со своей непоседливой дочерью, которая своим поведением не удивляла только старших членов семьи, уже многое повидавших в своей жизни. Совершенно другим был её старший брат Эривел. Будучи первым ребёнком в семье после Лимиам, он был тем, на кого обрушились вся забота и воспитательные навыки юной наследницы, поэтому он ещё в ранние годы научился вовремя прятаться от неё, вовремя улизнуть от распоряжений сестры или поступить так, чтобы воинственная Лимиам ничего не заподозрила. Эридан, глядя на это, только вздыхал, вспоминая, как сам множество раз убегал от Вириам, утомлённый её излишней заботой, но не переживал, зная, что его сын сможет с этим справиться. В конце концов, Эривел был тем, на кого Лимиам полагалась полностью, и как бы могущественна и сильна не была юная наследница, он всегда мог спокойно поддержать её и продолжить начатое ей дело так, словно не придавал этому особого значения. Сын Эридана не любил внимание и в то же время понимал свою ответственность за тех, кто был рядом. Пусть Лимиам и любила покомандовать им, но он знал, что рано или поздно это пройдёт, и за внешней бравадой скрывается то, что Эривел должен будет защищать в течение всей жизни. Как и Эмриссия, он знал, что, что бы ни случилось, он должен быть рядом, ведь даже Лимиам не сможет удержать Великий дом в одиночку. Его вполне устроит тень, главное, что в нужный момент он всегда успеет выйти на свет.

Ардеон всегда восхищался их собственной четвёркой, его брат и сестры казались ему идеальным воплощением Короны Иль-де-Нарса, но их дети совершенно превзошли все ожидания. В них соединились новые краски, явив самые невероятные сочетания, которые, окажись они в иной ситуации, непременно вступили бы в конфликт, но здесь их связывало слишком многое: одна семья, одна кровь. Они любили друг друга и дорожили каждым, даже если не всегда стремились это показывать. Они знали, что бесспорно вступятся друг за друга, и все их сегодняшние ссоры и конфликты однажды покажутся им такими детскими и любимыми по сравнению с тем, во что превратит их всех взрослая жизнь.

В то утро Вириам предстоял серьёзный разговор со своими детьми. Она даже не могла представить, как отреагирует её семья на подобное заявление, но знала, что не намерена отступить от принятого решения. С тех пор, как её племянники укрылись в Иль-де-Нарса, прошло три года. Оба делали большие успехи в изучении Великих искусств, однако всё это казалось тенью для них обоих. Их души всё ещё были в смятении, а боль так и не смогла выйти. Два года потребовалось Тедореру, чтобы окончательно осознать случившееся. Она ещё помнила тот страшнейший эмоциональный выброс, который едва не убил её племянника, но все обошлось. Эмриссия была рядом, да и их сила смогла поддержать его в трудную минуту. С тех пор юный Тедорер словно задышал заново. Нет, грусть так и не покинула его глаз, но теперь он мог открыть своё сердце не только Эмриссии, но и другим членам своей семьи.

С девочкой всё было гораздо сложнее. С самого начала увидев то, что творилось с её братом, Эмриссия приняла решение держаться, стараться быть твёрдой и непоколебимой, не давая себе чувствовать боль. Ради Тедорера она должна быть сильной и не дать горю зато-

пить себя, и в чём-то ей это удалось. Обманув своё сознание, в глубине души Эмриссия по-прежнему не осознавала, какая трагедия произошла в её жизни. Душа отказывалась верить в то, что случилось, несмотря ни на что. В мыслях девочки был лишь Тедорер и её стремление стать достаточно сильной, чтобы защитить его. Вириам знала, что так больше не могло продолжаться. Так долго удерживаемая боль могла просто уничтожить девочку, но и вырвать все эти переживания наружу она не была способна. Слишком привыкла её племянница удерживать в себе эти чувства и даже если бы захотела, просто не смогла бы вытащить их наружу без разрушительных последствий для самой себя. Ей требовалась помощь, и у Вириам была мысль о том, как воплотить это в жизнь. Время приближалось к началу солнечного года, и праздник Живого дня уже вступал в свои права. Вириам ещё помнила, как один такой праздник увёз от неё её любимую сестру, навсегда связав судьбу той с домом Морзано и Амбэралой. Танец юности Великой Матери обязательно исполнялся каждый год, и потребовалось время, чтобы правительница Иль-де-Нарса позволила танцевать его своей дочери. Однако, время Лимиам ещё не пришло, и, к большой радости Королевы, танец прошёл без сильных потрясений, разве что сама принцесса немного изменилась, став мягче и спокойнее, приблизившись к образу Великой Матери. Этот танец всегда был наполнен светом самой жизни, светом творения и искр звёзд, поэтому каждый раз он привносил в душу танцующего только лучшее из сокровищ этого мира. По правилам, в этом году танец снова должна была танцевать Лимиам, но Вириам решила отступить от традиции, передав эту роль старшей из своих племянниц, Эмриссии. Ни Королева, ни её муж не знали, какая будет реакция у обеих девочек. Однако, юной Морзано нужна была помощь, а этот ритуал мог помочь ей открыть своё сердце, чтобы, наконец, пережить всю боль, выпавшую на её душу, и найти в себе силы идти дальше, что бы ни встретилось на её пути. Эридан, Ардеон и Ратуон полностью поддержали её решение, хоть последний и усомнился в том, что девочки радостно воспримут это известие.

Тем не менее, время завтрака уже наступило, и они с Ратуоном направились в столовую их семьи, где помимо их детей завтракали и наследники дома Морзано. Когда правящая пара вошла в зал, все дети уже были на месте. Рамуа, как обычно, что-то рассказывала, Лимиам активно слушала её, задавая вопросы, Вессиус периодически переводил взгляд с одной своей сестры на другую, иногда добавляя что-то в их беседу. Сидевший напротив Лимиам Тедорер также слушал рассказ юной принцессы, переговариваясь с Вессиусом, а Эмриссия молчала, оглядывая своих братьев и сестёр и не стремясь поучаствовать в беседе.

Когда Вириам и Ратуон вошли в зал, дети громко поприветствовали их, затянув в свой разговор. Лёгкое непринуждённое общение всегда было принято в их семьях. Даже Эмриссия иногда оттаивала и могла поучаствовать в общей беседе, но это были лишь отблески, и Вириам всё ещё была намерена не дать своей племяннице нанести себе вред, и позволить, наконец, её эмоциям взять верх.

Закончив трапезу, Королева попросила всех детей задержаться и, ещё раз переглянувшись с мужем, наконец, озвучила мысль, которая терзала её всё утро.

- Как вы знаете, через несколько недель наступит Живой день, и, помимо праздника, в этот день совершаются ритуалы, которые очень значимы для нашей семьи. Они позволяют нам не забывать, кто мы есть, и приблизиться к Великой силе, чтобы не забывать о её красоте, мощи и великолепии. Вы знаете, что часть из этих ритуалов нужно готовить, поэтому принимают участие в них не все, а те, кто заранее начал подготовку к событию, - дети понимающе кивнули, и даже Эмриссия с интересом посмотрела на свою тётю, после чего слегка поморщилась, словно чувствуя подвох. - В прошлом году девушкой, исполняющей танец юности Великой Матери была Лимиам, - её дочь довольно кивнула, - в этом же году мы хотели попросить Эмриссию поучаствовать в этом ритуале.

От неожиданности юная Морзано удивлённо моргнула, словно не могла поверить в услышанное. Тем временем, все взгляды обратились в её сторону вместе с подозрительным и возмущённым взором Лимиам.

- Простите, тётя Вириам, - вмешался Тедорер, почему-то выглядящий весьма обеспокоенным этой новостью, - но, насколько я знаю, этот танец чаще всего танцует старшая из незамужних наследниц, и Лимиам всё ещё больше подходит к этим критериям, чем Мриса.

- Мы знаем, Тедорер, - спокойно ответил Ратуон, - но твоя сестра старшая из дочерей дома Морзано, и мы подумали, что было бы полезно и ей прикоснуться к свету Великой Матери, пока вы находитесь здесь, в Иль-де-Нарса. Тебе уже шестнадцать, Эмрисси, так что ты точно справишься.

- Но подождите, - очнувшись, воскликнула младшая Морзано, - я нисколько не подхожу для этого танца! Тедор прав, Лимиам справится лучше. Я благодарю Вас за оказанную честь, но это не нужно...

- Эмрисси, решение принято, - мягко проговорила Вириам, ласково смотря на девочку. - Мы уверены, что ты справишься. Я помню, как его танцевала Вьенесс, и это было великолепно...

Услышав всё это, Эмриссия опустила глаза и, горько усмехнувшись, прошептала:

- Я не Вьенесс, - так, что её услышал только Тедорер, после чего резко встала и, быстро проговорив благодарность за завтрак и участие, поспешила скрыться в коридоре.

Как только каменная пластина за ней встала на своё место, все словно очнулись, недоумённо переводя взгляд друг на друга. Первым пришёл в себя Тедорер, он медленно поднялся, обращая на себя внимание присутствующих.

- Тётя Вириам, дядя Ратуон, я всё ещё не думаю, что это хорошая идея. Мриса - часть дома Морзано, и никто не знает, как ритуал сможет отреагировать на неё, тем более, что по традиции его должна исполнять Лимиам. Моя сестра упряма, и она сейчас не в том состоянии, чтобы совершать что-то подобное. Будет не очень хорошо, если праздник омрачит то, что у неё не получится полностью провести ритуал.

- У неё не может не получиться, - ровный голос Вессиуса точно холодный ветерок взбодрил всех, - она наполовину Иль-де-Нарса, к тому же она унаследовала звание Спящей Короны. Дом просто не может не принять её. Более того, насколько мне известно, она родилась здесь, в землях Голубых лесов, а значит, сила этих мест не сможет отказаться от неё.

- Эмрисси справится, Тедор, - успокаивающе улыбнулась Рамуа, заглядывая в глаза своего брата. - Она гораздо сильнее и слабее, чем ты думаешь.

Тедорер только кивнул, возражать Рамуа порой было просто невозможно.

- Но дядя Ардеон, - осторожно спросил Морзано, - разве он в курсе Вашего решения?

- Да, - уверенно кивнула Вириам, - мы с Эриданом и Ардеоном обсуждали это вчера.

- И он дал согласие? - неверяще переспросил Тедорер.

- Да, - ответила Королева, - мы все решили, что твоей сестре это необходимо, особенно сейчас.

Морзано кивнул, да и что он мог ответить. Эмриссия всё это время действительно была не в себе. Он видел это, но ничего не мог поделать. С ним его сестра была такой же, как и всегда, а вот от всего остального мира она отгородилась толстой неприступной стеной, не давая никому приблизиться к своей душе. Возможно, старшие правы, и этот ритуал сможет помочь его Эмриссии справиться со всем, но в то же время ему было известно то, что не ведал никто из ныне живущих, кроме него и Королевы дома времени в Амбэрале, и эта тайна могла сделать так, что ритуал пойдёт совершенно не по плану, навсегда изменив что-то в судьбах дорогих ему людей. Он не хотел этого. Впервые Тедорер был согласен с решением своих родителей и старших Мюриэле: ни Эмриссия, ни Акессизель ничего не должны знать о своей связи. Тайна договора останется с ним до тех пор, пока правда не будет обнаружена. И он надеялся, что

она будет раскрыта как можно позднее того, как эти двое снова встретятся. Старший Морзано хотел дать им выбор, хотел, чтобы они сами пришли к тому, чтобы соединить свои судьбы, чтобы, прежде всего, это было их собственное решение, тогда всё остальное будет уже не важно. Он не знал, чего боялся больше всего: что Эмриссия увидит эту связь или что Акессия неведомым образом переместится в Иль-де-Нарса, чтобы станцевать с ней. Тогда вся их конспирация будет нарушена, и им придётся вернуться в Амбэралу раньше срока, а они ещё не были готовы. Кроме того, предатель, погубивший их собственный дом, всё ещё оставался неизвестным, поэтому скорое возвращение в родные земли легко могло стоить им жизни. Тедорер слишком хорошо понимал это, но Вириам была не тем человеком, которому он мог поведать этот секрет. Был только один их родственник, кто мог помочь ему найти решение. Поэтому так же, как и его сестра, старший Морзано быстро распрощался со всеми и бросился из замка, надеясь как можно быстрее найти Ардеона.

Как только камень за Тедорером закрылся, Лимиам наконец-то позволила себе подняться и возмутиться тому, что её лишили возможности исполнить свой долг будущей Королевы. Вириам эта реакция только позабавила. Она сама в молодости серьёзно относилась к таким решениям и лишь с годами поняла, что отказ от участия в ритуале ради близкого тебе человека - это такая маленькая плата за счастье, которое окружает тебя каждый день.

Извинившись перед всеми, она приобняла дочь и увела в свои покои, чтобы спокойно поговорить. По пути наследница уже успела насупиться, ожидая, что её будут ругать за эгоистичность, но первый же вопрос матери выбил её из колеи.

- Ты хочешь, чтобы Эмрисси не стало? – спокойный голос Вириам и её пронзительный взгляд ещё более усилил эффект от услышанного.

- Что? – неверяще переспросила Лимиам.

- Я спросила, хочешь ли ты, чтобы Эмрисси не стало? – ещё раз спокойно проговорила Королева, внимательно смотря на дочь. Девочка задумалась, прислушиваясь к себе, и как только осознание появилось в её глазах, она побелела и уверенно замотала головой.

- Нет, нет... Конечно нет, - какие бы ссоры не случались между ней и Эмриссией, какое бы непонимание не разделяло их, Лимиам очень дорожила своей сестрой и меньше всего на свете хотела бы её потерять. Большинство их ссор действительно были весьма серьёзными, но наследница Иль-де-Нарса только хотела стать ближе к своим брату и сестре, пусть и выбирала для этого не всегда верные методы. Потерять их означало буквально лишиться себя, и пусть они с Мрисой вечно будут ругаться, но лишь бы с самой Морзано всё было хорошо.

Тем временем, Вириам продолжала:

- Сейчас Эмрисси угрожает опасность. Она слишком долго держала свою боль в себе, что уже не способна сама позволить ей выйти на свободу. Ей нужна помощь, и ритуал как раз то, что может дать выход её эмоциям, не причинив вреда ей самой. Я знаю, что по правилам танцевать этот танец должна ты, но просто не вижу другого выхода как помочь Мрисе выйти из этого состояния.

Лимиам только кивнула, опустив взор. Действительно, сейчас все её претензии и недовольства казались таким ребячеством! Её сестре нужна помощь. Неужели ради этого она не готова поступиться гордостью и своим правом? Нет, наследница Иль-де-Нарса не будет требовать своё право. Более того, она сделает всё, чтобы Эмрисси не смогла отказаться от ритуала, он слишком нужен ей, пусть и Морзано сама не понимает этого.

- А ты сама не боишься? - осторожно спросила девушка, заглядывая в глаза собственной матери. - Не боишься, что видя танец Эмрисси, тебе тяжело будет вспоминать тётю Вьенесс?

Вириам на мгновение замолчала. Взгляд её наполнила боль утраты, которая уже никогда не покинет её.

- Нет, не боюсь, - ответила Королева, - Эмрисси очень похожа на Вьенесс, но в то же время сильно отличается от неё. Она не моя сестра, и я не имею права требовать от своей

племянницы быть на неё похожей. У Эмрисси своя жизнь и свой путь, она никогда не станет Вьенесс, также как и ты никогда не станешь мной, да это и не нужно. У каждого из нас своя жизнь, и вы, наши дети, гораздо могущественнее и мудрее нас. Поэтому вы должны идти своим собственным путём, ведомые зовом своего сердца. Наш путь требует быть такими, какие мы есть, а что необходимо вашей жизни, знаете только вы.

Вириам улыбнулась и тут же вздрогнула, увидев плену слёз, застилающей глаза её дочери. С громким всхлипом Лимиам бросилась к ней в объятия, выплакивая всё то, что долгие годы терзало её душу. Она так боялась быть недостойной, не такой величественной и мудрой, как её прекрасная мама. Она старалась подражать ей, но у неё ничего не получалось, и это расстраивало девочку ещё больше. Лимиам Иль-де-Нарса, ей не верилось, что хоть кто-то когда-нибудь скажет с восторгом и уважением это имя так же, как сейчас в залах их дворца гордо звучит имя Вириам. Но её мама верила в неё, её великая мама говорила, что из неё получится достойная Королева. Осталось только ей самой поверить в то, кто она есть, и кем она будет...

Эмриссия бежала, не разбирая дороги. Она уже успела выскочить из главной цитадели и перебегала клеверные поля, чтобы как можно быстрее скрыться в зарослях леса и там уже позволить себе окончательно предаться отчаянию. Её выбрали для ритуального танца. Почему-то эта новость окончательно выбила её из колеи. Эмриссия не была готова, она не хотела этого! Как она сможет явить истинный свет, если в её собственной душе всё ещё обитает тьма?! Как она сможет согреть других, если сама по-прежнему замерзает изнутри?! Короли дома Голубых лесов сошли с ума, раз решили доверить ей настолько важное дело. Это ни к чему не приведёт, по крайней мере, ни к чему хорошему. Эмриссия - не дочь этих мест, в ней нет той глубины и утончённости, свойственной Вириам и её матери, нет такого спокойствия и силы, так отличающих обоих братьев Иль-де-Нарса и их наследников. Она была Морзано, слишком Морзано для этих мест. Всё в ней казалось ей слишком не таким, слишком пылающим и жарким, не похожим на гармонию и спокойствие Иль-де-Нарса. Даже её собственный брат лучше подходил для этого, чем она...

- Эмрисси, - громкий глубокий голос, и юная Морзано с силой врывается в кого-то, готовая упасть, но сильные руки подхватывают её, крепко прижимая к себе. - Эмрисси, что произошло?! Эмрисси!

Девочке потребовалось несколько секунд, чтобы поднять глаза и увидеть перед собой своего драгоценного наставника и дядю.

Эридан был ни на шутку напуган. Они с Эривелом и Селилиан как раз направлялись в главную цитадель, потому что его драгоценная Салилаль решила, что за последнюю свою проказу её дочь должна больше посвятить время своим занятиям в цитадели, а Эривел, естественно, должен был её поддержать. Это был не первый подобный случай, и, несмотря на несправедливость ситуации, старший брат относился к таким наказаниям достаточно спокойно. В конце концов, не все свои проказы Селилиан планировала в одиночестве.

Они уже подходили к зданию, как из него, сметая всё на своём пути, вылетела Эмрисси и, не разбирая дороги, на всей скорости врезалась в Эридана, пришедшего в ужас от увиденного. Благодаря силе своей реакции он успел вовремя поймать племянницу и несильно встряхнуть её, призывая очнуться. Старший из братьев Иль-де-Нарса не мог понять, что послужило причиной подобной реакции. Всё это время девочка показывала себя очень упрямой и ни за что не открывала никому свои слабости, сейчас же её как будто пробило. Эмриссия ничего не осознавала, не понимала, где она и что происходит. В голове осталась лишь только одна мысль - бежать в лес. Ведомая этим порывом, она несколько раз дёрнулась в руках мастера астрат, пытаясь вырваться, но хватка Эридана лишь усилилась. Он попытался ещё раз встряхнуть её,

и только через несколько секунд во взгляде Эмриссии появилась осознанность. Она всё ещё недоумённо смотрела на своего наставника, но уже не пыталась вырваться и куда-то убежать.

Осознав, что опасность миновала, Эридан медленно ослабил хватку, готовый в любой момент удержать племянницу, если она снова соберётся бежать, но силы, казалось, полностью покинули девушку, и как только король отпустил её, юная Морзано медленно опустилась на поляну.

- Сел, Эрвел, - обратился к детям Эридан, - идите в цитадель и ждите меня там.

Оба наследника медленно кивнули, всё ещё не уверенные, что отцу не потребуется их помощь, но сейчас он как раз был в таком состоянии силы и сосредоточенности, что дети знали: лучше послушаться с первого раза.

Как только дети Эридана скрылись в одном из ходов, он сам осторожно опустился на траву, внимательно разглядывая свою ученицу. Уже три года он являлся её наставником и с уверенностью мог сказать, что с этой особой просто невозможно было соскучиться. Она умудрялась вытворять такое, на что его воображения просто не хватило бы, а если прибавить к этому подростковую травму, замкнутость и излишнюю ершистость, то получается потрясающий коктейль, к которому просто невозможно было остаться равнодушным. Ему потребовалось много времени и усилий, чтобы завоевать её доверие, и сейчас он твёрдо намерен был узнать, что же произошло, даже если ради этого придётся просидеть здесь полдня. Эмриссия была упряма, кричать и угрожать ей было совершенно бесполезно, но Эридан сам тоже всегда отличался этим качеством, осталось только выяснить, чьё упрямство окажется сильнее. Тем временем, в голове он старался припомнить всё то, что могло бы вызвать настолько сильную реакцию. Нет, они уже давненько не ссорились, да и её стычки с Лимиам почти сошли на нет. Никаких новостей из Амбэралы они не получали, разве только что... Танец... Вириам выбрала её на танец юности Великой Матери в Живой день. Но неужели эта новость могла вызвать такую бурную реакцию?

- Ты знаешь, что Королева выбрала тебя, чтобы танцевать ритуал юности в Живой день? - непринуждённо спросил он. Эмриссия тут же опустила взгляд и безразлично кивнула, как будто ничто происходящее не имело к этому никакого отношения.

- Ну и что же ты думаешь? - также легко продолжил её наставник.

- Я думаю отказаться, - ровным, практически бесцветным тоном ответила Морзано, внимательно разглядывая лучики утреннего солнца на своих пальцах.

- Но почему? - искренне возмутился Эридан, при этом продолжая наблюдать за реакцией своей ученицы. - Ведь это такой шанс поучаствовать в возрождении сил этого мира для следующего года?!

- Нет, - скривилась Эмрисси, - не думаю, что я подхожу на роль той, что пробуждает девичью юность этого мира. Я не Лимиам и не Рамуа, во мне нет того внутреннего запаса, который смог бы вдохнуть жизнь в этот мир. Я не могу, у меня нет на это ни сил, ни эмоций. Я просто не смогу зажечь огни, даже если очень сильно этого захочу. Я не они и всегда буду слишком далека от них. Сколько бы я ни старалась, сколько бы ни прикладывала усилий, я никогда не приближусь к идеалу. Как бы я ни хотела, я слишком Морзано для этих мест. Я могу притвориться, что изменилась, но в глубине души я точно знаю, что всё равно останусь прежней. Я помню, какой грацией и изяществом обладала мама, она словно плыла над всеми, и сила стекала с её пальцев, как вода из живительного источника, но я не такая и никогда не буду такой. Насколько бы я ни была на неё похожа, я всё-таки являюсь Морзано гораздо больше, чем мне бы даже самой хотелось.

- Но Лим тоже не копия Вириам, - попытался вставить Эридан.

- Это другое, - возразила Эмриссия, - для Лимиам это временно. Её суть полностью соответствует сущности её матери, и рано и поздно она сможет дотянуться до идеала, к которому стремится. Но я другой породы, как бы я ни старалась, я не смогу погасить пламя, живущее в

моей душе. Я знаю, на что оно способно, и насколько далеко оно от прекрасных форм Иль-де-Нарса. Я только всё испорчу, незачем мне вообще участвовать в этом празднике!

- Ты не хочешь участвовать от того, что боишься испортить, или от того, что тебе не хочется лишний раз беречь свою лелеянную душу, снова выходя в люди, - безжалостно проговорил Эридан и, чуть нахмурившись, посмотрел в глаза своей ученице. - Признайся хотя бы себе, что больше всего ты не хочешь оказываться там, где тебя будут ждать, где тебя будут видеть, и стрелы внимания будут пронзать тебя, пусть даже в этом внимании нет ни намёка на злость или вред. Все будут искренне рады тебя видеть, если ты позволишь себе хоть немного раскрыться и довериться нам. Ты не можешь жить в мире, постоянно ограждаясь от него, замкнув себя на нескольких людях, которые точно не смогут причинить тебе боль. Это не правильно, так жить невозможно. Да, твоё сердце бежит от боли, но боль не так страшна, как полное отсутствие жизни. Думай не о себе, а о мире, в котором ты живёшь, о людях, что пытаются тебе помочь. Невозможно объять этот мир, если твои объятия будут закрыты. Перестань видеть в каждой возможности подвох! Тебе ли не знать, что никто в этом доме не намерен причинить тебе зло, неужели тебе и это нужно доказывать?

Эмриссия грустно опустила голову, капитулируя перед его рассуждениями. Эридан был прав, она боялась открыться, не хотела ничего, лишь бы не трогали, не беспокоили, дали спокойно вариться в своём собственном отчаянии, которое девушка даже толком и осознать не могла. Младшая Морзано так старалась не дать волю своим слабостям и стать опорой для брата в нужную минуту, что не заметила, как собственное сознание стало обманывать её саму. Она понимала и прекрасно осознавала свою потерю, но её душа словно не была готова поверить в это. Снова и снова сознание придумывало новые аргументы для себя, что всего этого просто нет, и её проблема на самом деле не существует. И Эмриссия не знала, как выбраться из этого круга. Разве такой человек способен станцевать танец юности Великой Матери?

Эридан, тем временем, следил за сменой эмоций в её глазах. Она понимала, она всё понимала и была согласна с ним, просто никак не могла найти в себе силы преодолеть себя. Найти силы сделать шаг вперёд не ради дома или Тедорера, а ради себя самой.

- Подумай, какие возможности ты теряешь, - так же непринуждённо, как и изначально, продолжил Эридан. - Ты столько практикуешься в работе с Великой силой, почему же ты отказываешься от её прикосновения? Этот ритуал даст тебе больше, чем ты даже можешь себе представить. Благословение Великой Матери - это не просто слова, это путь, который откроется тебе в небывалой красоте и великолепии. Да, ты наполовину Морзано, но силы этого мира едины, и может, твоё пламя принесёт в этот ритуал нечто новое, что никто из нас не был даже способен представить. Ты сама упускаешь возможность продвинуться на шаг по своему пути. Тедорер не сможет сделать это шаг, но ты сможешь. И полученные тобой знания смогут помочь и ему на вашем пути. Неужели всё это не стоит того?

Эмриссия молчала. Она понимала, что Эридан прав, прав во всём, и своим эгоизмом и желанием спрятаться от всего мира она не должна подставлять тех, кем так дорожит. Это действительно была возможность, дар от её близких, и выпустить его из рук было бы кощунством.

- Ты не Вьенесс, Мриса, - ласково проговорил Эридан, заглядывая ей в глаза, - и никогда ей не будешь. Но никто и не ждёт от тебя того, что ты должна стать ею. Ты будущая посвящённая королева и наместница, которых, насколько я знаю, мир не видел уже множество лет. Ты посвящённая озера Мриссур и носящая звание Спящей Короны Иль-де-Нарса - на свете ещё не было подобного человека, почему же ты должна быть похожа на кого-то? Вьенесс была прекрасна, совершенна и восхитительна, но ты абсолютно другая, и твой танец на празднике будет не таким, каким его привыкли видеть здешние земли, не таким, какой он был у Вьенесс, Вириам или Лимиам. Он будет таким, какой нужен тебе, в конце концов, насколько я знаю, моя ученица ещё ни разу не отступала перед трудностями.

Эмриссия чуть улыбнулась, подняв взгляд. Эридан обладал потрясающей способностью пожурить так, чтобы не оставить после себя ни чувства обиды, ни неприятного осадка, а только тёплое ощущение заботы и желание двигаться вперёд.

- Всё, хватит разглагольств, - наигранно проворчал он, поднимаясь с травы. - Салилаль попросила меня устроить взбучку тем двоим, так что надеюсь на твоё полное участие.

Эмриссия только кивнула, поднимаясь следом. Сейчас в голове были лишь занятия с братом и сестрой, которых она в глубине души просто обожала, а об остальном Морзано подумает позже, но уже точно не осмелится свернуть с выбранного пути.

Тедорер бежал со всех ног. Время словно нагоняло его, пытаясь ухватить за пятки.

- Ну почему Ардеон живёт так далеко?! – мысленно прокричал он и тут же дал себе подзатыльник. Жена Видящего Уарл не могла выносить присутствие большого количества людей, поэтому их семья жила в отдалении от самого города и его главных дорог. Ни Ардеону, ни тем более Ардаре это нисколько не мешало ежедневно посещать главную цитадель, а Уарл могла спокойно жить, не боясь, что очередная эмоция незнакомого человека может снова нарушить её и так довольно хрупкое здоровье.

Морзано уже задыхался, когда впереди стал виднеться небольшой, но очень красивый дом, переливающийся в лучах утреннего солнца. Не в силах сдержать своё нетерпение, Тедорер, не сбавляя бега, громко закричал:

- Ардеон! Дядя Ардеон! – и резко остановился, чуть не врезавшись в маленькую фигуру посреди дороги.

Ардару, а это была именно она, нисколько не испугало резкое торможение её брата. Глубокие глаза внимательно оглядели его, и только когда он пришёл в себя от испуга, девочка осторожно заговорила.

- Тебе сейчас туда нельзя. Ты весь пышешь эмоциями, и маме будет слишком тяжело это переносить. Останься здесь и подожди, я позову папу и передам ему, чтобы он пришёл к тебе.

Тедорер только кивнул, не в силах говорить от сбитого дыхания, да и возражать Ардаре было практически невозможно. Неудивительно, что, судя по рассказам родителей, все старшие всегда прислушивались к Ардеону, хотя тот и был значительно младше прочих наследников Иль-де-Нарса. Если он хоть немного был похож на Ардару, то в этом не было ничего удивительного.

Как только маленькая девочка скрылась в доме, Морзано, наконец-то, очнулся и, отойдя в сторону, присел на небольшой пенё, стараясь перевести дух. Прошло всего несколько минут, прежде чем из дома вышел Ардеон. Он выглядел обеспокоенным, но совсем не удивлённым, как будто знал наверняка, что Тедорер примчится к нему, как только узнает последние новости.

- Дядя Ардеон, ты должен мне помочь! Я просто не знаю, что делать! - поспешно начал Морзано, на что Видящий только кивнул, призывая продолжить чуть спокойнее и медленнее. - Сегодня за завтраком тётя Вириам сказала, что Эмриссия будет танцевать юность Великой Матери в Живой день. Насколько я помню, именно этот танец связал судьбы моих родителей, когда папа и Абриэль Мюриэле были здесь.

Ардеон также кивнул, подтверждая его слова.

- Я знаю, что в некотором смысле это танец-зов, и вполне возможно сейчас на него никто не откликнется, но боюсь в случае моей сестры, всё гораздо серьезнее.

Ардеон непонимающе нахмурился, и Тедорер на мгновение замаялся. В конце концов, он выдавал семейную тайну, которую обещал хранить. С другой стороны, кому как не Ардеону Морзано мог доверить всё, зная, что ничего из сказанного не будет использовано, чтобы причинить вред его сестре.

- Когда мне было восемь, - осторожно заговорил Тедорер, также не поднимая взгляд, - мои родители заключили помолвку Эмриссии с Акессиэлем Абриэлем Мюриэле, наследником

дома Мюриэле. Обе семьи получили подтверждение дома Фьене, и я был одним из свидетелей этого договора.

- Как же им удалось тебя уговорить? - спокойно спросил Видящий.

- Я не хотел этого, - воскликнул Тедорер, - долго не хотел, но они убедили меня, что я не всегда буду способен защитить Мрису, а Кесси - единственный человек, которому я могу доверить её. Мне не нравилось, что я вру им. Сколько раз я просил родителей рассказать им всю правду! Мне казалось несправедливым то, что я знаю, что происходит, а они нет - он глубоко вздохнул. - Однако теперь я согласен с ними и надеюсь хранить эту тайну столько, сколько будет возможно. Они оба достаточно независимы и определённо стоят друг друга, поэтому любое, даже самое благое, вмешательство в их жизнь может вызвать весьма неожиданную реакцию.

Ардеон задумался, немного помолчал. Он снова посмотрел на Тедорера и заговорил:

- Про помолвку я не знал. Мне было известно, что эти двое связаны очень крепкими узами. Я держал твою сестру на руках, когда она только родилась, и первое, что Эмрисси сделала до того, как окончательно впасть в детство, это послала сообщение сыну Абриэля Мюриэле. Да что там говорить, сам приезд Абриэля в Иль-де-Нарса был во многом обусловлен этой связью. Эмрисси не могла связать свою жизнь ни с отступником, ни с полуотступником, поэтому дому Мюриэле необходимо было подняться, а, следовательно, и поднять Акессиэля. Похоже, в Амбэрале всё действительно настолько плохо, если Вьенесс и Ерардэр решились на подобные меры.

- Да, - кивнул Тедорер, - дом Фьене - единственная сдерживающая сила на пути незаконных союзов. Амбэрал-Юранде уже полностью игнорирует волю дома времени, только Великие дома всё ещё предпочитают оставаться верными традиции, но, кто знает, сколько это ещё продлится.

- Насколько я понял, - ещё раз уточнил Ардеон, - ты боишься, что из-за сильной связи твоей сестры с Акессиэлем Мюриэле танец может пойти не так.

- Да, - кивнул Тедорер, - никто не знает, как отреагирует эта связь. Возможно, Эмриссия сможет таким образом узнать всю правду о своей помолвке, или её силы хватят, чтобы переместить Акессиэля из Амбэралы сюда! Что мы скажем ему, если он уже много лет считает, что мы мертвы?

- Я не думаю, что сила переместит его сюда, - медленно ответил Ардеон, внимательно обдумывая каждое сказанное слово. - Они ещё достаточно юны, и их связь ещё не достигла того звенящего напряжения, когда она сможет притянуть одного из них к другому через любые расстояния. Их собственная сила ещё формируется, и сейчас этот процесс для них гораздо серьёзнее их взаимной связи. В четырнадцать лет их сила окончательно отделилась, став самостоятельной, и они всё ещё не до конца могут справиться с ней, как и осознать, куда её следует направить. Мы надеемся, что танец сгармонизирует состояние Эмрисси, и если она и почувствует что-то, а они оба наверняка почувствуют, то не думаю, что это будет слишком много. По крайней мере, у Эмрисси это, скорее всего, даже и не вызовет вопросов.

Тедорер задумался, ещё раз анализируя аргументы своего наставника. Ардеон был прав, едва ли связь настолько напряжена, чтобы раскалиться и действовать, но в то же время он знал, что всё это время Эмриссия мысленно отчаянно тянулась к своему другу, и был более чем уверен, что это было взаимно.

- Хорошо, - кивнул Морзано, - пусть будет так.

Ардеон улыбнулся. Тедорер привык всегда быть взрослым и ответственным, поэтому в такие моменты, когда он, как маленький ребёнок, полностью доверяет кому-то, были для Видящего особенно дороги.

- Пойдём в дом, - сказал он, - я хочу показать тебе что-то.

- А как же тётя Уарл? - испуганно спросил юноша.

- Не переживай, - улыбнулся хозяин дома, - сейчас ты успокоился и больше не пынешь эмоциями, да и присутствие тебя одного не доставит моей жене много хлопот.

Они вошли в прекрасный шарообразный зал, из которого в каждую сторону вёл небольшой проход, связанный с одной из частей этого дома. Ардеон выбрал расположение своего дома неподалёку от Кер-носе-Мане, и в память о хранилище, которое они вчетвером успели посетить, он попросил сделать этот зал.

Однако у Тедорера, как всегда, не было времени на осмотр убранства этого дома, так как Ардеон уже настойчиво звал его в помещение, используемое им в качестве кабинета. Посадив своего ученика в кресло, он скрылся в глубине комнаты и только спустя несколько минут вернулся обратно, держа в руках массивную тёмную коробку из резного дерева синеватого оттенка, украшенную причудливыми узорами, в которых едва угадывались старинные символы.

- Я давно хотел показать тебе это, но всё не доходили руки, - медленно Видящий открыл тяжёлую крышку, и взору Тедорера предстали две пары астрат, выполненные из тёмного блестящего металла, впитавшего в себя свет далёких звёзд.

- Это не просто астраты, - пояснил Ардеон. - Думаю, даже сейчас ты чувствуешь, что они значительно массивнее и тяжелее тех, что используем мы. Они достаются очень редко и используются только для одного ритуала - танца клинков душ, - Тедорер недоумённо взглянул на своего дядю. За все годы его знакомства с домом Голубых лесов он впервые услышал об этом ритуале.

- Он исполняется довольно редко, - продолжал Ардеон, - но не потому, что он запрещён или опасен. Проблема в том, что найти тех, кто может исполнить этот танец в большинстве случаев просто невозможно. Это должны быть два кровных родственника, братья и сёстры, имеющие сильную духовную связь. Этот танец основан на полном доверии и единении, и любая ошибка может сильно покалечить танцующих. Мало кто может соответствовать всем необходимым критериям. Последний раз этот танец исполнялся почти девятнадцать лет назад...

- Тобой и моей мамой, - спокойно закончил Тедорер, поднимая взгляд на своего наставника. Он знал, что из всех братьев и сестёр Ардеон был особо близок Вьенесс. Их объединяла какая-то необъяснимая связь, которая, возможно, и делала их идеальными кандидатами для исполнения этого ритуала.

- Да, ты прав, - грустно кивнул Ардеон. - Нас было четверо, но лишь мы с Вьенесс могли исполнить этот танец. Он поделён на несколько сегментов. Каждый сегмент приобретает свою собственную окраску в зависимости от ваших устремлений и пожеланий. С каждым сегментом сложность танца увеличивается, связь напрягается до предела, но даже одного сегмента достаточно, чтобы перевернуть всё, что будет поблизости, и привнести в мир свет единения душ. Мы с Вьенесс дошли до второго сегмента, и это было лучшим достижением за последние триста лет, но думаю, для вас с Эмрисси это не составит труда.

- Ты хочешь, чтобы мы с Мрисой танцевали этот танец? – осторожно переспросил Тедорер.

- Да, - кивнул Ардеон, - ваша связь и единение поражает, а испытания, выпавшие на вашем пути, сплотили вас ещё больше. Мне не нужно упоминать о том, что когда вы творите вместе, ваша сила плавно перетекает от одного к другому. Вы одно целое, и всегда такими были, с первого мгновения, как только увидели друг друга. И вы всё ещё есть друг у друга. Я знаю, что вы это понимаете, но не уверен, что вы способны осознать это до конца, - он медленно подошёл к оконному проёму, задумчиво глядя в даль. - Для нас с Вьенесс это был танец-откровение. Каждый из нас шёл по своему пути, о котором ни у кого не было ответов. Она искренне тянулась к чему-то неведомому, что ни на шутку беспокоило всю нашу семью, а я старался научиться жить со способностями сильнейшего Видящего и продолжать оставаться собой, не оставляя при этом своих близких. В этом танце мы делились тем, что терзало наши

души, и нам становилось легче. Если Вьенесс срывалась, её находил я. Если мне требовалась помощь, она знала об этом. Мы всегда были очень близки, и та связь и доверие, что объединяли нас, давали нам силы идти дальше. Да, у каждого из нас был свой путь, но мы всегда знали, что мы есть друг у друга.

Ардеон замолчал, Тедорер же не смел прервать расчувствовавшегося дядю. Подобное откровение он слышал впервые. Морзано знал, что связь Ардеона и его матери была очень сильной, и что тот до сих пор винил себя в том, что не смог предотвратить трагедию, даже если это было и не в его силах. Амбэрала туманна для жителя Голубых лесов, а Вьенесс стала частью того мира, куда не доходил взор даже самого могущественного Видящего.

- Я не знаю, что вы двое сможете приобрести от этого танца, - продолжил Ардеон, неожиданно повернувшись к племяннику, словно и не было этой вспышки грусти, преследующей его уже который год, - но в любом случае он позволит вам идти вперёд. Неизвестно, с чем вы столкнётесь, когда настанет время вернуться в родные земли, а этот танец поможет вам ещё больше усилить связь, чтобы, в случае необходимости, прийти на помощь друг другу.

- Спасибо, - чуть слышно прошептал Тедорер, говорить в полный голос в такой момент казалось просто недопустимым. Эмоции Ардеона были практически осязаемы и наполнили комнату, как густой туман.

- Не стоит благодарности, - грустно усмехнулся Видящий. - И я, и Вьенесс хотели бы, чтобы вы станцевали этот танец. Среди сегодняшних наследников только ты и Мриса обладает достаточной связью, чтобы исполнить его правильно, не навредив ни себе, ни своему напарнику. Иль-де-Нарса тоже нужно вдохнуть новый глоток воздуха, и думаю, все вместе мы сможем это сделать.

Ардеон улыбнулся, а Тедорер улыбнулся в ответ.

- Ладно, - резко спохватился молодой король, убирая коробку, - не стоит лишний раз напрягать Уарл своими эмоциями. Она и так достаточно стойко терпит нас с Ардарой. Когда старинные астраты были убраны, задумчивый Видящий ещё раз обратился к племяннику. - Мне нужно, чтобы вы с Мрисой попробовали станцевать с этими астратами хотя бы поодиночке. Этот танец не требует заучивания, он танцуется по наитию и тому, как клинки ведут своих мастеров. Однако, сама сила и движение этих астрат не похожи ни на что, с чем вам уже приходилось иметь дело, поэтому я хочу, чтобы вы потренировались. Буду ждать вас через пару часов. Надеюсь на такое мероприятие твою сестру не придётся уговаривать всей Иль-де-Нарса.

- Не думаю, - слегка улыбнулся Тедорер, - одного слова "астраты" будет достаточно, чтобы она согласилась.

Утерев слёзы и окончательно успокоившись, Эмриссия, наконец-то, пришла в себя, и они с Эриданом смогли направиться на поиски брата и сестры, которые должны были ждать их в цитадели. Однако юные наследники совсем не горели желанием попасться под руки своим венценосным дяде и тёте, поэтому предпочли дожидаться своего отца на ступенях дворца, уже успев возобновить начавшийся до этого спор.

- Сел, это неправильно, - уже в который раз спокойно повторял Эривел. - Всё не может быть так только потому, что ты этого хочешь. Есть определённые правила, традиции, и нужно уметь относиться к ним с уважением и пониманием.

- Почему? - резко отвечала Селилиан, периодически прохаживаясь перед братом. - Ведь это моя жизнь, так? И только я принимаю решение, что в ней правильно, а что нет. Ну и почему я должна уважать какие-то традиции или правила, если я считаю их глупыми и устаревшими? Ничего не стоит обойтись вообще без них, это всего лишь нагромождения, и если их убрать, останется место для чего-то нового.

- Согласен, новое это, конечно, хорошо, - также спокойно и терпеливо отвечал Эривел, - но не стоит рубить с плеча и просто так выбрасывать в никуда старые традиции, даже не

разобравшись в них. Возможно, ты потеряешь больше, начав всё с нуля, чем если начинать, опираясь на имеющиеся знания.

- Не нужна мне никакая подсказка, - буркнула девочка. - Я и сама справлюсь без всяких подсказок!

- Хорошо, ты справишься, - согласился её брат, - но куда деваться другим, кто менее изобретателен и удачлив и совершенно не способен сотворить свой опыт с нуля. Все люди разные, и ты не можешь просто так решать за всех.

- Но нельзя же медлить! - громко воскликнула Селилиан. - Топтаться на месте, как вы, просто невыносимо!

- Как и спешка ещё ни к чему хорошему не приводила, - спокойно резюмировал Эривел как раз в тот момент, когда Эридан и Эмриссия подошли к ним. По лицу своего отца он понял, что король был не очень доволен их с сестрой очередной перебранкой и сейчас что-то старательно обдумывал. Эмриссия же выглядела гораздо спокойнее и о недавней истерике напоминали разве что покрасневшее лицо и печальная тень в глазах.

- Так, - медленно проговорил Эридан, - похоже, занятия в цитадели сегодня отменяются. Ваша мама попросила меня разобраться с вашими бесконечными спорами и противостояниями, и, кажется, я нашёл решение. Тебе, Эмрисси, это тоже не повредит. Наоборот, даже очень показано. Будем учиться открытости, доверию и взаимному существованию.

Сказанные слова заставили детей призадуматься, но несколько не внесли ясность. В целом, Селилиан, Эривел и Эмриссия и так неплохо ладили между собой. Сущность всех троих была основана на пылающем огне, поэтому неудивительно, что они всегда довольно быстро находили общий язык и легко улавливали настроение или эмоции друг друга. Они даже могли вспыхнуть одновременно, словно сухие ветки в костре, или один мог перетянуть пламя другого, обладая способностью уменьшить его, не потушив. Если бы речь шла о детях Вириам и Ратуона, Эридан не решился бы проводить столь необычный урок, но эти трое были из одного теста, поэтому их совместный шанс на успех имел большую вероятность.

Это был не самый простой опыт, обычно при необходимости его преподавали старшим подросткам, причём один на один, с целью открыть ребёнку понимание того, что даже в самые сложные минуты этот мир никогда не отворачивается от него. Как бы человек ни чувствовал себя одиноким, он един с этим миром так же, как и со всеми людьми, населяющими его. Сейчас же Эридан планировал провести немного усовершенствованную версию этого упражнения. В таком виде оно применяется в ритуалах Иль-де-Нарса и сложных энергозатратных миссиях, когда требуется батарея сил нескольких взаимосвязанных мастеров или посвящённых. Такие группы выбирались очень тщательно, собравшиеся должны были усиливать и гармонизировать друг друга, а ни в коем случае не ослаблять. Ошибка в таком выборе могла стоить очень дорого. Негармоничные люди или те, у кого энергия была просто не сочетаема, могли разрушить общий резонанс, и та мощь, которая должна была полететь сияющим лучом, станет лишь всполохом искр, так как вся сгенерированная батареей энергия уйдёт на сглаживание внутренних конфликтов и перепадов. У Эридана не было гарантий, что его маленькая группа, собранная для этого занятия, действительно сможет стать настоящей батареей силы. Сказать, что между ними не было внутренних конфликтов, он тоже не мог. Селилиан, к удивлению всех, слишком рано начала входить в подростковый возраст, поэтому была полностью уверена в своей правоте и весьма болезненно воспринимала любую критику со стороны, особенно со стороны тех, с кем она так или иначе могла соперничать. Эривел, при всей своей огромной любви к сестре, искренне пытался направить её по верному пути. Он не кричал, не обвинял её, но просто пытался спокойно объяснить ей свой взгляд на вещи, недоумевая, почему это вызывает у сестры такое резкое отторжение и бунт. Каждое его пожелание, в силу возраста и неумолкающего торнадо энергии, воспринималось Селилиан как явная претензия, а претензия требовала опровержения. Совсем по-другому ситуация обстояла с Эмриссией. В отноше-

нии его детей девушка находилась в равной степени между двух огней. Будучи чуть старше и немного взрослее, при сложившихся обстоятельствах, она прекрасно понимала ситуацию и со стороны Эривела, и со стороны Селилиан, так как сама в более раннем возрасте имела похожие сложности. Ей даже было их немного жалко, поскольку Морзано прекрасно осознавала, что оба действуют из самой большой и искренней любви друг к другу и из самых лучших побуждений. Однако Эривел был не способен правильно расценить эмоциональное состояние сестры, а Селилиан просто физически была не в силах справиться с тем потоком энергии, который обрушился на неё на данном этапе взросления. У Эмриссии с детьми Эридана никогда не было открытых конфликтов и претензий. В большинстве случаев она оставляла их вести переговоры самим, лишь изредка добавляя что-то, чтобы сгармонизировать атмосферу. В каких-то моментах Морзано была согласна с каждым из них, а в каких-то бесспорно вставала на сторону кого-нибудь одного. Все трое были разными. Каждый уже сейчас являлся яркой индивидуальностью с собственным взглядом на жизнь и сформировавшимся опытом. Упрямство не позволит им отступить от себя так просто, но сейчас каждому из них было очень нужно научиться принимать другое в окружающих их людях, ценить их индивидуальность и отличия, а не только черты, близкие и знакомые им самим. Его детям нужно было увидеть, что за всеми их спорами кроется искренняя забота друг о друге, а Эмриссии нужно было научиться заново открываться и доверять людям. Сейчас доступ в её внутренний мир имел разве что Тедорер, да и самому Эридану в качестве наставника была приоткрыта маленькая дверца, для всех же остальных её личность преломлялась через толстое стекло льда. Король надеялся, что во время этого ритуала свет души позволит ей открыться хотя бы его детям, тем, с кем она всегда была достаточно близка. У Эмриссии нет причин не доверять им или держать их в стороне, и это давало надежду Эридану, что толстый лёд всё же треснет, и предстоящий танец будет для его ученицы гораздо менее страшным испытанием, чем он кажется ей сейчас.

Тем временем все четверо дошли до одной из тренировочных полей за цитаделью, находящихся почти на самой опушке леса. Оценив, что место достаточно спокойное и немногочисленное, Эридан велел детям, чтобы они сложили лишнее на краю поляны, прежде чем выстроиться перед ним.

При взгляде на собравшихся учеников королю хотелось смеяться. Такие серьёзные, ершистые, возмущённые, они выглядели настолько смешно и умилительно, что всех тут же хотелось схватить в охапку и крепко обнять. Лишь только сейчас, имея своих детей и обучая племянников, Эридан понял, насколько смешно и забавно выглядит подростковая колючесть и самозащита, когда и защищаться в общем-то не от кого, разве что от самого себя.

- Итак, - начал мастер астрат, - сейчас мы попробуем воссоздать единую батарею силы. Смысл её в том, что мощь и энергия нескольких посвящённых объединяется, усиливаясь в разы, и способна принести гораздо больше плодов, чем если каждый будет действовать поодиночке. Такая координация очень могущественна и очень сложна. Она основывается на полном доверии и полном принятии тех, кто разделяет с тобой эту задачу. Малейшая мысль, мельчайшее раздражение или осуждение могут свести на нет все ваши попытки, а если же вы будете закрыты друг от друга, то сила будет просто неспособна вырваться на свободу и даже может причинить вам вред. Сосредоточьтесь на том, что вас объединяет, а не акцентируйтесь на ваших претензиях друг к другу. Доверьтесь друг другу, задумайтесь и осознайте, что никто из здесь присутствующих никогда не подвергнет вас насмешке или полному отторжению просто за то, кем и каким вы являетесь. Подумайте об этом, постарайтесь осознать это хотя бы на мгновение, и тогда мы попробуем начать.

После слов наставника каждый из детей задумался, прокручивая в мыслях сказанные слова и пытаясь ещё глубже их осознать. Да, бояться здесь действительно нечего, всех троих связывала огромная симпатия и сильная родственная привязанность. Сосредоточиться на сходствах было сложнее. Нужно было постараться отбросить или оттеснить все имеющиеся в

душе обиды и акцентироваться на лучшем. Принять другого таким, какой он есть. Не с допущениями, не с жалостью, не со снисхождением, а принять как равного со всей любовью и распростёртыми объятиями, признавая и принимая всё, что есть в каждом из них.

Наконец, все мысленные усилия были приложены, и троица под чутким руководством Эридана уселась в круг, соединив ладони. Поток силы должен был идти от Селилиан к Эмриссии, от неё к Эривелу и потом замыкаться. Эридан надеялся, что таким образом яркие вспышки его дочери смогут сгармонизироваться такой же пламенной, но более повзрослевшей племянницей, а его сын окончательно оформит поток, прежде чем тот снова будет насыщаться пламенем маленькой наследницы.

Эридан не командовал, командовать таким ритуалом было бесполезно. Только они знали, когда начинать, только они чувствовали каждое изменение силы вокруг себя и своих напарников. Прежде всего, все трое погрузились глубоко в себя, почувствовав силу, зарождающуюся в самом сердце. Стремительно разгораясь, она уже охватывала всё тело, и каждый из них вспыхнул своим собственным пламенем, могущественным и прекрасным. Их сила пробудилась, всё ещё пылая своим уникальным огнём и запалом. Однако, огонь слишком отзывчив, и, почувствовав рядом близкое пламя, он тут же начал охватывать пространство вокруг себя. И мгновения не прошло, как огненный круг замкнулся, поднявшись ещё сильнее от взаимной мощи и жара. Огонь распространяется быстро и стремительно, и их пламя так же быстро соединилось в своём едином порыве, постепенно наращивая и совершенствуя свою мощь. Тем временем, участники, уже привыкшие к ощущению единого пламени и восторгу от него, стали ощущать едва заметные различия, наделявшие огонь каждого из них собственными особенностями. Пламя Селилиан было очень жарким и необузданным. В силу возраста она пылала изо всех сил, не способная пока контролировать данный ей поток. Эмриссия тоже пылала ярко, но годы взросления и работы над собой не давали пламени полностью выйти из-под контроля. Оно было сильным, но гораздо более сгармонизированным и глубоким, чем у её сестры. Пламя же Эривела было самым насыщенным, оно практически не нуждалось в контроле и обволакивало его фигуру, продолжая внутренне гореть, поражая своей насыщенностью и глубиной. Огни были совершенно разные, и трое, на мгновение мысленно споткнулись, оперевшись в эти отличия. Их сила разнилась, несмотря на все сходства, они не похожи друг на друга, но они всё ещё пламенные, и их огонь всё ещё остается огнём. Разница в возрасте, личности, опыте – всё это временные явления перед лицом вечности. Их всех объединил огонь, а то, что преходящее, никогда не будет иметь значения в сравнении с тем, что вечно. Подумав об этом, трое наследников словно мысленно поднырнули под какую-то невидимую ранее преграду, и все различия исчезли. Пламя накалилось и вспыхнуло небывалым светом, однако, теперь уже нельзя было понять, где заканчивается огонь одного и начинается другого. Все временные, социальные и личностные рамки были разрушены в один миг. Они словно вступили за грань, где не было Селилиан, Эривела и Эмриссии, а были три единых души, объединённые общим пламенем, равные друг другу и единые в своём порыве и сиянии.

Зрелище, представшее перед глазами, было настолько красиво и восхитительно, что Эридан невольно зажмурился от потоков света. Он не был до конца уверен, что всё получится, но он снова недооценил этих детей. Ни одно из его слов не было сказано впустую. Они услышали его и попытались сделать выводы, ведь только оставив в сердце возможность полного единства и доверия, они смогли бы в самый напряжённый момент перешагнуть через все различия и осознать, что они едины в этом мире. Их взаимная связь и единение ведёт их вперед, и они точно не отступятся от этого величия ради пустой преходящей обиды или неприятия.

Тем временем, поток возрел, теперь они пылали не просто в едином порыве, но и в полном единении с этим миром. Сила, свет и любовь окутали всех троих, втрое увеличив их мощь и, в который раз, поселив в душе каждого полную уверенность друг в друге. Наконец, поток достиг своей максимальной силы и рухнул в пространство, рассыпаясь миллиар-

дами частиц, притянутыми в этот мир пламенем тех, кто ещё недавно сомневался, сможет ли он довериться хоть и близкому, но совершенно иному, не похожему на него человеку. И вот результат был налицо: мир наполнился ещё одним глотком силы, который наверняка будет использован там, где необходим больше всего, а трое детей, вышедших из состояния концентрации, легко и тепло улыбались друг другу.

Как же приятно оказалось принять другого человека, если не акцентироваться на внешних различиях, а посмотреть туда, в глубину, в беспредельность. Там у каждого из нас гораздо больше общего, чем мы даже могли бы представить.

Селилиан, задорно засмеявшись, тут же повисла на брате, а тот крепко обнял её, как бы соглашаясь с тем, насколько мелкими были все их ссоры и препирательства, а Эмриссия улыбалась, глядя на них, в сердце её было на удивление легко и хорошо. Они приняли её, они не считали её чужой, и это было так же дорого ей, как и то, каким огромным и гостеприимным домом был для неё в эти минуты этот разный и невероятно родной мир.

Тем не менее, идиллия и гармония момента были неожиданно нарушены Тедорером, вышедшим к ним из леса. Вид у него был весьма потрёпанный, словно он долго бежал по лесу, не разбирая дороги. Впрочем, взгляд его также выражал что угодно, но точно не спокойствие и гармонию, сияющую на лицах Эридана и его учеников. Быстро осмотрев всех, взгляд Морзано остановился на сестре и торжествуя сверкнул.

- Дядя Эридан, мне срочно нужно забрать Мрису, - быстро, но твёрдо и уверенно заговорил Тедорер, не отводя взгляда от мастера астрат. - Дядя Ардеон просил нас поспешить к нему по очень важному вопросу.

Эридан, ещё сам не пришедший в себя от получившегося эффекта и светопредставления, только в последний момент уловил, что пытался сказать ему его племянник. На секунду в голову закрался вопрос, зачем вдруг Ардеону срочно понадобились оба Морзано? К тому же довольно сдержанный на эмоции Тедорер был явно взволнован чем-то и уже поднимал на ноги всё ещё слабо реагирующую на реальность сестру. С другой стороны, Ардеон всегда знает, что делает. Быть может, потом он и расскажет брату о том, что произошло с будущим Королём Морзано, и почему их племянник как будто враз потерял голову от волнения и спешки.

- Ладно, идите, - ответил Эридан, провожая взглядом уходящих амберальцев. Он не знал, что случилось на этот раз, но с наследниками Морзано ничто и не могло быть просто. Впрочем, как и с этими, - мысленно усмехнулся он, посмотрев на собственных детей.

Они прошли уже половину пути, прежде чем Эмриссия окончательно пришла в себя и поняла, что Тедорер её куда-то ведёт, а Эридан и её двоюродные брат и сестра остались где-то там, на опушке леса.

- Подожди! - воскликнула она, невольно потянув брата назад, побуждая замедлить ход. - Куда мы идём?

- К дяде Ардеону, - не сбавляя хода и не оборачиваясь, твёрдо ответил Тедорер.

- Но почему так внезапно, и почему мы спешим? – не унималась Эмриссия. Она очень не любила быть не в курсе того, что происходит вокруг неё. А сейчас всё, начиная от её брата, заканчивая тем, что их зачем-то ждет Ардеон, вызвало подозрения.

- Потому что дядя Ардеон просил быть вовремя, а я слишком долго тебя искал, - также ровно ответил старший Морзано. - Да и вообще, тебе это должно быть интересно не меньше, чем мне. В конце концов, речь идёт о старинных и весьма специфических астратах.

- Астратах? - удивлённо переспросила Эмриссия. - Но причём тут астраты?!

Тедорер раздражённо выдохнул. После урока Эридана его сестра всё ещё не вернулась в своё привычное холодно-оценивающее состояние в то время как сейчас он, переполненный волнением и беспокойством, очень в нём нуждался.

- Мрис, давай дядя Ардеон всё объяснит тебе на месте, а? – умоляюще попросил старший Морзано. - Нам правда очень нужно поспешить.

- Хорошо, - легко ответила Эмриссия, снова погрузившись в своё новое блаженно-радостное состояние.

Спустя несколько минут, они, наконец-то, приблизились к дому Ардеона. Никто из них не пытался заходить внутрь. Тедорер всё ещё пылал эмоциями и волнением, а Эмриссия постепенно выходила из забытья и начинала оценивать ситуацию, хотя по-прежнему находилась в лёгком, немного детском настроении, от вида которого её брат отвык уже очень давно.

Ждать им пришлось недолго, из дома вышел Ардеон с уже знакомым Тедореру футляром в руках. Он спокойно оглядел их, стоящих на опушке, и удивлённо моргнул, увидев то, в каком состоянии была Эмриссия. Видящий уже и не помнил, когда его племянница выглядела настолько беззаботно и легко. Что бы ни придумал Эридан на своём очередном занятии, это было воистину гениально. Ардеон понимал, что спустя несколько минут эффект от прикосновения света развеется окончательно, но память о нём и о той эйфории, в которой находишься, приближаясь к высшему, навсегда останется в сердце и сможет в нужный момент подсказать где истина, а где ложь. Видящий надеялся, что в нужный момент это удержит Эмриссию от рискованных и опасных поступков, как и всё то, чему они пытались научить их в Иль-де-Нарса.

Чтобы добавить значимости и присутствия духа этим тренировкам, Ардеон решил провести их на небольшой поляне у входа в Кер-носе-Мане, совсем неподалёку отсюда. Он знал, что когда-нибудь этим двоим предстоит спуститься туда в его сопровождении, так что пусть привыкают к присутствию такой могучей и не совсем привычной энергии, так в будущем им будет проще обратиться к наследию своей семьи.

Тедорер и Эмриссия следовали за ним. Старший Морзано выглядел немного сбитым с толку, оглядывая место, куда привёл их наставник, Эмриссия же, потихоньку лишаясь эффекта прикосновения другой души, привычным осторожно-оценивающим взглядом окинула местность и посмотрела на своего дядю, ожидая ответов.

- Я уже говорил Тедореру,- сдержанно начал Ардеон, - у Иль-де-Нарса существует один очень старинный ритуал - танец клинков душ. Он исполняется очень редко, но не потому, что связан с какими-то опасностями, а потому что очень сложно найти тех, кто способен исполнить этот ритуал. Последней такой парой были я и Вьенесс, теперь это можете сделать вы, - он опустил футляр на землю, являя сияющим глазам Эмриссии старинные астраты. - Этот ритуал основан на единении, умении чувствовать друг друга как одно целое. Оружие здесь лишь антураж, просто проверка вашего доверия и единения. Оно усиливает то, что уже есть. Если связь кандидатов недостаточно мощная, они не могут исполнять этот танец, иначе их жизни будет угрожать опасность. Этот танец идёт на волосок от смерти, на миг до провала, когда всё ваше существование удерживается на самом кончике клинка, и вы балансируете, впоследствии понимая, что никакой опасности нет, и эта бесконечная балансировка - обычное состояние гармонии, лишь с немного изменённым взглядом на привычную реальность. Это действительно невероятное чувство, хоть оно и требует немалых усилий и колоссальных физических и психических затрат. Я никогда не пожалею о том, что нам посчастливилось исполнять этот танец, и надеюсь, что и вы не упустите эту возможность, открывающуюся далеко не каждому в этом мире. Это наши с Вьенесс астраты. Я и не знаю точно, сколько им лет, до нас они пылились около трех веков, прежде чем появилась пара, способная их оживить. Они весьма непривычны к рукам, и управлять ими гораздо сложнее, чем обычными астратами, от чего риск пораниться возрастает в разы. Я не скрою, что ритуал опасен. Любая ваша ошибка может сильно покалечить и вашего напарника, и вас самих. Окончательное решение принимаете лишь вы. Я способен только дать вам знания о том, что подобное существует и у вас есть возможность прикоснуться к этому великолепию.

- Конечно мы согласны, - уверенно выпалила Эмриссия, от чего задумавшийся Тедорер невольно вздрогнул. Старший Морзано уже подумывал отказаться от ритуала, чтобы не рисковать жизнью и здоровьем последнего оставшегося у него близкого человека, как этот самый человек нарушил ему все планы. Здесь в Иль-де-Нарса он слишком привык к той Эмриссии, какой она стала после трагедии: замкнутой, закрытой, следующей за ним незримой тенью, готовая закрыть от любого нападения и покорно исполняющая его волю. Тедорер успел забыть, что есть другая Эмриссия, имеющая собственное мнение и решения на всё в этом мире, и даже воля старшего брата не будет для неё указом. И сейчас вторая сторона девушки восторжествовала, не давая будущему главе дома Морзано определиться, рад ли он тому, что его сестра становится прежней, или в ужасе от того, что она не советуется с ним в таких важных вопросах.

Тем временем, Эмриссия оглянулась на Тедорера, почувствовав его замешательство, и подбадривающе улыбнулась. Она словно успокаивала его, уверяя, что всё будет хорошо, и у них обязательно получится исполнить этот ритуал. В её глазах не было ни капли сомнений. Наоборот, они горели ярким азартным огнём, который ему уже слишком давно не доводилось видеть. Его сестра приняла решение, и ему не оставалось ничего другого, как последовать за ней.

Ардеон только кивнул, принимая их решение. Он действительно полагал, что не последнюю роль в этом сыграли старинные астраты. В конце концов, девушка, стоящая перед ним, всегда обожала именно этот вид оружия, он давал ощущение полёта и бесконечного движения силы, позволяя почувствовать себя частью этого потока. Видящий осторожно достал один из клинков и, ещё раз предупредив племянницу о его свойствах, с силой запустил его к ней, наблюдая за её реакцией.

Будучи уже практически мастером астрат, девушка привычным движением одной руки попыталась перехватить клинок, но тяжесть оружия и то ускорение, с которым оно летело, были столь высоки, что она смогла остановить его, только когда рука её уже зашла за спину, да и, очевидно, что ей было очень не просто это сделать.

- Они действительно невероятно тяжёлые, оттого более мощные и скоростные, - поняла Эмриссия. Разница с привычными астратами была огромна. Всё равно, что всю жизнь упражняться с тонкими прутиками, а тут в твоё распоряжение предоставили тяжёлые брёвна.

Тедорер же внимательно следил за действиями сестры. Он понимал, что в этот раз им досталась не такая уж и лёгкая задача, но всё же решил рискнуть и, задорно улыбнувшись, крикнул Ардеону:

- Мне сразу оба!

- Уверен? - с сомнением переспросил Видящий, внимательно оглядывая своего племянника.

- Да, абсолютно, - чуть ли не подпрыгнул Тедорер, настолько возможность проверить свои силы в чём-то действительно сложном раззадоривала его по-детски яркое желание двигаться вперёд.

Ещё раз вздохнув, и, мысленно посетовав на самоуверенных подростков, свалившихся на его голову, Ардеон осторожно, насколько это было возможно, выпустил астраты старшему из Морзано. Тедорер напряг всю свою мощь, его астраты не уходили по касательной, как у Эмриссии, а шли прямо, а значит, он не сможет, как она, сбавить скорость и силу полёта на развороте, и ему придётся принять всё их ускорение и ту мощь, с которой они сейчас несутся на него. Старший Морзано выбросил руки вперёд, но тут же с усилием повёл их обратно, пытаясь противостоять натиску пространства, несущего на него астраты. Наконец, его руки коснулись рукоятей, с силой удерживая их впереди себя, напрягая все возможности своего организма, чтобы не сдвинуться с места и удержать ценнейший приз. И да, он сумел! Давление отступало, и Тедорер с тяжёлым вздохом осмотрел тёмные астраты в своих руках.

Всё-таки стоять неприступной скалой ему не удалось, давление астрат было настолько сильно, что они буквально сдвинули его по земле на пару десятков сантиметров, а он этого даже не заметил. Да, с подобными артефактами не стоило обращаться бездумно, и теперь у него закрадывались сомнения, а смогут ли вообще они с ними справиться?

Тем временем, Ардеон уже отдал второй клинок Эмриссии и встал между ними.

- Времени у нас с вами невероятно мало, поэтому будем готовиться очень и очень интенсивно. Как вы уже поняли, это не то оружие, что легко даётся в руки. К нему нужно привыкнуть и научиться пользоваться так, чтобы в любое мгновение вы могли изменить его траекторию полёта даже на самую радикальную. Начнём мы с того, что я даю вам эти астраты на три дня. За это время вы будете приходить сюда и погружаться в себя, пытаясь прочувствовать астраты в этом состоянии. Попробуйте понять их, как они ощущаются, чем дышат. Попробуйте слиться с ними, как вы сливаетесь с обычными астратами или клинками. Кроме того, приходя сюда, вы можете использовать их в самых простых приёмах, пока самых простых, поскольку любое усложнение будет для вас очень опасно. Через три дня мы снова соберёмся здесь и, в зависимости от того, что вам удастся освоить за это время, мы пойдём дальше. Как я уже сказал, времени у нас совсем немного, поэтому советую отнестись к этому серьёзно. В конце концов, от вашего умения будет зависеть как собственная безопасность, так и безопасность друг друга.

Оба кивнули, бесспорно соглашаясь с Видящим. На лицах обоих уже не было ни капли сомнений. Морзано были твёрдо настроены приложить все усилия, и Ардеон знал, что они действительно будут готовиться на пределе своих возможностей. Прикоснувшись к этим астратам, они словно увидели дымку того, что ждёт их, если им хватит силы и упорства дойти до конца. А и того и другого им точно хватит. В конце концов, они же Иль-де-Нарса, ... ну и, конечно же, Морзано.

Три дня, обещанные Ардеоном, проходили очень напряжённо. Оба Морзано практически забыли обо всём, снова и снова возвращаясь на уже до боли знакомую поляну. К счастью для них, Видящий уже успел предупредить всё семейство об их тренировках, поэтому никто не вставал у них на пути и не пытался отвлечь от самых насущных дел.

Придя обратно на поляну сразу же после обеда, они единогласно решили начать с погружения в себя. В конце концов, прежде чем беззастенчиво пользоваться силой астрат, следовало хотя бы с ними познакомиться. Морзано прислонились к деревьям в разных сторонах поляны и, положив руки на уже ставшие близкими астраты, глубоко вздохнули, выравнивая дыхание. Расслабившееся тело постепенно переставало ощущать себя, а вместо этого чувства фиксировали тончайшее движение энергии, пронизывающей их и переплетающейся со всеми частицами окружающего их мира. Не было мыслей ни о делах, ни о спешке - полное замирание восприятий и чувств, когда мы остаёмся только созерцателями энергий, движущихся вокруг нас, и молча внемлем тому, что они так стремятся до нас донести. Сначала астраты были холодными, как камень, и их энергия ощущалась глухой, едва заметной пульсацией. Эмриссия даже на мгновение засомневалась, действительно ли это были настоящие астраты. От этого вида оружия всегда исходила сила, которая и объединялась с энергией ведущего, позволяя ему использовать астраты, не касаясь их. Энергия этих клинков была слишком холодной и пассивной, словно она исходила от совершенно пустого предмета, а не от древнейшего артефакта, на которые, наверняка, наслонились силы огромного количества посвящённых, которые использовали их в прошлом. "Этого не может быть!" - мысленно возмутилась Морзано. Эти клинки не могут быть пустыми, а это значит, что лишь она не может почувствовать жизнь ни в одном из них. Ещё раз вздохнув, Эмриссия попыталась снова погрузиться в своё сердце и сосредоточить все ощущения на раскрытых ладонях, лежащих поверх старинных астрат. Вдох-выдох, спокойствие сознания, она не должна позволять себе делать выводы раньше времени. Не должна додумывать то, что не чувствует. Её задача - созерцать, а не пытаться найти объяснения своим

ощущениям. Потоки мира ощущались всё ярче. В таком месте, близ Кер-носе-Мане, мир ощущался иначе, словно вся природа здесь дышала глубже, и её дыхание и присутствие сопровождало всё: каждое дуновение ветра, каждую травинку и каждый шорох. Мир казался как никогда полным. Всё в нём бесконечно двигалось, соединяясь и разлетаясь, объединённое таким неизвестным и таким же простым и близким ритмом этого мира. Эмриссия наслаждалась этим единством и гармонией, когда все суетные мысли исчезают, утонувшие в волне благодати и единения. В такие моменты она по-настоящему осознавала себя частью этого мира, единая и неделимая с ним, идущая по пути, ведомая его силой и дыханием. Весь мир объединялся с ней, кружа вокруг неё потоками силы и энергии, когда краем чувств девушка уловила, что не только её потоки силы опутывали так трепетно. Тяжёлые тёмные астраты сияли не меньше, чем её собственная душа. Потоки энергии оплетали их, загораясь новым, невероятным светом. Они были живые, действительно живые, их пламя ощущалось даже через толщу пространства, лишь для неё одной они были закрыты, оставаясь такими же холодными и неприступными. И Эмриссия зажглась, ведомая порывом, исходящим из самой глубины её души. Сердце вспыхнуло пламенем, а следом огонь охватил всё её тело, закрывая пространство вокруг неё. Она пылала, но в этом огне был только призыв к жизни, сияние этого мира и её собственной души. Девушка не хотела никому причинить боль, хотела лишь окончательно распахнуть своё сердце, открыть свои мысли и чувства. Морзано словно стояла в огромном храме перед скрытой от глаз Великой душой, и всё, что она могла, это распахнуть своё сердце, открыть этому миру всю себя со всеми своими сложностями и недостатками. Юная наследница была полностью искренна, и теперь лишь эта душа решала, желает ли она открыться младшей наследнице Морзано. Всё ещё погружённая глубоко в себя, Эмриссия не сразу заметила, как, спустя несколько минут молчаливого бдения, ситуация изменилась. Острые искры мягко обожгли её руку, после чего несколько маленьких молний словно пронзили её ладонь. Электричество потекло вверх по руке, сливаясь с её собственным пламенем, и она, наконец, осознала, что они ответили. Астраты действительно откликнулись на её зов и теперь открывались ей сами, давая ощутить их собственную мощь и энергию. Они по-прежнему были безумно тяжёлые, причём не от веса, а от потока силы, словно спрессованном внутри них. Энергия в них была ключом, заряжая электрическим током всё пространство. В них чувствовалось время, чувствовалась глубина и сила, но теперь эта сила открывалась новому мастеру постепенно, словно знакомясь. С каждым мгновением они всё больше и больше привыкали друг к другу, словно подсаживаясь ближе. Теперь Эмриссия могла даже мысленно погладить текущие под рукой потоки. Душа астрат привыкала к ней, как и сама девушка привыкала к непростым и незнакомым энергиям, постепенно сливающимся с её собственной силой. Она не знала, сколько прошло времени. Возможно, они уже несколько часов сидели так, но ей было уже всё равно. Сила, ощущаемая ею, была настолько невероятной, что она продолжала тянуться к клинкам, а они тянулись к ней. Наконец, древняя мощь коснулась её собственного сердца, и Эмриссия вспыхнула изнутри. Сила её и астрат перемешалась, теперь она чувствовала их также хорошо, как и привычные ей астраты. Они оставались такими же тяжёлыми и могучими, но словно пустили её в свой мир, принимая её и позволяя чувствовать и вести себя. Повинуясь своим ощущениям, девушка мысленно соединилась с астратами, и руки её сами собой поднялись вверх. На несколько сантиметров от ладней послушно зависли пылающие клинки, покорно двигаясь за ведущей рукой. Мысленно, приложив все усилия, Эмриссия крутанула рукой, побуждая астраты возле её ладони сделать круг. Лезвия покорно повиновались. Отдача от них была огромной, но девушка постепенно привыкала к такому управлению. Она двигалась медленно, отслеживая каждое ощущение. Всё её тело было до предела напряжено, поскольку эти астраты требовали полнейшей концентрации и огромных усилий. Постепенно Эмриссии удалось сделать медленные движения и повороты. Тело уже привыкло к высокой нагрузке и требовало испытать эту мощь в действии. Взяв тяжёлый камень, хочется запустить его как можно дальше, прочувствовав всю силу и скорость

его полета, вот и мощь этих астрат словно рвалась на свободу. Сделав два круга вокруг себя, Эмриссия, резко развернувшись, с силой метнула один из клинков на большой круг и тут же едва не вскрикнула от звонкого удара астрат об астрат. С ужасом девушка распахнула глаза, интуитивно стараясь поймать рукой стремительно отлетевший назад клинок, и встретила с таким же испуганным взглядом своего брата. Тедорер, видимо, тоже пришёл в согласие со своими астратами и тоже попробовал метнуть клинок. Упражняясь со своим оружием, они совсем забыли, что всё это время были не одни на поляне, и их эксперименты легко могли покалечить близкого им человека. Благо, что клинки ударились друг об друга, и никто из Морзано не пострадал. Расчёт шёл на доли секунд, на миллиметры, и у обоих подкосились ноги при мысли о том, что могло случиться. Медленно, еле передвигаясь, крепко сжимая руками астраты они двинулись друг к другу. Обнявшись дрожащими руками, уткнувшись в плечо друг друга, они всеми силами старались погасить все те страшные мысли, что бушевали у них в головах. Эти астраты созданы вместе, возможно только благодаря ним они сейчас стоят рядом с друг другом целые и невредимые. А впереди ещё танец... С таким неосторожным обращением с древней реликвией они могут просто не дожить до начала праздника. Им нужно тренироваться, нужно убедиться, что тот, кто будет рядом с ними, всегда будет в безопасности, неважно, какое оружие окажется у них в руках. У них есть ещё два дня, чтобы научиться управлять этими клинками. К приходу Ардеона они должны быть готовы. Возможно, пока им следует тренироваться по очереди, чтобы спокойно привыкнуть к новым астратам, не беспокоясь о том, что рядом может оказаться кто-то, кто сможет попасть под удар. Пока лучше так, а потом они посмотрят. В конце концов, с ними Великий Видящий, а он точно сможет указать им верный путь.

Два дня пролетели как один миг. Оба Морзано, как и договаривались, занимались по очереди. Они приходили на поляну, также погружались в себя, всё больше проникаясь единением с астратами, а после тренировались, отработывая привычные приёмы на совершенно необычных клинках. К окончанию третьего дня оба уже могли выполнить с ними стандартный набор приёмов астрат, правда, далеко не с той скоростью, к которой они привыкли. После случившегося в первый день, оба не могли допустить легкомысленного обращения с новым оружием, а контролировать его движения на полной скорости у них пока не получалось. Тем не менее, чем больше они входили в контакт с самими астратами, тем легче становилось ими управлять. Брат и сестра стали лучше понимать их технику, манеру движения, когда они ещё могут сменить траекторию, и когда возврат уже невозможен. Вся эта информация постепенно собиралась ими, и к приходу Ардеона они считали себя достаточно готовыми. По крайней мере, пользоваться клинками они научились.

Всё это время сам Видящий незримо наблюдал за своими учениками. Он знал о том, что произошло в первый день, и считал, что это было очень полезно. Они вовремя осознали всю опасность и риски несерьёзного обращения с данными им реликвиями, и это заставило их ещё более ответственно подойти к подготовке, но ему ли не знать, что в овладении астратами подготовка к танцу не заканчивалась. Основная сложность была в самих танцующих, в их полном единении, которое гораздо более труднодостижимо, чем овладение старинным оружием. На кону стояло их благополучие и жизнь. И Морзано, при всём их взаимопонимании, предстояло сделать ещё несколько шагов навстречу друг другу, чтобы быть способными ощутить каждое движение и каждую мысль своего напарника ещё до того, как действие будет сделано, и сегодня он постарается помочь им в этом.

Оба Морзано уже ждали его на поляне и выглядели вполне довольными собой. Конечно же, освоить управление подобной реликвией за несколько дней было очень похвально, но они ещё не подозревали, что главные испытания будут только впереди.

Ступив на поляну, Ардеон ещё раз внимательно осмотрел своих племянников. В их глазах искрилась сила и желание идти до конца. Если раньше у них и возникала мысль отказаться от этого ритуала, то теперь она окончательно ушла.

- Ну что ж, - подумал король, - это даже к лучшему. Ведь после сегодняшнего испытания возможности отступить назад у них больше не будет.

Все собравшиеся поприветствовали друг друга, и Видящий попросил Морзано показать то, чему они научились за это время. Первой на поляну выступила Эмриссия. Глубоко вздохнув, она на мгновение закрыла глаза, сосредотачиваясь на астратах, после чего резко крутанулась вокруг своей оси, начиная стандартный комплекс упражнений. Этот новый вид оружия всё ещё оставался для неё довольно тяжёлым, но, благодаря этому, девушка освоила для себя новое качество обращения с астратами - инерцию. Используя ход движения каждого из клинков, Эмриссия довольно ловко управляла ими, словно направляла потоки, и астраты следовали за её движением, пусть и не в таком темпе, как она привыкла. Одобряюще кивнув, Видящий пригласил Тедорера приступить к заданию. Очевидно, что он тоже смог найти подход к своим астратам. Плавные напряжённые движения фиксировали каждое положение клинков. Они ни на мгновение не выходили из-под его контроля. Сила рук направляла их по нужной траектории, плавно сопровождая. Его движения тоже были непривычно медленны в сравнении с его обычной скоростью, но то, с какой силой Тедорер мог удержать астраты, явно заслуживало восхищения. Наконец, Морзано закончил комплекс и, поймав одобрителный взгляд сестры, снова встал рядом с ней.

- Да, вы оба молодцы, - согласился Ардеон. - Вы смогли найти подход к астратам и даже частично овладеть искусством обращения с ними. Это похвально и достойно, но, тем не менее, это не всё. Если бы этот танец танцевался в одиночку, то я бы спокойно дал вам ещё три дня, зная, что к этому времени вы уже полностью овладеете искусством обращения с этим оружием. Но этот танец танцуете вместе, и именно в этом заключается главная его сложность.

Последняя его реплика вызвала непонимание на лицах его племянников. Да, они осознавали, что при обращении с этими астратами им следовало быть осторожнее, поскольку они могли очень легко покалечить друг друга, но в этом ли заключается такое невероятное препятствие?

- Попробуйте одновременно выбросить один из астрат в противоположную друг от друга сторону по прямой закрытой рукой, - чуть улыбнувшись, предложил Ардеон, получив ещё один недоумённый взгляд от обоих Морзано. Просто выбросить астрат? Что в этом может быть сложного? С этим заданием даже любой начинающий ученик справится!

Тем не менее, оба неудовольственно переглянулись и ровно по команде резко выкинули астраты в разные стороны. Тяжёлые клинки со свистом разлетелись, и Видящий понимающе кивнул. Он увидел то, что и ожидал увидеть. Бросок Эмриссии был резкий и стремительный. Она набрала сил, после чего одним потоком отбросила астрат вперёд. Тедорер же всё делал равномерно, плавно посылая клинок в нужном направлении. Они делали одно и то же движение в одном и том же ритме, но при этом оба делали его совершенно по-разному. Разное дыхание, разные паузы, разные потоки силы - всё это было заметно опытному глазу Видящего, которому доводилось исполнять этот ритуал. Они были близки, их взаимопонимание вызывало восхищение, и всё же этого было недостаточно.

Наконец, Ардеон оторвался от своих размышлений и обратился к обоим Морзано.

- Да, вы оба выполнили мою просьбу и сделали это синхронно, но мы все знаем, что на самом деле, ваше движение не было единым. Вы по-разному двигали клинок, по-разному двигали потоки, даже дышали, а всё это может стоить вам очень дорого во время танца клинков душ. Вы должны двигаться единым порывом, каждое движение, каждая мысль должна быть вами с лёгкостью считываема, даже не глядя в глаза своему партнеру. Движение во время танца слишком быстрое, вы просто не успеете распознать взгляд, а разные движения или их ритм

могут нарушить общую траекторию полёта клинков, пусть на самую малость, но при такой силе и скорости, это будет очень опасно. Вам надо научиться чувствовать друг друга, научиться понимать, как движется и мыслит каждый из вас, чтобы бесспорно предвидеть все его действия. Вашего единения, которое сейчас имеется у вас, будет недостаточно. Нужно двинуться дальше.

- И как нам это сделать? – недоумевающее спросил Тедорер. Сам факт того, что они с Эмриссией недостаточно понимают друг друга, обескуражил его. Оба Морзано всегда отличались особой связью и единением, и никто ещё не говорил им, что этой связи может быть недостаточно.

- Попробуйте проникнуть друг в друга, почувствовать себя частью энергии другого человека. Понять, что же отличает каждого из вас, и что вы можете сделать, чтобы сгладить эти отличия и спокойно провести ритуал. Я могу предложить вам начать с совместного погружения в себя, но дальше вы будете двигаться сами. Это не только объединение энергий, но и объединение душ. Возможно, вам надо будет многое обсудить, поэтому вы сами найдёте меня тогда, когда поймёте, что все ваши разногласия разрешились, и вы смогли достигнуть нужного единения.

С этими словами Видящий слегка склонил голову, кивнув им, и быстро двинулся в сторону своего дома, оставляя недоумевающих племянников одних возле Кер-носе-Мане.

Не говоря ни слова, оба Морзано переглянулись, мысленно спрашивая друг у друга, что же им теперь делать. Им нужно было прийти к полному взаимопониманию и вытащить наружу подводные камни, о которых они сами ещё пока не подозревали. Решив не откладывать, Тедорер и Эмриссия последовали совету своего дяди и начали с парного погружения в себя, чтобы постараться почувствовать то, что могло помешать их полному единению. Усевшись спина к спине, они глубоко вздохнули, постепенно расслабляя своё тело и погружаясь в тот мир, когда чувства становятся тоньше, а восприятие более глубоким и ясным. Первое время они оба прислушивались к себе и своим ощущениям. Привычное тепло тянулось из того места, где их спины соприкасались. Спокойствие, тепло, забота, привязанность – вот то, что они ощущали друг от друга. Им было как никогда комфортно рядом друг с другом, и они ещё раз подивились тому, что же может быть не так в их связи.

Наконец, окончательно погружившись в необходимое состояние, Эмриссия вырвала себя из приятной неги и сосредоточилась на том, что представляет из себя сила её брата. Мощь Тедорера была монументальна, она обволакивала всё единым порывом, сочетая в себе равновесие и напряжённость. Его сила отличалась от её, более нестабильной и яркой, но это несколько не смущало девушку и не вызывало отторжения. Их энергия была слишком близка, чтобы Эмриссию волновали подобные различия. Тем временем, Тедорер тоже акцентировался на силе своей сестры. Яркая, жаркая, неравномерная, вечно движущаяся в своём собственном ритме. Его сила тоже пылала, но его сияние было равномерным, в отличие от Эмриссии. Раньше он никогда не задумывался о том, насколько различны основные свойства их сил. Они всегда действовали вместе, единым порывом, гармонизируя и дополняя друг друга. Их сила была едина, и поэтому без малейших колебаний оба решили шагнуть ещё ближе.

Мысленно, собрав своё сознание в сердце, каждый из них осторожно покинул свою обитель и шагнул в сторону своего напарника, погружаясь в его тело и энергии. В это же мгновение у обоих резко заболела голова. Необъяснимые вибрации, похожие на гул, электрические разряды, словно пытающиеся ущипнуть их сущность – это скопление окружило их, затягивая в бушующий поток. Всё было как в тумане, посторонняя энергия не принималась, она отторгалась в такой близости от центра. Разновесие ритмов и движения вызывало взрывы. Они не могли настроиться, не могли понять, как им перенаправить собственную энергию, чтобы справиться с давлением силы своего близкого, такой на удивление новой и негостеприимной.

Мысленно вздрогнув, Эмриссия попыталась собрать крупицы своего сознания, чтобы что-то предпринять. Внутренние энергии Тедорера её категорически не принимали, и она

смогла лишь на время оградиться от них, чтобы подумать. В нём всё было другое: строение тела, дыхание, энергии, потоки силы - всем этим он отличался от неё, а всё непохожее в такой близости вызывало отторжение. Ей нужно было попытаться приблизиться к нему, попытаться понять и проникнуться его внутренним содержанием, почувствовать себя им, в конце концов. С усилием концентрируя своё сознание, она мысленно заняла позу для концентрации и, всё ещё находясь в теле брата, постаралась сгармонизировать его дыхание со своим собственным. Вдох-выдох. Медленнее чем её, чуть глубже вдох, выдох более спокойный. Словно волны, Эмриссия ощущала потоки силы, плывущие через её сознание. Вдох-выдох. Прилив-отлив. Она словно плескалась в этом океане энергий и сил своего брата, уже едва осознавая, какой волной приходит его энергия, а какой её собственная. Тедорер был другим, совершенно другим и непохожим на неё. Нахождение в его пространстве было для неё чрезмерно наполненным каким-то небывало стойким и насыщенным содержанием, от которого у девушки возникало чувство дискомфорта и подавленности. Её брат был сильнее, физически сильнее, поэтому он двигался совершенно иначе. Там, где Эмриссия использовала ускорение и инерцию, Тедорер спокойно удерживал и направлял, не спеша и не делая сильных перепадов вокруг себя. Там, где она привычно летела на всех парах, он двигался равномерно, но также быстро. Его движения были другими. Она чувствовала, как двигаются его плечи и предплечья – одни из основных направляющих астрат, и понимала, почему они не смогли выкинуть клинки одновременно. Всё это время они направляли их по-разному, совершенно по-разному, поэтому у них и не получалось достичь полного единения. Им нужно будет научиться соединять и объединять навыки друг друга. Эмриссия не может, как Тедорер, удерживать астраты равномерно на одних только силе и напряжении, а он едва ли сможет постоянно предчувствовать инерцию. Им нужно проникнуться друг другом и найти путь, одинаково близкий для них обоих. И да, они обязательно найдут.

Тем временем Тедорер тоже успел прочувствовать силу своей сестры и теперь с удивлением осознавал все различия, на которые раньше он совершенно не обращал внимание. Эмриссия была совершенно не такой, как он, более эмоциональной, пылающей, нестабильной. Её сила вспыхивала, а она сама всю свою жизнь словно ступала по равновесию этого мира. Все движения её были основаны на балансировке. Даже астраты младшая Морзано удерживала силой инерции и её перенаправлением, а не усиленным контролем, как делал он сам. Её дыхание было глубже, но быстрее, а в движениях было много пауз, когда она словно накапливала энергию мгновения, чтобы потом пустить её в ход. Их действия и потенциалы были совершенно различны, но теперь, зная как существует и проявляется каждый из них, они смогут понять, как объединить их индивидуальные черты в нечто общее. От этих мыслей Тедорер на удивление взбодрился и продолжил ещё внимательнее отслеживать любые особенности своей сестры.

Он проникал всё глубже, всё ближе понимая и принимая её волю, её стремление двигаться вперёд, её привязанность к нему. Тедореру было известно об этом, но теперь старший Морзано словно прочувствовал всё это в цвете со всеми оттенками и переходами. Он знал, что её ведёт отчаяние, но не знал, насколько на самом деле оно глубоко. Диапазон эмоций его сестры был гораздо шире, чем у него самого. Малейшие эмоциональные колебания могли мгновенно изменить или пошатнуть её равновесие, в то время как Тедорер эти колебания не смог бы даже уловить. Он во многом не понимал её, но годы рядом с ней научили принимать и любить её именно такой, но теперь многое для него изменилось окончательно. Тедорер видел её слабости, их оказалось гораздо больше, чем он мог даже предположить, и Эмриссия сама боялась их. Боялась показаться слабой, беззащитной, боялась довериться, боялась позволить защищать себя. Он видел главный её кошмар, видел то, какой она ни за что на свете не хотела бы стать: маленькая забитая девочка, постоянно плачущая и ищущая помощи и защиты у всех вокруг. Вечное ноющее и слабое существо, неспособное на принятие решений, несамостоя-

тельное и безвольное, всеми силами убегающее от жизни вместо того, чтобы бороться – такой она боялась быть, такой боялась стать и прикладывала все усилия, чтобы ни на мгновение не приблизиться к этому образу. Его сестра хотела быть сильной, хотела быть независимой, хотела перестать бояться. Долгие годы Эмриссия растила себя. Растила себя для того, чтобы никогда не стать похожей на это существо, но оно жило в ней, всё ещё являясь её частью, и меньше всего на свете она хотела, чтобы её брат когда-нибудь узнал о существовании этой стороны её души.

Тем временем Эмриссия всё глубже погружалась в чувства своего брата. Они были разрозненными и не всегда чёткими, что совершенно не вязалось с тем уверенным впечатлением, которое Тедорер производил на других. Она всегда знала, что ему тяжело, но даже не представляла насколько. Сомнение в своих силах сталкивались с потребностью сохранять присутствие духа, чтобы защитить её и дать ей уверенность в завтрашнем дне. Он был готов в одиночку биться со своими страхами, лишь бы не впутывать её в это. Её брат слишком переживал за неё, чтобы вовлекать её ещё и в свои собственные страдания. Он был силен, и всегда знал это. Его сила исходила откуда-то из его естества, и Тедорер не всегда был способен контролировать её проявления. Она рвалась на свободу, безумно, как разрушительное пламя, сметающее всё на своём пути. И он был таким же, захлёбывающимся от собственной мощи, зверем, чудовищем, не ведающим преград и оков. Тедорер понимал, что это неправильно, что такие эмоции никогда не принесут благо, только разрушение, и всё же до конца не мог их контролировать. За долгие годы он научился внешне подавлять эти проявления, но остановить бушующий поток из мыслей и чувств, раздирающих его изнутри, старший Морзано так и не смог научиться.

Они выскочили друг из друга, и словно ушат холодной воды мигом обрушился на их головы. Резко вскочив, оба обернулись, но, взглянув в глаза, поняли, что совершенно не узнают друг друга. Во взглядах обоих плескалось отчаяние, наряду с неуверенностью, смущением, страхом потерять, и полностью обнажённой душой, которую каждый из них сегодня приоткрыл другому. Да, они и раньше доверяли друг другу свои слабости, делились многим, но сейчас Морзано словно погрузились друг в друга, прочувствовали всё через эмоции другого так, как они на самом деле ощущались каждым из них, а не так как они представляли себе до этого. Оба даже не предполагали, какой ураган бушует в душах друг друга. Оба с годами научились поддерживать видимость спокойствия и уверенности, теперь же от этой иллюзии не осталось и следа. Они были мысленно обнажены друг перед другом, и это было слишком сильно даже для столь близких и дорогих друг другу людей. Каждый из них на мгновение сделал несколько шагов по пути другого, прочувствовав совершенно иной мир и другую жизнь, которая протекает совсем рядом с ними. Не всё можно передать словами, всех красок и звуков мира не хватит, чтобы передать хоть каплю ощущений. Это было то, что они просто чувствовали, не способные обратить это в вербальную форму. Теперь оба знали многое друг о друге, и каждый удивлялся, как они, близкие и внимательные, не замечали того, что происходит с самым дорогим для них человеком. Как они могли упустить всё это раньше!

- Почему ты никогда ничего не говорил? - первой не выдержала Эмриссия, боль и отчаяние брата стали для неё откровением. Она была уверена, что тот превращает всю свою боль в холод и силу, не подозревая, какие когти разрывают его изнутри. - Почему ты не доверился, почему не попросил помощи?

- В чём помощи, Мрис? – отчаянно воскликнул Тедорер, глядя в глаза своей сестре, и та отметила, что очень давно не видела у него такого взгляда. Все его эмоции были на поверхности, он был натянут, словно струна, готовый разорваться в любую секунду. - В чём помощи? В том, что во мне нет ни капли того, что нужно настоящему Королю, или в том, что меня вообще опасно допускать к общению с людьми, не говоря уже о том, чтобы давать корону? Ты всё видела, Мрис! Ты видела, какой я на самом деле! Разве такому человеку можно доверить хоть что-то стоящее? Разве он может нести свет и добродетель другим, когда внутри него бушует гнев и жестокость? Разве могу я обвинять тех, кто идёт против нас, если сам вполне способен

на гораздо худшие поступки? Какой я воин, если не могу справиться с собой?! Какой я Король, если во мне нет мудрости и внутреннего света?! Какой я брат, если не заметил боли и страданий собственной сестры?!

- Ты и не должен был заметить! - громко проговорила Эмриссия, прерывая крик своего брата. - Я сделала всё, чтобы ни одна живая душа не знала об этом. О том, какая я на самом деле, и что за мужеством и бравадой скрывается забитое и трусливое существо, не способное ни помочь себе, ни позаботиться о других. Мне противно только от мысли, что я могу быть такой. И после этого я Морзано?! После этого я Спящая Корона и дочь Вьенесс Иль-де-Нарса?! Разве истинный воин может позволить себе подобное? Я должна защищать тебя, быть твоей поддержкой и опорой! Я должна быть сильной, в конце концов, но как только я сталкиваюсь с препятствием, то чувствую себя совершенно беспомощной и никчёмной. Всеми силами я стараюсь не допускать таких срывов, но они есть, и мне снова хочется забиться куда-нибудь подальше, чтобы предаться страданиям и самосожалениям. Разве такой я должна быть? Той, кто рыдает ночами от глупых и постыдных мыслей о том, что она не такая, как все, что она окончательно разучилась общаться с людьми и пускать кого-то себе в душу. Я стала бояться всего, и мне проще окончательно закрыться от всех, чем довериться хоть кому-нибудь. Я понимаю, насколько это мелко и низко, но снова и снова потоки отчаяния охватывают меня, и я не всегда могу с ними справиться. Я знаю, что мир открывается лишь открытому сердцу, но ничего не могу с собой поделать. Я словно живу на отшибе этого мира, неспособная перейти эту грань, сломленная и разбитая. Разве такая сестра тебе нужна? – в её глазах стояли слёзы. Эмриссия практически выкрикнула последнюю фразу, в ужасе опустившись на траву и закрыв лицо руками. Она уже давно не позволяла себе предаваться истерикам, тем более в присутствии брата, но сейчас у неё больше не было сил бороться, а взглянуть Тедореру в глаза после всего, что он увидел и услышал, казалось просто невозможным.

- Мне нужна сестра, - тихо проговорил Тедорер, и от его спокойного, охрипшего после недавних криков, голоса Эмриссия словно очнулась. Не готовая к такой смене настроений, медленно она убрала руки от лица и недоверчиво посмотрела на брата, который стоял рядом, опустив взгляд в землю. - Мне нужна моя сестра. Мне не нужна сила, не нужна защита - со всем этим я был способен справиться и сам. Мне нужна ты, ты рядом со мной такая, какая ты есть. Да, видеть тебя сильной и уверенной в себе было мне до ужаса приятно, но лишь потому, что я был уверен, что ты справилась со своей болью, что ты нашла выход и можешь идти дальше. Я радовался твоим успехам, но не потому, что мне нужен достойный наместник или достойный защитник, а лишь потому, что ты уверенно шла вперёд и, в случае необходимости, могла позаботиться о себе. Даже видя всю твою силу, я ни на мгновение не перестану бояться, и твои успехи в управлении астратами служили мне лишь лекарством от переживаний. Я никогда не ставил цель вырастить из тебя воина. Мне было бы гораздо спокойнее, если бы ты просто была рядом за моей спиной, но я знал, что ты никогда не согласишься на это. Я ничего не требую от тебя и никогда не потребую. Ты всегда была вольна выбирать свой путь, и я приму его, каким бы он ни был. Я не хочу, чтобы ты теряла себя, не хочу, чтобы ты страдала, оправдывая мои или чьи-то ожидания. Если потребуется, я сам буду защищать тебя, ведь всё это не главное. Главное, что у меня есть ты, такая, какая ты есть. Мне не нужен щит или защитник, мне нужна ты: мой свет и моё сокровище, полное счастья и жизни, всё остальное уже будет неважно.

Глубоко вздохнув, Тедорер, наконец, отважился поднять взгляд на сестру и чуть не вскрикнул от удивления, по щекам её водопадом катились слёзы, лицо опухло, а глаза невяжущее уставились на него. Он так давно не видел её плачущей, так давно, что успел забыть о том, что она вообще на это способна, и о том, что он совершенно не может выносить её слёзы

- Ну что ты, Мриса, - обеспокоенный Тедорер опустил рядом с ней, вытирая слёзы с её лица, - я же ни в чём не упрекаю тебя...

- Я знаю, - тихим, срывающимся голосом проговорила Эмриссия, - я сама себя упрекаю, - от такого неожиданного ответа старший Морзано непонимающе уставился на сестру, но та, покачав головой, продолжила, - упрекаю за то, что не заметила, что с тобой происходило всё это время. Я знала, что тебе тяжело, знала, что ты иногда терял веру в себя, но и не подозревала, что ты так и не смог окончательно простить себя...

- Что тут прощать, Мриса, - чуть отшатнулся Тедорер. - Я не достоин своего имени, не достоин своего дома...

- Это не так! - уверенно воскликнула девушка, хватая брата за плечи. - Ты Король, ты Морзано, и всё это есть в тебе. Даже если ты и не видишь этого, то я вижу...

- Ты слишком любишь меня, - горько улыбнувшись, перебил Тедорер, - любишь, поэтому и не замечаешь моих недостатков. Если бы ты до конца осознала, какой я на самом деле, ты бы разочаровалась во мне. Да, мне дана сила, недюжая сила, но я сам не всегда могу справиться с её проявлениями. Я не идеален, и на эмоциях при потере контроля вполне способен использовать всю эту мощь во вред. Скажи мне, разве Король может так поступить? Разве в Короле может быть столько ярости?!

- Ярость не возникает на пустом месте, - тихо, успокаивающе проговорила Эмриссия, поднимая лицо своего брата, заставляя взглянуть ей в глаза. - Раненый зверь становится яростен лишь потому, что он ранен. Боль толкает его на безумства, хотя всё что он делает - это пытается защитить себя и своих близких, - в глазах Эмриссии в этот момент как никогда сияло понимание. - Тебе больно, тебе слишком больно. Ты всё ещё винишь себя в том, что не смог помочь, что нужно было остаться. Да, я тоже часто думаю обо всём этом, уверенная, что мы могли бы помочь, но, глядя правде в глаза, что могли мы, беспомощные дети, сделать кроме того, как мешаться под ногами. Мы выжили и должны идти дальше, а подобные мысли нам обоим стоит оставить. Они не приносят ничего кроме боли и отчаяния, а это явно не то, что стоит брать с собой в долгий путь. Мы оба знаем, что эта очередная твоя жизнь, и ты родился Морзано, родился Королём, а значит, в тебе есть всё что нужно, чтобы достойно нести этот титул. В твоей душе скрыты все возможности, но ты просто не видишь эти сокровища, сосредоточившись на тумане собственных недостатков. А я вижу, вижу и знаю, что в тебе скрыты потрясающие черты и возможности, и что ты станешь по-настоящему великим и мудрым правителем. Для меня будет огромной честью пройти этот путь рядом с тобой. Когда ты отпустишь боль из своего сердца, то и в ярости не будет никакого смысла. Она просто уйдёт, и все те страшные картины, что ты успел нарисовать себе, останутся лишь воспоминанием. Я люблю тебя, Тедорер, люблю, и мне страшно видеть, как боль и отчаяние разрушают твою душу. Прошу тебя, не закрывайся от меня! Как я могу разочароваться в тебе, если ты самое дорогое, что есть в моей жизни! Да, мы оба несовершенны, но мы есть друг у друга, и это самое главное, а со всем остальным мы справимся, обязательно справимся.

Эмриссия попыталась улыбнуться, слёзы всё ещё текли по её щекам, и Тедорер поймал себя на мысли, что за последние годы успел позабыть, насколько эмоциональной всегда была его сестра. Ему не важны были её недостатки, он лишь желал знать о них, чтобы не позволить ей навредить самой себе. Он любил её, любил просто за то, что она есть в его жизни, как и она принимала его вне зависимости от действий и обстоятельств.

Осторожно Тедорер притянул её к себе, и Эмриссия уткнулась ему в плечо, окончательно позволив себе разрыдаться. Они словно вернулись назад, глубоко в детство, где не было такой ответственности и обязанностей. Где они могли быть детьми, просто детьми, со всеми их слабостями и недостатками. Они могли быть такими, какие они есть: порой слабыми, беззащитными, беспомощными, но они всё ещё были вместе, как было с тех пор, как Эмриссия шагнула в этот мир.

Когда они, наконец-то, разжали объятия, на щеках обоих были слёзы. Тайны и недо-молвки остались в прошлом. Страх остаться отверженным или непонятым больше не было, он ушёл так же, как и ещё одна стена между ними.

Все несколько дней, отведённые на установление взаимодействия, они много говорили. Говорили о том, о чём раньше даже не решались упоминать. Оба вспомнили тот роковой вечер, когда их жизнь окончательно перевернулась с ног на голову, вспомнили детство и давно забы-тые привычки, вспомнили друзей и врагов. К удивлению каждого за годы пребывания в Иль-де-Нарса оба действительно забыли то, какими они были на самом деле. Эмриссия, как оказалось, уже давно не общалась с кем-то настолько легко и свободно. Мысли лились из её уст, словно нескончаемая вода, и Тедорер поразился тому, что его молчаливая и отчуждённая сестра может быть лёгкой и разговорчивой, совершенно не контролируя, что и как она говорит. Да и сам он впервые за долгое время говорил просто и открыто, и сердцу было на удивление спокойно и комфортно. Они много смеялись, дурачились, грустили и даже плакали, но позволяли себе быть такими, какие они есть, оставив маски другим случаям и собеседникам.

Когда, спустя несколько дней, Ардеон посетил поляну, отведённую для их тренировок, он был поражён. Тедорер сидел, прислонившись спиной к большому дереву, и, мягко улыбаясь, смотрел на свою сестру, сидящую рядом и что-то втолковывающую ему с невероятным жаром.

- ...Ты, конечно, молодец и всё такое, но я не удержу на одной силе эти астраты. Прости, но кровь Морзано наделила этой недюжей мощью только одного из нас, а раз тебе всё ещё необходима моя помощь и участие, тебе придётся считаться с моими слабыми, недостаточно великими способностями, - закончила девушка, отчего Тедорер негромко рассмеялся, и тут же тепло усмехнулся.

- В таком случае, может тебе стоит попытаться подтянуть свои способности до моего величественного уровня, - за что тут же получил лёгкий подзатыльник от возмущённой сестры.

Они дурачились, просто дурачились, вполне соответствуя своему возрасту и образу жизни, но даже не это поразило Видящего, а их глаза. С них словно упала тяжёлая пелена, и впервые за долгое время они были по-детски искренними и открытыми. Все эти годы оба Морзано соблюдали друг с другом невидимую дистанцию, ограждая самого близкого человека от своей собственной боли. Но теперь им удалось разрушить этот барьер, и даже если они так и не смогут открыть свой внутренний мир кому-то ещё, они по-прежнему будут друг у друга, и этого хватит им, чтобы двигаться дальше.

Громко, явно привлекая к себе внимание, Ардеон ступил на поляну, внимательно раз-глядывая своих недавних учеников. Весёлость и беспечность тут же исчезли из их глаз, сме-нившись сосредоточенностью, но мягкость взгляда осталась, поэтому Видящий, тепло улыб-нувшись своим племянникам, похвалил их за приложенные усилия и достижения.

Следующий этап был одним из самых сложных. Сам по себе он не открывал ничего нового, лишь обнажал все результаты, достигнутые ранее. Если на каком-то из предыдущих шагов результат был достигнут не полностью, то теперь это могло угрожать как им самим, так и всему, что находилось вокруг них.

Всё это время, после того, как они нашли пути друг к другу, оба Морзано упорно тре-нировались, стремясь выработать ту идеальную технику, которая подошла бы им обоим и не требовала бы излишнего напряжения ни с чьей стороны. Но Ардеон знал, что это было не всё. Единение было нужно не только с целью создания общего стиля, но и для полного созвучия двух исполнителей. Каждый вдох, каждое движение их должны быть единым, и для этого необ-ходимо было на время лишить их главной подсказки и главного источника знаний о действиях друг друга.

Слепое исполнение - вот что им предстояло усвоить сегодня, а также впервые прочувствовать на себе, что значит исполнять танец клинков душ. Ардеон раздал им обоим повязки, которые принёс с собой.

- Я знаю, что вы привыкли угадывать действия по взгляду друг друга, но теперь попробуйте проникнуть за него, ощутите друг друга единым порывом, единым существом, несущимся по просторам этого мира. Астраты поведут вас, следуйте за ними уверенно, не забывая, что вы идёте вместе и добраться должны также вместе. Этот танец не требует особой музыки, весь мир становится вашей музыкой: природа, стук ваших сердец, свист клинков, рассекающих воздух - всё это сольётся для вас в мелодию, прекрасную мелодию, соответствующую каждому из этапов вашего танца. Здесь вы исполнители, вы создаёте музыку, и вы же исполняете танец под неё. Доверьтесь себе, доверьтесь своим астратам, доверьтесь друг другу и не бойтесь делать первый шаг. До того момента, как повязки спадают с ваших глаз, я прошу вас не останавливать танец, но после, поберегите силы для праздника.

Ардеон отошёл, внимательно разглядывая своих племянников. Оба, уверенно переглянувшись, надели принесённые повязки, поднимая лежащие неподалёку астраты.

- Ну вот, началось, - подумал Видящий, - сейчас мы узнаем, Вьенесс, на что способны твои дети.

На мгновение стало необычайно тихо, словно сама природа прислушивалась, улавливая новый, незнакомый для себя ритм. Ветер, листва, пение птиц - всё словно остановилось, и лишь два сердца бились единым ритмом, задавая новую, невиданную ранее мелодию этому миру. Они стояли с двух краёв поляны, покачиваясь в ответ лишь им слышимой мелодии, к которой уже присоединился ветер, внося собственный свист в их едва заметные ритмы. И танец начался. Словно громкий аккорд грянул над поляной, и сила завертелась, ведомая волей танцующих. Они действовали синхронно, сначала медленно, будто знакомясь и проверяя свои силы в действии, после чего уже уверенно вскинули астраты в стороны, приветствуя друг друга. Пас Тедорера - небольшое соло, заменяющее поклон в этом танце, и ответный пас Эмриссии, вторящей движениям брата. О былом несоответствии больше не могло быть и речи. Оба прекрасно понимали, что они делали, от чего едва заметная улыбка не сходила с их лиц. Громкий аккорд, несколько шагов, и двое ринулись навстречу друг другу так, что даже Ардеон невольно отступил назад. Они двигались со средней скоростью, то сближаясь, то отдаляясь. Астраты танцевали вокруг них, и оба трепетали, предчувствуя новый виток силы, и тот не заставил себя ждать. Морзано замерли, балансируя на гранях перехода, после чего ритм изменился, переходя на новый уровень танца. В этот раз начало было положено Эмриссией. Она лихо ускорила темп, как бы усложняя задачу своему брату. Тедорер уверенно принял вызов, после чего фигуры двинулись навстречу друг другу, и Ардеон едва сдержал возглас удивления. Любой посторонний звук мог отвлечь их, нарушив образовавшееся единение. Он знал, что для исполнителей танец всегда кажется пусть и тяжёлым, но небывало воодушевляющим и прекрасным, но до этого момента он никогда не видел его со стороны. Это было страшно: клинки проскальзывали, буквально касаясь их лиц, оба двигались так близко друг от друга, что поражало, как они умудряются не столкнуться. Их нужно было остановить! Повязки, как назло, оказались на удивление надёжны и даже не думали спадать, а Видящий предпочёл, чтобы они берегли силы для праздника. Оба пойдут на третий уровень танца, в этом Ардеон не сомневался, и у него будет ровно мгновение, чтобы остановить их в переход между уровнями, иначе он просто не успеет вписаться в их скорость. Шанс у него был всего один. Когда-то давно Ардара сунула ему в карман два вращающихся лезвия, легко помещающихся на ладони. Такое оружие использовалось в Иль-де-Нарса разве что в разведывательных целях, неспособное нанести сильный вред противнику, но теперь Ардеон увидел ему новое применение.

Снижение оборотов... Они вот-вот должны были замереть, ожидая перехода на другой уровень, и за несколько мгновений до остановки Великий Видящий, собрав все свои созна-

тельные и неосознанные силы, резко выбросил вперёд оба лезвия. Громкий свист разорвал привычную мелодию поляны. Две фигуры замерли, потеряв связь со ставшим уже привычным ритмом, когда обе повязки соскользнули с их лиц, словно вырывая из глубокого сна. Оба ващающихся лезвия упали тут же, блестяще достигнувшие своей цели.

Оба Морзано недоумевающе переглянулись. Они действительно сделали это, действительно смогли воссоздать танец клинков душ. Сердца трепетали, а сознание всё ещё пребывало там, в той гармонии и единении, что окружало их в танце.

- Вы оба молодцы, - вмешался Ардеон, подходя к ним и всё больше и больше возвращая их в привычный уровень сознания, - думаю, на этом нашу подготовку к празднику можно считать завершённой. Вам следует набраться сил перед ритуалом, поэтому отдыхайте. Времени осталось не так много.

После этих слов Эмриссия снова погрузилась и покорно кивнула. Всё ещё настроенный на её эмоции, Тедорер только печально посмотрел на сестру. Он понял, что тревожило её: танец юности Великой Матери, который ей предстояло танцевать. Эмриссия не знала, как с этим справиться, но она больше не была одна, и это хоть немного, но придавало ей сил.

Покров ночи скрыл Иль-де-Нарса, заставив его жителей отправиться спать. Не спалось лишь ей. Наскоро пожелав спокойной ночи излишне обеспокоенному брату, Эмриссия, вопреки данным обещаниям, отправилась отнюдь не в свои покои. Праздник был уже завтра, и если танец клинков душ вызывал скорее предвкушение, чем опасение, то ещё одна честь, оказанная ей как исполнительнице танца юности Великой Матери, всё ещё не укладывалась у неё в голове. Покинув цитадель, девушка отправилась на берег озера, куда втайне от всех часто приходила подумать. Ей рассказывали, что однажды это озеро помогло ей появиться на свет, и Эмриссия всегда ощущала глубокую связь с ним так, словно оно действительно внимало всем её словам и откровениям.

Пройдя через знакомое поле клевера, она оказалась на берегу. Ночь сегодня была по-настоящему звёздная, и блеск небесных огоньков волшебным образом отражался на ровной глади озера. Это было чудо, настоящее чудо этого мира, и в окружении этих сияющих огоньков Эмриссия всегда ощущала себя спокойно и уверенно, какая бы буря ни бушевала у неё на душе.

И сейчас как раз был такой случай. Долгие разговоры с Тедорером действительно вернули покой в её душу, однако часть её всё ещё была в смятении. Это было никак не связано ни с её братом, ни с Амбэралой или Иль-де-Нарса, это было лишь в ней самой, и она не считала нужным посвящать кого-либо в эти вопросы. Эмриссия слишком хорошо понимала, какую маску она носила все эти годы после трагедии: холодная, жёсткая, саркастичная, нелюдимая - младшая Морзано действительно стала такой, окончательно растеряв все социальные навыки и умения. Подобная маска никогда не распространялась на её семью, но в глазах всех других Эмриссия предпочитала быть неприятной и нелюдимой, удерживая дистанцию такой большой, насколько это было вообще возможно.

- Пусть, - считала она, - пусть я буду для всех плохой, это не важно, это не самое главное в жизни. Надо лишь привыкнуть к этому и перестать обращать внимание на всё, что говорят со стороны. Я не должна расстраиваться по этому поводу, не должна впадать в уныние. Мнение общества никак не мешает моей основной миссии. С этим я справлюсь. Хотя бы на это у меня должно хватить сил. Я пробьюсь, пусть на одной воле, но со временем я окончательно разрушу этот мрак уныния, привыкнув быть такой, какая я есть. Я не обязана всем нравиться, да это и невозможно. К тому же, мне слишком жалко времени и усилий, чтобы стараться произвести на всех хорошее впечатление. У меня есть мои близкие и этого достаточно. Нельзя позволять себе впадать в отчаяние. Самая важная победа – это победа над собой, и я должна одержать её ради своих близких и ради себя самой. Пусть вокруг меня не так много людей, но в каждом из них я уверена больше, чем в себе. Пусть будет так, меня устраивает... Вполне устраивает.

- Ну всё, хватит этого! - тяжёлый громкий голос вмиг разбил её тишину и спокойствие, заставив подскочить на месте и поразиться тому, как она не заметила, что её покой давно уже был нарушен. Позади девушки возвышалась фигура, от одного приближения которой вся сила трепетала настолько, что было невероятно, как Эмриссия, настолько глубоко погружившаяся в свои мысли, умудрилась ничего не заметить. Это был Мастер, тот самый, что создал регалии и ритуальное оружие Великих домов, тот самый, что жил неподалёку от цитадели Иль-де-Нарса, и встречи с которым опасался каждый, живущий в этих местах.

- Хватить ныть, - небрежно бросил он, - следуй за мной.

И Эмриссия просто не могла ослушаться. От Мастера веяло силой и мощью, словно одно из оснований вечности предстало перед ней, и, покорно следуя за ним, девушка вспоминала, как впервые столкнулась с этим человеком лицом к лицу.

В тот год в Иль-де-Нарса уже наступала осень. Жёлто-багряный ливень медленно опускался к земле, переливаясь в последних лучах по-летнему яркого солнца, стараясь в своём золотистом убранстве сохранить на зиму всё тепло и свет живой природы. Но лето отступало, и уже в привычном мягком ветерке улавливались жёсткость и порывистость настоящего северного ветра – первого вестника сна природы.

Мир-оре-Арсе ждал Сонного дня – великого праздника уходящего лета, посвящённого мёртвому сну, в который впадает природа на шесть месяцев, праздник смерти и затухания. Несколько лет назад, когда дом Морзано ещё счастливо жил своей жизнью, они всей семьёй приехали в Иль-де-Нарса, чтобы принять участие в традиционных празднествах этого дня. Оставив Тедорера с родителями и родственниками, когда все ритуальные мероприятия были уже окончены, Эмриссия, по обыкновению, сбежала бродить по окрестностям в поисках чего-нибудь интересного. Её семья не так часто бывала в этих местах, и для маленькой девочки каждая поездка сюда была настоящим праздником. Здесь не было такой отчуждённости и холода, как на Амбэральских приёмах или мероприятиях. В этих местах всё дышало огнём, в пламени костра сверкали незнакомые тени, шум листвы напевал едва заметную мелодию времени, а молодой ветер пускался в пляс с празднующими, осыпая их листьями и мелкими цветами.

Каждая минута таких празднеств была полна смысла, и Эмриссия с благоговением ловила каждую искру незнакомой ей силы, после чего стремилась остаться одна, чтобы как можно лучше проникнуться духом этих земель.

В тот день она в очередной раз сбежала, чтобы побродить по пустому городу, что в Иль-де-Нарса сводилось к прогулке по пустынному лесу. Тишина, изредка нарушаемая необычным щебетанием птиц, звёздное небо за высокими кронами деревьев. Это был Сонный день. Очередной Сонный день, только в этот раз ей тоже хотелось уснуть вместе с природой.

Устав от затянувшегося вечера, Эмриссия решила было возвращаться, но неожиданная вспышка меж деревьев разрушила её полудремотное состояние, заставив подпрыгнуть и замереть в удивлении. Она не знала, что это, да и откуда в самый разгар Сонного дня может быть огонь где-нибудь, кроме главной площади. Переборов испуг, девочка решила проверить, не забрался ли в город кто-нибудь чужой, и двинулась на свет. На окраине Мир-оре-Арсе стоял дом, скорее не дом, а такое же странно-плетёное строение, как и все дома в Иль-де-Нарса, однако из его окон то и дело вырывались клубы пламени, словно сам огонь поселился здесь и устроил пляски в честь великого праздника.

Решив, что раз строение относится к Иль-де-Нарса, то, скорее всего ей ничего не угрожает, Эмриссия подошла к дому и осторожно приоткрыла дверь. Помещение действительно было залито огнём. Он был везде: и в углах деревянного строения, и на инструментах, висящих на стенах похожего на кузницу помещения, и на одежде человека, сидящего к ней спиной. Услышав звук открываемой двери, незнакомец обернулся, и языки пламени соскользнули с него на пол. Это был старик, хотя стариком он казался лишь на первый взгляд. Хозяин дома

был невероятно высок, широк в плечах, слишком крепок и силен для того, чтобы называться стариком.

- Кто ты такой? - бесцеремонно спросила Эмриссия, уперев руки в бока и нахмурившись, ожидая ответа. Однако стоило незнакомцу обернуться к ней, всё внутри неё похолодело, и девочка уже успела пожалеть о проявленной ранее дерзости. Во взгляде его плескалась сила и мощь, а ещё время, долгие годы пути, которые Морзано ещё не доводилось видеть в чьих-то глазах.

Человек медленно смерил девочку пренебрежительным взглядом, словно это был всего лишь кузнецик, не дающий ему спать. Любого другого такой взгляд бы миглом заставить убраться куда подальше, и Эмриссия готова была тут же броситься наутёк, но ноги словно приросли к полу, и она боялась даже пошевелиться, чтобы не привлекать к себе излишнее внимание.

Хозяин дома ещё раз окинул взглядом малявку, посмеившую нарушить его уединение, и, наконец, спросил:

- А кто ты такая, чтобы я называл тебе своё имя?

Девочка на мгновение чуть не лопнула от возмущения, но тем не менее снова испуганно посмотрела на огромного человека и опасливо проговорила:

- Я Эмриссия Вьенесс Морзано, младшая принцесса Морзано и Спящая Корона Иль-де-Нарса.

В ответ на её слова незнакомец лишь немного наклонил голову и усмехнулся.

- Видал я и Королей, и принцесс, и Спящих Корон, и никогда не считал нужным отчитываться перед ними, - фыркнул он.

- Но я не прошу отчёта,- дрожащим голосом проговорила Эмриссия, медленно двигаясь обратно в сторону выхода, остановившись практически на самом пороге, готовая в любой момент броситься наутёк. - Я лишь хочу знать, кто ты, и почему в твоём доме в Сонный день горят огни, ведь все они сейчас только на главной площади?

Хозяин дома ещё раз осмотрел девочку и слегка улыбнулся, отвечая:

- Огни Сонного дня любят меня, потому что я не единожды переходил с ними через границу мира теней. Поэтому они сами приходят ко мне попрощаться, прежде чем уснуть до самого Живого дня, - когда незнакомец говорил, его глаза оживали, и, словно услышав его речь, огни проснулись, медленно заскользив по комнате. Казалось, что простейшими словами он пробуждает силы ещё неведомые маленькой Морзано, но настолько простые и естественные как и сама вечность.

- А я могу сделать также? - воодушевлённо спросила Эмриссия, напрочь растерявшая чувство страха, наблюдая за прекрасной картиной танцующих огней. Голос этого человека успокаивал, а танцующие языки пламени вызывали лишь искреннее восхищение.

- Когда-нибудь и в тебе проснутся огни, - улыбнулся незнакомец, - но это случится, если ты не потеряешь своё собственное пламя и сумеешь разжечь его до небес.

- А когда это будет? - перебила Эмриссия.

- На всё своё время, - ответил он и отвернулся, показывая, что разговор окончен. - Моё имя я не назову, но здесь меня называют Мастер. А теперь живо к родителям! - рявкнул он, и Эмриссия, словно по команде, бросилась бегом от домика прямо до главной площади, где проходил праздник.

С тех пор юной Морзано не доводилось видеть Мастера вплоть до сегодняшней ночи. Позднее она вспомнит, как много жизней назад Мастер говорил ей, что незачем бесцельно соединять пути людей. Жизни пересекаются только когда это нужно, бессмысленны беспричинные встречи, не несущие ничего для этого мира.

Так в молчании они дошли до домика, и, войдя внутрь, Эмриссия вновь увидела знакомое убранство, только без пламенных языков Сонного дня. Казалось, что время было не властно над этим местом.

Мастер кивком указал ей присесть и заговорил:

- Я думаю, что тебе уже известна моя истинная личность? - Эмриссия медленно кивнула. За столько лет она нашла информацию, что именно этот человек создал мечи Великих домов, включая тот, что однажды получит её брат, а также многие артефакты, уже ставшие легендой. Юная Морзано боялась даже предположить, сколько лет человеку, стоящему перед ней, но его прошлое давало ей понять, что сюда её позвали не для пустого разговора.

- Несмотря на все сказки, один я не могу сотворить живое оружие, - продолжил Мастер. - Каждое индивидуальное или родовое творение имеет душу, а души я создавать не могу. Однако, наш мир полон существ, незримых для вашего глаза. Их жизнь, мышление, образы не могут быть поняты вашим сознанием, они просто другие, хоть и существуют рядом с вами каждое мгновение. И вот однажды эти существа могут выбрать себе душу человека или семьи, которую они хотят защищать. Помни, выбирают они, и я не в силах создать реликвию для кого-то, на чей зов не отзовется ни одно из этих существ. Всё что я говорю тебе, я рассказывал каждому, в чьи руки передавал своё творение. Восемь веков назад я отошёл от ремесла и надеялся, что больше моими руками не будет создано ни одно орудие кровопролития, но они слишком сильно просили меня, просили позволить дать им форму, чтобы быть твоей защитой на пути жизни. Я долго отказывал им, пока они не открыли мне тайну времени, что их участие необходимо, несмотря на все мои клятвы и обещания, и я сдался. За тебя, Эмриссия Морзано, попросили двое детей вечности, и я не в силах отвергнуть их просьбу.

Девушка, не шевелясь, смотрела на Мастера, не в силах поверить в услышанное. Индивидуальное оружие... У неё будет индивидуальное оружие! Но зачем? Чем заслужила она такое творение? В мыслях сразу же всплыл один из законов вечности: если ты получил много сил, то и жизнь твоя будет идти на пределе этих сил. Что же такое страшное её ожидает, что даже Мастер отказался от своей клятвы?

- Мы будем ковать два двухсторонних клинка, соединённых символической рукоятью, - он остановился и пояснил ей. - Эта форма была их выбором. Они утверждают, что она наиболее соответствует твоему взаимодействию с Великой силой.

Эмриссия чуть заметно кивнула. Да, описание сильно напоминало астраты, однако это творение бесспорно будет отличаться от того, с чем девушка сталкивалась ранее.

- Внутри, - продолжал Мастер, - будет 10 камней, каждый из которых отражает точку перегиба, и вокруг каждого из них может проходить вращение, в отличие от астрат, где центр вращения только один. Камни будут располагаться по нарастающей, так что ты легко сможешь распознавать их и направлять движения клинка. И самое главное, - он остановился и внимательно посмотрел ей в глаза, - никто, кроме тебя, не сможет воспользоваться их силой в полном объеме. Твои потомки могут открыть лишь часть возможностей, но до твоего перерождения их истинная мощь будет спать. Мы оба будем единственными, кого они никогда не тронут, даже находясь в страшных руках. Получая подобную реликвию, ты даёшь клятву заботиться о ней, и с уважением и величием относится к тем, кто решился пройти этот путь с тобой. С этого момента они оба станут частью твоей жизни, твоими хранителями и союзниками.

Эмриссия молча слушала, внимая каждому слову Мастера. Ей до сих пор не верилось, что всё это реальность, и для неё сейчас будут творить настоящую регалию.

- Вроде бы это всё, что тебе следует знать, - проговорил хозяин дома. - Пойдём готовиться к ковке.

- Ковке? – неверяще переспросила Морзано.

- Естественно, - усмехнулся Мастер, - или ты думала, что индивидуальное оружие создаётся без участия того, для кого оно предназначено?

Глубоко вздохнув, девушка вошла в кузницу, хоть и кузницей в привычном понимании это помещение назвать было нельзя. Довольно большую комнату разделяли на две части три жёлоба. Из двух крайних извергался огонь, а в центральном была налита вода, настолько тёмная, что разглядеть дно не представлялось возможным. Пол был исписан символами вечности, переплетающимися со знаками стихий. С одной стороны стояли две огромные чаши, доверху заполненные неизвестной девушке рудой. С другой стороны желобов на небольшой подставке лежало десять камней, разделённых на две группы, по пять штук в каждой. Правая пятёрка восходила, стоило ладони пройти по ним, а левая пятёрка затухала, создавая тягучее пространство над собой.

- Встань туда, - Мастер указал ей на центр узора, находившийся за желобами прямо перед подставкой с камнями. Ничего не понимая, Эмриссия послушно встала на место. Великий Создатель встал напротив неё так, что между ними находились три жёлоба, а по обе руки от него стояли чаши с металлом.

- Ковать будем вместе, - пояснил он. - Моя задача - создать основу, твоя же - закрепить содержание. Камни, что ты видишь перед собой, и будут узлами перегиба. Ты должна запомнить их, научиться чувствовать каждый, даже не касаясь. Тебе они откроются все, другие же смогут воспользоваться ими частично, если будут связаны с тобой кровным или духовным родством.

Мастер опустил руки и начал читать что-то на древнем наречии. Ни значение, ни смысл его слов не был ясен, но от него словно волной полыхнула сила, и помещение наполнилось пламенем. Это было не алое, всем знакомое с Сонного дня, пламя. Оно было белое, разбуженное до максимальной мощи. Его искры охватывали помещение, но в душе не было страха, словно становишься свидетелем древней мистерии, но не просто наблюдателем, а её частью.

Остановив речь, Мастер поднял взгляд на девушку, медленно начиная поднимать руки. По какой-то необъяснимой причине Эмриссия поняла, что ей следует повторить этот жест. В то же мгновение сила окутала её руки. Малейшее движение требовало колоссальных усилий. Так, преодолевая потоки пламени, Морзано удалось поднять руки параллельно полу, когда каждый её палец обожгло огнём. На мгновение в глазах побелело, но когда зрению вернулась чёткость, девушка увидела, что напротив каждой ладони в воздухе зависли пять камней. Пять открытых камней, поправила она себя. Сила их текла в её пальцы, скользя по венам, отзываясь на каждую мысль. Да, она сможет их различить, потому что каждый из них уникален и совершенно не похож на другой. От одной пламенной мысли камни вспыхнули и ожили, словно говоря с бушующей стихией на своём, лишь им понятном языке. Оторвавшись от созерцания камней, Эмриссия подняла взгляд на Мастера. Вид у него был безумный. Объятый белым пламенем, он снова что-то шептал и направлял руками энергии этого мира. Она чувствовала, что каждое его движение воплощает в жизнь безумные потоки мощи. Он Мастер, и сейчас он в своей законной роли! Юная Морзано попыталась вслушаться в его шёпот, и бессвязные слова вдруг обрели смысл. Из глубин памяти проснулся знакомый, забытый язык, язык, на котором разговаривали лишь Великие Стражи. Язык Великого Сульфира, язык времени и вечности. Не может быть! На секунду сознание затопило воспоминаниями, словно в одно мгновение целая жизнь пронеслась у неё в голове, не оставив ничего, кроме безумного ощущения ясности и понимания, не подкреплённого ничем, кроме оттенка собственных чувств.

- Анорте, анорте, Великий Сульфир - прошептала она, не понимая смысла, но точно зная, что эти слова были последними.

В это время Мастер резко поднял руки к потолку, и следом за ним из обеих чаш выплеснулись потоки жидкого металла. Эмриссии был неизвестен его состав, но что-то внутри подсказывало, что, как и Великий Сульфир, он содержит в себе частичку материи вечности. Подняв металл, Мастер, словно волну, направил его к камням напротив ладоней юной Морзано, и в ту же секунду оба пламенных жёлоба вспыхнули, окончательно лишив трепещущую девушку

возможности рассмотреть происходящее. Каким-то внутренним чувством Эмриссия видела, как металл обтекает камни, постепенно принимая форму. Как бело-синее пламя желобов снова и снова высекало искры в тех местах, где должно было появиться лезвие. Это не было просто ковкой, это была работа с самим временем, с самой твердыней вечности. Здесь ничего не имело значения, кроме истинного творения и созидания.

- Я не удержу эту форму один! - послышался крик сквозь пламя. - Творить должна ты!

- Мастер, - вспомнилось на мгновение. И в ту же секунду всё встало на свои места.

Мысленное усилие, и из ладоней вылетает пламя. Яркое синее пламя, сплетаясь с белыми потоками, окружило клинки, и Эмриссия физически почувствовала, как разглаживаются все неровности, как каждый из камней сплетается с сущностью металла. Вспышка, и сила Мастера вплелась в этот поток. Свет ослепил, опалив невыносимым жаром руки и лицо. Их уже не было двое. Чьё-то присутствие вмиг наполнило комнату. Это что-то двинулось прямо к центру пламени, и через мгновение всё погасло, а клинки рухнули в жёлоб с водой.

Спустя некоторое время Эмриссии наконец-то удалось осмотреться. Сфокусировав взгляд, девушка разглядела Мастера, задумчиво стоящего над жёлобом с водой, словно безумная вспышка огня и света совсем не повлияла на него.

- Доставай, - велел он, отойдя к двери.

Медленно, словно боясь обжечься, юная Морзано придвинулась к жёлобу и опустила руки в воду. Через мгновение ладони нащупали гладкую поверхность металла. Медленно из воды показалось творение, достойное только мечей Великих домов. Два тонких клинка, длинной не больше полуметра, впервые засияли своим истинным светом. С одной стороны оружия находилось лезвие, заканчивающееся в середине небольшой рукоятью. Клинок с противоположной стороны был выполнен в виде ромба и на его конце можно было увидеть скол всех камней, заключённых в регалию. Одна из регалий была чуть темнее, словно поглощала в себя свет, а другая, наоборот, при малейшем попадании света начинала переливаться всеми цветами радуги.

Неуверенно Эмриссия сжала рукояти обоих клинков, мгновенно ощутив потоки силы, скользящие вдоль лезвий. Однако было что-то ещё, пока чужое, незнакомое, но искреннее и открытое, готовое принять её. "Альцерн" - прозвучало у неё в мыслях, когда светлый клинок проснулся в правой руке. "Гейран" – тут же отозвался тёмный.

- Альцгейры, - чуть слышно прошептал Мастер, - жезлы равновесия, граница между вечностью и пустотой, Вирае.

Последнего слова Эмриссия уже не поняла, но от него полыхнуло таким холодом, что всё тело невольно вздрогнуло от ощущения опасности.

- Я вижу, Альцерн и Гейран уже представились, - уточнил Мастер, и Эмриссия молча кивнула. - Они пара противоположностей, создающие единый фон. Какую бы форму они ни приняли, они всегда будут оставаться двумя сторонами одной медали. Ты не сможешь понять их речь, поскольку их слог не доступен для твоего сознания, но со временем ты научишься ощущать их эмоции как часть своих собственных. Они способны увидеть намного больше, чем ты, а также имеют и свои чувства, свою боль и свою радость. Если их когда-нибудь попытаются применить против одного из своих создателей, их крик остановит любого воина.

Эмриссия молчала, жадно вслушиваясь в каждое слово. До сих пор её не покидало ощущение нереальности всего происходящего, в то же время тепло жезлов в руках говорило об обратном.

Мастер обернулся и отошёл к дальнему краю комнаты. Открыв какой-то старинный шкаф, он вытащил творение, ничуть не уступающее Альцгейрам, а скорее и превосходящее их.

- Это Бель-тен-Эр, - Мастер указал на массивный, но достаточно простой меч, - пробуждение истины. Когда-то он решил остаться со мной, с тех пор ни одно творение не избегает

знакомства с ним, Королём горных вершин. Даже мечи Великих домов в своё время испытали на себе мощь его силы.

Эмриссия зачаровано смотрела на творение Мастера. Ей не нужно было сосредоточение, чтобы ощутить нерушимую силу, исходившую от этого меча. Он словно ставил печать данности, не давая даже попытаться оспорить что-либо. Залюбовавшись Бель-тен-Эром, она не заметила, как тот выскользнул из ножен.

- Защищайся! - крикнул Мастер и ударил своим мечом. В последний момент юной Морзано удалось подставить Альцерн. Раздавшийся удар металла о металл эхом отразился в её голове.

- Не глупи, старые знания здесь не помогут, используй Альцгейры, - строго продолжал Мастер, не переставая атаковать.

Мудро решив, что в этот раз лучше увернуться, девушка отскочила назад и бросила взгляд на собственные регалии. Но как ими пользоваться? Рукоять клинков явно была сделана не для применения в битве, остальную же часть занимали лезвие и ромб. Обычные астраты были уравновешены и совершенно идентичны с обеих сторон, это же оружие обладало каким-то своим равновесием, и привычная Эмриссии техника обращения с астрами была неприменима.

Словно прочитав её вопрос, Мастер крикнул:

- Ты сама создала эту форму, и только ты знаешь, как ей управлять!

Ещё один удар пролетел прямо перед её носом. Если так пойдет и дальше, то живой младшей Морзано отсюда точно не выбраться.

Следующий удар Мастера пришёлся на стену в нескольких сантиметрах от неё, и на мгновение ладонь девушки разжалась, и Гейран выскользнул из рук. Ужас пронзил Эмриссию. Потеряв Гейран, у неё не оставалось шансов на выживание. Однако привычное тепло не исчезло из ладони. Опустив взгляд, Морзано поняла, что жезл завис в воздухе, удерживаемый её собственной волей за один из камней. Янтарь... Значит... Мимолётная мысль, и Альцерн также завис недалеко от правой ладони. Едва заметное движение пальцами, и Альцгейры начали вращаться вокруг центрального камня.

- Ясно, - мысленно улыбнулась Эмриссия, и следующий удар старинного клинка был встречен веером из Альцерн, сдвинувшего удар меча в сторону и освободившего место для атаки Гейран. Мастер отразил атаку, но на лице его сверкнула улыбка. Следующий удар Бель-тен-Эра намного превосходил предыдущий, и девушке пришлось приложить все усилия и оба жезла, чтобы отвести его в сторону. Её собственные атаки больше были похожи на оборону. Длины лезвия, отходящего от центрального узла, было явно недостаточно. На какой-то момент Эмриссия протянула Альцерн вперёд, но клинок, описав круг, не достиг цели. Мысленная досада, усилие, и следующий круг получился значительно больше: сила ладони сконцентрировалась на следующем камне, уходящем ближе к ромбу, так что лезвие описывало уже значительно больший радиус движения. Переходы между узлами были настолько легки, что хватало одной мысли, чтобы Альцгейр послушно переместился под ладонью. Поняв основной принцип, она продолжила битву, постепенно открывая каждый из камней. Вот обе тройки внутренних камней открылись Морзано, и стиль её битвы значительно изменился. Она не касалась оружия, но совершала абсолютно непонятные пассы руками, заставляющие Альцгейры танцевать на всех шести открытых узлах. Ещё четыре узла оставались скрытыми, когда Эмриссия неожиданно изменила своей стратегии и вместо привычных вееров выбросила оба клинка вперёд лезвием. Повинуясь инерции, ладони проскочили четвёртый узел и остановились на пятом камне. Освободившаяся сила тут же хлынула в руки девушки. Одна граница потока была открыта. Этот удар уже заставил Мастера отступить на мгновение, но Бель-тен-Эр снова ринулся в атаку. Отскок, веерная прокрутка под рукой, у Эмриссии больше не осталось сомнений. Это последний удар, рука скользит по узлам, касаясь каждого по нарастанию силы, от ромба к лезвию,

пятый, четвертый, третий, второй, и ...первый! Резкая вспышка осветила Альцгейры. Поток наконец-то был свободен, словно через оба клинка постоянно неслись огромные массы воды от ромба к клинку. Истинная сила. Истинные регалии. Быстрый отход Бель-тен-Эра, и лезвия уже несутся к своему создателю, как раздаётся пронзительный крик. Эмриссия и Мастер замирают, прислушиваясь к себе. Едва ли этот звук можно было назвать криком, скорее свист ветра, громкость которого увеличена в несколько раз, и в момент этого звука юная Морзано ощутила в себе безумное отчаяние и мольбу. Причём эти чувства были частью её самой, но тем не менее она отделяла их от себя слишком хорошо. Альцгейры, поняла Эмриссия, так плачут Альцгейры.

Мастер улыбался. Такой битвы у него не было уже много лет. Этой девочке даже удалось услышать плач своих регалий. Он знал, со временем она научится ощущать и другие эмоции клинков. Да, эти души не зря умоляли его вернуть их в этот мир, они действительно созданы друг для друга. Одно из лучших его творений. Альцгейры были уникальны, но больше всего его поразила тот стиль, который выбрала Эмриссия для битвы с ним. Если бы Мастер не видел оружия, а видел только движения, он без сомнения сказал бы, что это сражается страж, а в руках у него Великий Сульфир. Несмотря на кардинальное внешнее различие этих его творений, они были очень схожи, и Создателя регалий смущало то, что обычный воин подсознательно использует стиль хранителей времени. Астраты, используемые в Иль-де-Нарса, представляли собой лишь остатки древнего Великого искусства, а здесь он увидел реальность.

- Да, - мысленно усмехнулся Мастер, - не зря Вираве.

Тем временем, Эмриссия опустила клинки и молча смотрела на Мастера. Он выглядел счастливым, счастливым и свободным, таким, каким его уже многие годы не видел никто в Иль-де-Нарса.

- Ты справилась, теперь они твои, - улыбнулся он. - Прислушивайся к ним, ибо их взор намного точнее твоего. С ними ты можешь пройти по краю и удержаться, только верьте друг в друга и не сомневайтесь в себе, - он снова внимательно её осмотрел и в сознании его появилось понимание. - Эрторион Милортен Сертембент, - мысленно улыбнулся Мастер, - да, не ожидал я встретить тебя в таком обликии.

Теперь было понятно, почему ему знаком этот стиль, он принадлежал Великому Стражу позапрошлой эпохи. Тогда ещё жизнь Мастера не была полна скитаний и отчаяния. Их нельзя было назвать друзьями, но этот человек навсегда запомнился Создателю регалий искренней добротой и невозможным упрямством. Жизнь того стража была коротка, и в ту эпоху Мастер не раз встречал его перерождения, великих воинов и подвижников. Теперь же, спустя две эпохи, он снова видит его перед собой в новом обликии и отдаёт ему последнее создание своих рук. Теперь и Великий Странник может отдохнуть.

- Это моё последнее творение в этой жизни, - продолжил Мастер, - я знаю, ты достойна их, поэтому берегите друг друга до нашей следующей встречи.

- Как последнее?! - переспросила Эмриссия, и ещё по-детски наивные глаза наполнились паникой.

- Это тело изжило себя, - спокойно ответил Мастер, - моё последнее перерождение произошло тридцать эпох назад. Альцгейры были последней причиной, почему я оставался здесь. Теперь же я могу уйти.

- Вы умрёте? - по-детски всхлипнула девочка.

- Да, умру, - с лёгкостью ответил Мастер, - но смерть для меня - лишь обновление. Совсем скоро я снова вернусь в новом обликии, и мы обязательно встретимся, Эрторион Сертембент.

Эмриссия сначала не поняла, к чему были сказаны последние слова, но что-то в душе её потеплело. Она не могла сознательно объяснить свои чувства и действия, но просто знала, что так есть, и так правильно. Это не требовало анализа, это была сама жизнь.

- Встретимся, Годольнитеро Альтивитон, - улыбнулась она. Мастер кивнул ей, и в тот же миг жизнь стал покидать его. Он медленно осел на пол, и глаза его закрылись, а на лице застыла улыбка. Эмриссии не нужно было проверять, чтобы точно понять, что Создатель регалий умер. Ещё раз поклонившись телу Мастера, она отправилась обратно в цитадель, чтобы сообщить всем печальное или же радостное известие.

Проводы Мастера были недолгими, он сам не желал этого. Тело и дом его были переданы огню, в то время как клинок его скрылся бесследно, спрятавшись, ожидая, когда его хранитель снова вернётся в этот мир. Закончив с церемониями, Мир-оре-Арсе начал приготовление к празднику. Живой день всегда вселял в каждого жителя ощущение радости и обновления. Весь мир просыпался от глубокого сна, освещая солнечной улыбкой каждого жителя этих мест.

Правящий дом тоже не обошла радостная суета, и последние несколько дней все только и делали, что бегали по цитадели, занятые приготовлениями, не обращая внимания на обоих Морзано, как никогда отделившихся от всеобщей суеты. Конечно, Эридан или Вириам то и дело вовлекали их во всеобщее оживление, прося выполнить то или иное поручение, и они добросовестно выполняли всё, о чём бы их ни попросили, но сами были словно не здесь. Особенно это относилось к Эмриссии. Чем ближе становился Живой день, тем более замкнутой и задумчивой она становилось. Что касается Тедорера, едва ли его настрой можно было назвать мрачным и нелюдимым. Он спокойно наблюдал за всеми, и лишь чувства его сестры, восприимчивость к которым обострилась в нём со времён подготовки к ритуальному танцу клинков душ, вносили беспокойство в его мысли.

Вечером им принесли одежду. Как исполнители двух наиболее сложных ритуальных танцев, они просто не могли прийти на праздник в своих обычных нарядах. Танец юности Великой Матери и танец клинков душ имели слишком большое значение, чтобы исполнять их в несоответствующем одеянии. Впервые портные Иль-де-Нарса настолько расстарались. Зная то, кто будет исполнять танцы, и всеми силами желая хоть немного порадовать юных наследников Амбэралы, они осмелились внести коррективы в стандартные одеяния земель Голубых лесов. Привыкшие к сине-зелёно-фиолетовым оттенкам и свободному крою в одежде, оба Морзано были весьма удивлены, увидев матово-чёрные зеркальные костюмы, слегка украшенные узором из голубых и серебряных нитей. Это было необычно и невероятно! Наверняка Лимиам будет неприятно удивлена такому решению, но это было неважно. Впервые увидев свои будущие одеяния, приготовленные для них, Эмриссия невольно вскрикнула, зачарованно проведя рукой по мягкой, идеально чёрной ткани. Чёрное с серебром - цвета Морзано, сине-голубые вставки - цвета Вьенесс Иль-де-Нарса. Это были их цвета, цвета их семьи. Как же давно им не доводилось видеть что-то подобное! Как же давно они не надевали на себя регалии собственного дома! Тедорер тоже замер, не веря своим глазам. Не сговариваясь, они стремительно схватили свои костюмы и разбежались по комнатам, спеша примерить на себя столь неожиданный, но безумно приятный подарок.

Морзано, теперь она снова чувствовала себя Морзано. Эмриссия не могла перестать крутиться, наблюдая, как серебряный узор мерцает на идеально тёмном фоне её юбки. Да, крой был не совсем привычный, и в землях Амбэралы предпочитали куда более мудрёные и усложнённые модели, но всё равно девушка словно вздохнула полной грудью, вернувшись к той, кем она была с самого начала.

У входа в её покои послышались шаги, и через мгновение перед ней предстал Тедорер, облачённый в чёрное одеяние, искусно украшенное символами вечности. На мгновение юная Морзано просто потеряла дар речи. Её брат словно стал старше, выше. Чёрный цвет вернул ему ту силу и величие, которую краски Иль-де-Нарса часто растворяли в себе. Она уже слишком давно не видела его таким. Теперь в нём явно угадывалась сила и мощь их отца, его непередаваемое величие и способность одним взглядом доказать своё право на Корону. Сейчас в

этом наряде Тедорер действительно очень напоминал его, хотя всё ещё внешне больше был похож на Вьенесс.

Эмриссия тоже преобразилась. Перед глазами юного Морзано впервые за долгие годы предстала его сестра, та самая девочка, которая почти всегда обыгрывала его в игры, и от одного взгляда которой съёживались многие их ровесники в Амбэрале. Но она действительно изменилась, в движениях появилась небывалая ранее мягкость и задумчивость. Эмриссия стала очень сильно похожа на их мать, всё ещё сохраняя в себе черты отца. Королева, настоящая королева и наместник северного воинского дома, вне сомнений! И каждый, кто завтра увидит их танец, навсегда убедится в этом.

Правда было ещё кое-что, и это что-то снова и снова приковывало взгляд юной Морзано. Ей, как участнице двух совершенно противоположных ритуалов, было приготовлено два одеяния и возможность не участвовать в большинстве мероприятий, чтобы по завершении одного танца подготовиться к следующему. И это второе одеяние обрадовало её не так сильно как первое. Белое платье из лёгкой струящейся ткани, одно прикосновение к которой вызывало восторг. На нём не было узоров, или, возможно, они были вышиты прозрачными нитями, чтобы проявить себя только в момент самого ритуала. Сейчас же это было однотонное белое платье, достаточно приталенное, расходящееся свободной широкой юбкой. Оно действительно было очень красиво, искусно сочетая в себе простоту и элегантность. Всё в нём было сделано по Эмриссии с учетом её индивидуальной фигуры, стиля танца и предпочтений в одежде. Да, это был идеальный наряд для младшей Морзано, исполняющей танец юности Великой Матери, но почему же на её лице лишь разочарование и грусть...

- Тебе не нравится твоё платье? - осторожно спросил Тедорер, взяв в руки наряд сестры, стараясь разглядеть его получше. Не то чтобы он был знатоком вкусов младшей Морзано, но сейчас он не видел ни одного изъяна в принесённых им подарках.

- Нет, нравится, - равнодушно выдохнула Эмриссия, - оно действительно красиво и удобно, но мне всё ещё перетит сама мысль о том, что я буду танцевать этот танец.

Старший Морзано внимательно посмотрел на сестру. Он знал, что девушка уже приняла решение, и танец состоится, но её внутреннее неприятие немного беспокоило его. У Эмриссии была потрясающая интуиция, и Тедорер искренне надеялся, что это не она сейчас отговаривает свою владелицу от необдуманного шага.

- Чего ты боишься? - спросил он, всё ещё надеясь найти ответ. - Боишься, что не справишься?

- Отчасти да, - кивнула она, посмотрев ему в глаза, - всё это слишком не моё, слишком не похожее на меня. Тетя Вириам ждёт, что я внесу в танец что-то от себя, но вдруг это «от себя» придётся не ко двору в землях Голубых лесов.

- Ты такая же дочь этих земель, как и Лимиам, Селилиан, Рамуа и Ардара. Ты родилась в этих землях и впитала их суть с самого рождения. Даже если бы ты очень захотела, то не смогла бы вытравить из себя всю Иль-де-Нарса, - улыбнулся Тедорер. - Да, мы Морзано, мы очень давно не были дома, и поэтому всем сердцем скучаем по тому миру, что мы оставили. Но ты прекрасно знаешь, что даже в те времена, когда мы ещё были детьми, мы всегда отличались от всех Амбэральских ровесников. Мы наполовину принадлежим землям Голубых лесов, и это скорее благословение, чем проклятие. Нам доступно всё то, что жители одного из этих миров попросту лишены. В Амбэрале никогда не проводят таких значимых ритуалов даже по большим праздникам, а в Иль-де-Нарса нет такого разнообразия сил и регалий, как в Амбэрале. То, что ты внесёшь, возможно, будет и неожиданно, но оно точно будет неплохо и освежит здешнее однообразие.

Эмриссия медленно кивнула, снова обращая взгляд к платью, лежащему в руках Тедорера. Её брат прав, она Иль-де-Нарса, крестница озера Мриссур, и если чёрное одеяние символизировало её Амбэральскую родину, то это отражало всё, что связывало её с землями Голу-

бых лесов. Раньше, живя в землях Морзано, ей так не хватало здешней свободы и открытости, но сейчас она скучает по каменным цитаделям, хвойным лесам и просторным полям своих земель. Подобная тоска со временем стала вызывать ревность, и, словно назло, Эмриссия всеми силами старалась напомнить себе и окружающим, что она Морзано, Морзано, а не Иль-де-Нарса. Она убегала от себя, всеми силами стараясь вытравить в себе что-то, чего до конца не понимала. В этом платье зашифровано нечто большее, в нём та часть её души, которую девушка искренне не принимала и даже опасалась: душа этих земель, душа её матери, от идеального образа которой Эмриссия была так безумно далека. Младшая Морзано очень хорошо помнила свою маму, её изящество, красоту, тепло и любовь. Её умение осветить собой этот мир, принести гармонию и уют, в спокойствии, терпении и доброжелательности направить на нужный путь. Эмриссия не такая и, наверное, никогда не будет такой, но нужно идти дальше, нужно попытаться стать такой, какая она есть, развив в себе все лучшие из имеющихся черт. И она постарается, обязательно постарается.

Смелость, мужество и решимость - обязательные качества воина. Эмриссия это усвоила с самого детства. Но порой мужество нужно не только во время сражения, а тогда, когда страхи и сомнения одолевают тебя. Им нет места на пути того, кто идёт вперёд, и если по какой-то причине необходимо, чтобы юная Морзано искренне, со всей отдачей исполнила этот танец, она это сделает, обязательно, ей есть что вложить в него.

Листва голубых лесов ласково шелестела под нежными, тёплыми порывами ветра. Деревья пели, как пела вся природа, снова и снова возвещая о наступлении Живого дня. Праздник уже был в самом разгаре. Очередной танец подходил к концу, и его участники завершали последние движения под внимательным взглядом фигуры, облачённой в необычное чёрное одеяние, стоявшей чуть в отдалении и не участвующей во всеобщем веселии.

Ей нужно было собраться с мыслями. Она знала, что там, на другом конце поляны Тедорер также пытается перевести дух, ведь у них осталось совсем немного времени до того, как придёт их черёд отдать дань этому празднику. Танец клинков душ. Сколько лет этим землям не доводилось видеть подобного действия, а об Амбэральских королевствах и говорить не о чем. И теперь эта честь в их руках, в руках двух наследников дома Морзано, имеющих прямую связь с тайнами земель Иль-де-Нарса. Пришёл их черёд, их время заявить о себе, их шанс принести что-то новое в этот мир. На удивление оба не чувствовали ни беспокойства, ни волнения. Техника танца была интуитивной, в нём невозможно было забыть движение или сделать неверный поворот. Всё происходило по наитию, и лишь единение и раскрытое сердце могли способствовать успеху, память и долгие тренировки были бессильны. Периодически в головы обоих закрадывалась мысль: "А вдруг я испугаюсь? А вдруг не смогу?" - но стоило их взглядам встретиться, как все сомнения тут же рассеивались под уверенностью близкого человека. Они бесспорно полагались друг на друга, так почему бы им не положиться и на себя.

Наконец, миг настал. Танцующие расступились, освобождая поляну для тех, кто впервые в одиночку вступал на неё, сопровождаемые силой и величием этого мгновения. Чёрные костюмы, столь непривычные для этих мест, усиливали ощущение нереальности происходящего. Казалось, что это неведомые существа, случайно оказавшиеся на празднике жизни и так сильно стремившиеся разделить его со всеми. Члены правящей семьи невольно вздрогнули, впервые увидев Тедорера и Эмрисию в подобном облачении. Глядя на них сейчас, просто невозможно было относиться к ним как к детям их семьи, судьбою которых они запросто могли распоряжаться. Перед ними были Морзано, наследники Морзано, несущие в себе что-то иное, едва ощутимое, что обычный житель Иль-де-Нарса едва ли был способен осознать. Морзано! Теперь их принадлежность больше не вызвала вопросов. И сейчас эти двое собирались танцевать старинный танец Иль-де-Нарса, не подвластный более никому из тех, кто собрался на этот праздник.

Медленно, осторожно, словно в каждом их движении заключалась Великая сила, и они стремились не расплескать ни капли до того, когда наступит их время сделать шаг вперёд. Оба встали с двух краёв поляны, не отводя взгляд друг от друга. Всё замерло, сама природа затаила дыхание, набирая воздуха в грудь, чтобы начать песню, свою песню, которую ей уже долгие годы не приходилось исполнять. Послышался свист ветра, и тонкие ноты этого мира, словно нити, стали вплетаться в единую мелодию, вдыхая жизнь в этот момент. Всё словно сошло с мест, двигаясь в едином спокойном порыве, словно вода, окутывая вступивших на поляну.

Их взгляды встретились. Теперь всё было неважно, всё осталось позади в том, далёком мире, мире сомнений, лжи, слабостей и нетерпимости. Всё осталось там, и теперь они могли двигаться дальше. Двигаться вместе, точно зная, что от них не отрекутся, их примут такими, какие они есть со всеми слабостями и недостатками. Они нужны, по-настоящему нужны, и это придавало сил как ничто другое. В его глазах она видела безграничную любовь и поддержку. Её брат был с ней всегда, он любил её даже тогда, когда она была не способна сделать и шага. С чего же она решила, что его чувства изменятся только от того, что она сможет позволить себе слабость. Он доверял ей, был уверен в ней, полагался на неё во всём, зная, что она не подведёт, не предаст, не оставит. Для него этого было более чем достаточно, и Эмриссия видела это в его глазах. Маски были сброшены, и они уверенно могли идти вперёд. Никогда ещё каждый новый шаг не давался Тедореру настолько легко. С ним была сестра, его сестра, и с момента её рождения он никогда не был одинок. Наверное, Эмриссия никогда не сможет понять, какой свет и тепло она дарит ему только тем, что существует на этом свете. Все её боевые и волевые заслуги не значат для Тедорера ничего в сравнении с тем, что она принимает его таким, какой он есть, не отворачивается, узнавая о самых страшных тайнах его сознания, и верит в него так, как он сам не способен в себя поверить. Эмриссия была его сокровищем, и он мог бы защищать её от всего, но понимал, что юная Морзано никогда не согласится на такое предложение. Пока она здесь, ему есть ради кого сражаться. Пока они есть друг у друга, им есть ради чего идти вперёд.

Музыка всё набирала обороты, а они даже не думали начинать. Медленно, всё также удерживая астраты рядом с руками, они двинулись навстречу друг другу. Каждый шаг их казался единым порывом, но они не замечали этого, не отводя взгляд друг от друга. Для них исчезло всё: поляна, близкие и окружающие люди, сам праздник и ответственность, возложенная на их плечи. Все это растворилось в огромном чувстве счастья, спокойствия и единения, что с каждым звуком всё больше и больше наполняли их сердца. Они были открыты, были беззащитны друг перед другом, но это только придавало им сил. Любовь, преданность, единение – какая мощь кроется за этими свойствами, собранными в единый прекрасный букет. Казалось, что они впервые доверились друг другу до конца, не скрывая ничего, не пытаясь отстраниться и защитить, а доверяя, полностью доверяя самому близкому человеку.

Их глаза сияли, оба едва могли сдержать восторг, бьющий из их сердец. Эмоций света и благодати было настолько много, что они рвались, требуя выхода. Двое взяли мгновение, ещё мгновение, чтобы в очередной раз заглянуть друг другу в глаза, увидеть собственную улыбку во взгляде, после чего резко повернулись, выпуская силу, всё это время рвущуюся из их сердец.

Астраты полетели, ведомые танцующими. Ещё никогда они не казались им столь лёгкими и послушными. Каждое движение было естественно, как дыхание. Они сходились и расходились в танце, пролетая между сияющими клинками. Их лица были наполнены восторгом и радостью, сияющая улыбка не сходила с губ, и каждый, смотрящий на них, просто не мог не проникнуться этим ощущением счастья, восторга и красоты. Движения были быстрые, но в то же время их сопровождала плавность и спокойствие, словно всё действие покачивалось на волнах океана, ведомое лишь ему одному известному ритму. Это было великолепно. Казалось, что краски всего мира стали ярче. Жизнь вдохнула свою силу в каждую частичку вселенной, и причиной этому были они, двое воителей, двое Королей, так неожиданно осознавших соб-

ственное счастье. Клинки взлетели, вызывая невольные вздохи у толпы, но им было всё равно. Они сияли, они скользили, и это было настолько прекрасно, что всех языков мира не хватило бы, чтобы выразить их восторг. Это было сияние, чистое сияние, и оно накрыло земли Голубых лесов своим светом, проникая в него, прежде чем ритм танца стал снижаться, постепенно замирая.

Начинался новый уровень, и оба наследника словно впали в транс, перестраиваясь под меняющиеся ритмы этого мира. Теперь на их лицах не было восторга. Они были задумчивы и внимательны, тщательно анализируя каждое своё ощущение. Мир изменился, и теперь их насыщенное единение дарило не восторг, а нечто иное. Их жизнь не была спокойной, их жизнь не была безопасной. Они пришли сюда, чтобы преодолевать, а преодоление всегда связано с тем, что причиняет боль. Брат и сестра с лёгкостью разделяли восторг от собственного единения, но что же будет, если им придётся разделить и боль? Это неизбежно, они оба понимали, что это неизбежно. Каждый из них шёл по пути, который был наполнен испытаниями и свершениями. Они понимали, что испытания даруют лишь рост, и только проходя трудности, каждый из них сможет измениться к лучшему. Однако, одно дело собственные страдания и преодоления, а другое - видеть всё это в отношении самого близкого человека. Тедорер в это мгновение как никогда осознал, как слаба его сестра. Как её повышенная чувствительность и эмоциональность снова и снова загоняют её в пучину отчаяния. Как жизненная неопределённость давит на неё с каждым днём, а собственное несовершенство усугубляет отношения с этим миром. Эмриссия не приспособлена для жизни среди людей, ему сложно было представить, как жилось бы ей, если бы его не было рядом. Слишком слабая, слишком ранимая, способная защитить других, но не себя, и от осознания этого ему хотелось быть от собственного бессилия что-либо изменить.

Тедорер и сам не был совершенством. Сейчас наследница дома Морзано видела это как никогда. Его бесконечная борьба с собой, попытки удержать ярость и истинную сущность, которая с каждым разом вырывается всё сильнее. Старший Морзано не хотел быть таким. Хотел быть достойным, хотел нравиться людям, чтоб доказать, что он не зря занимает пост, полученный им по праву рождения. Что он чего-то достоин, даже если он сам и не верит в это. Его душа была ранимой, гораздо ранимее, чем у неё, и каждую собственную неудачу Тедорер воспринимал как окончательный крах, конец, собственное ничтожество и бессилие. И он жил в этом, жил каждую минуту, и она не могла сделать ничего, чтобы облегчить его страдания.

Танец закрутился, они резко рванули друг к другу, словно позабыв обо всем. Их тела и астраты двигались с невероятной скоростью, каждым резким и стремительным движением вышибая искры из этого мира. Они создали бурю, бушующую стихию, которая танцевала по поляне, грозясь разнести на куски всё, что попадётся у неё на пути. Однако для Тедорера и Эмриссии всё ощущалось иначе. Буря была для них лишь отражением действительности, обычным состоянием, в котором они интуитивно двигались, резко меняя направление астрат. Клинки пролетали совсем близко от их тел, но оба словно не замечали этого, всё больше усиливая скорость и опасность виражей. Они не могли закрыться, не могли привычно отстраниться, не давая друг другу увидеть свою боль. Теперь всё было открыто, и собственное бессилие сводило их с ума, вынуждая превращать танец в настоящее безумие сил, красок и лязга клинков. Их сердца отчаянно рвались друг к другу, ища выход, ища возможность хоть как-то вырваться из этого нескончаемого отчаяния. И тут словно волна поднялась внутри них. Собственные крики отступили на задний план, наполняя всё существо одним смыслом – идти вперёд. Они не могут закрыть друг друга от испытаний, не могут пройти путь друг за друга, тогда им остаётся только одно – идти дальше, идти, уверенно преодолевая все преграды. Их волнение не важно, важнее чувства того, чья душа так болит о них. Единственное что они могут сделать, чтобы облегчить страдания столь дорогого им человека, это идти вперёд. Преодолевать все испытания, падать, но подниматься и идти дальше. Только так сегодняшние слабости могут

отступить, и не будет больше необходимости для них бояться друг за друга так сильно. Морзано рванули друг к другу в порыве обнять, защитить, укрыть, но когда их руки коснулись друг друга, в них уже было совершенно другое: поддержка, уверенность, приободрение... О каком доверии может идти речь, если они не верят в то, что каждый из них способен справиться с собственным мраком? Да, они всегда будут беспокоиться, но в то же время принимать то, что у каждого из них свой путь, и лишь достойным прохождением его они смогут достигнуть своих целей. Слабости будут, одни сменяются другими, и у них всегда будет необходимость преодолевать что-то в себе. Но это не остановит их, не даст сбиться с пути, не даст впасть в отчаяние, а лишь придаст сил двигаться дальше. И они пойдут, как шагнули сейчас, завершая новый виток своего танца. Безумие утихло под строгим покровом принятия, устремления и воли, как рано или поздно утекает всё не свойственное этому миру. Вся атмосфера словно наполнилась чем-то звенящим, потерявшем импульс разрушения, но в то же время чем-то глубоким, всемогущим и всепоглощающим. Эмриссия и Тедорер снова взглянули в глаза друг другу, и все вопросы отпали сами собой. Они смотрели друг на друга, но видели то, что и сами не могли до конца осознать. Оба в эти мгновения были собой, и в то же время являлись чем-то большим, теми, кого связывали множество жизней, и кто уж точно мог сказать, что знает друг о друге практически всё.

Лишь немногие смогли заметить, как у повернувшейся к зрителям Эмриссии в глазах сверкнул непривычно глубокий карий оттенок, а взгляд Тедорера теперь смотрел на них зелёными глазами своей сестры. Они завершали этот танец, теперь торжественность звучала в каждом их движении. Наследники, Короли, люди – они знали этот мир, уверенно вплетая в него свои собственные нити. Чувство глубокого трепета и торжественности накрыло всех, кто наблюдал за танцем. Это был тот миг, ради которого совершаются подобные ритуалы, когда каждый по мере своих сил может ощутить истинное величие этого мира, и оно, бесспорно, навсегда сохранится в его сердце.

Танцующие скользили плавно, большая скорость виражей астрат несколько не вносила резкости в их рисунок. Они были единым существом, ловко лавируя между движениями друг друга, зная о манёвре своего напарника до того, когда он будет совершён или обдуман. Это было прекрасно, это было так величественно и одухотворённо, что никто не смел нарушить творимое даже случайным вздохом. Наконец, танец был завершён, Эмриссия и Тедорер изящно замерли рядом с друг другом и опустили астраты.

Природа затухала, унося отпетую песню дальше высоко к звёздам, а танцующие постепенно приходили в себя. В их глаза возвращался собственный свет и осознание. Они едва ли могли вспомнить, что происходило на поляне всё это время, но отпечаток тепла, торжественности и единения также наполнял всё их существо. Тедорер и Эмриссия переглянулись, прежде чем покинуть поляну под восторженные взгляды собравшихся. Им не требовалось ничего обсуждать, каким-то внутренним чутьём они прекрасно понимали друг друга, и слова едва ли смогли бы внести большую ясность.

Им обоим требовался отдых, а Эмриссии ещё нужно было подготовиться к танцу юности Великой Матери, но теперь сердце Тедорера было уверено, что она справится. Это лишь ещё одно испытание на её пути, и она обязательно преодолеет его.

Тихая спокойная мелодия, льющаяся, словно вода, по тончайшим струнам этого мира, постепенно набирала силу. Пришло время одного из самых красивых ритуалов этого праздника. Все присутствующие расступились, чтобы пропустить на поляну ту, кому сегодня посчастливилось исполнить танец юности Великой Матери, и она уже была здесь.

Медленно ступая босыми ногами по прохладной траве, Эмриссия шла вперёд, стараясь смотреть строго перед собой, чтобы не видеть множество людей, не сводящих с неё взглядов. Белое платье сидело идеально, красиво отвечая каждому движению девушки. Она словно

скользила над поляной, укутанная в небесное кружево. Волосы юной наследницы были непривычно распущены, и лишь скромная диадема венчала её голову. Всё было идеально, в лучших традициях Иль-де-Нарса и Живого дня, но стоило опустить взгляд чуть ниже, как невольный вздох вырывался из уст собравшихся. В руках у Эмриссии были Альцгейры, Альцерн и Гейран - её собственная регалия, сделанная Мастером. Усовершенствованные астраты, одно из опаснейших оружий, видимых в этих землях, и зачем оно здесь, в ритуале, несущем счастье, гармонию и любовь в этот мир?

Однако саму Эмриссию это нисколько не смущало. Уверенно ступив на поляну, она на мгновение замерла, переводя дух. Вот, время пришло... У неё есть несколько тактов, чтобы собраться с мыслями, прежде чем танец начнётся. Закрыв глаза, младшая Морзано постаралась мысленно обратиться ко всему, что было дорого её сердцу: брат, родители, семья, родные и друзья, весь этот прекрасный и невероятный мир, в котором ей посчастливилось жить. Её сердце наполнялось любовью, любовью к этому миру, ко всем его обитателям, но что-то не давало ей покоя, что-то держало её, мешая распахнуть своё сердце этому миру. И тогда, из самой глубины её существа послышался голос.

- Ничего не бойся, девочка моя, я с тобой!

- Мама! - чуть слышно выдохнула Эмриссия, и взгляд её тут же переменялся. Беззащитность, любовь, тоска, боль, радость, невероятное тепло, ощущаемое в сердце, когда ребёнок трепетно прижимается к своей матери. Все эти чувства разом накрыли её, сметая все препятствия и барьеры. Эмриссия снова была маленькой девочкой рядом с материнским порогом. Она нашла её, она была дома...

Музыка полилась, и Эмриссия поплыла вслед за ней, ведомая чувством и теплом, идущим из самого её сердца. Она улыбалась, искренне улыбалась, и в её улыбке было столько нежности и любви, что хотелось осветить ею весь этот мир. Движения девушки были медленны и плавны, она словно возвращала себе обратно потерянные за годы страданий женственность, красоту, грацию, изящество, приобретающие в её более взрослом облике новые черты и проявления. В этот миг Эмриссия была красива, необычайно красива в своей непривычно-лёгкой и хрупкой красоте, такой, какой на самом деле была её душа. Тонкая и ранимая, словно крылья бабочки, она впервые за долгое время по-настоящему открыла её, не боясь, что кто-то может нарушить её свет. Младшей Морзано было легко и хорошо. Как в детстве, она могла сиять, дарить своё тепло этому миру, и ей ничего больше не было нужно. Благодаря, необычайный подъём и восторг - всё это она ощущала каждый миг, вырисовывая всё новые и новые фигуры на зелёной траве, словно звезда, спустившаяся с небес и осветившая души всех своим загадочным, но таким невероятно близким и родным светом.

И всем было хорошо, необычайно хорошо. Свет этого танца коснулся души каждого, заставив ощутить такое до боли знакомое тепло. Любовь, вот что лежало в основе, и именно она наполняла сейчас всю поляну, выливаясь за край. Искренняя, юная девичья любовь в тёплых и заботливых объятиях своей матери. В этой простой истине заключался целый мир, и сейчас на глазах у всех он, словно цветок, постепенно раскрывался, являя с каждым движением новые и новые краски.

Эмриссия потерялась в своих ощущениях. Она купалась в этой любви и восторге, вкладывая все свои чувства в каждое движение, в каждый шаг и поворот. Это великолепие казалось бесконечным, долгим и прекрасным, как сама жизнь, но тут музыка начала затухать, меняя свою окраску, и глаза девушки раскрылись. За доли секунд её сознание сделало огромный шаг вперёд. Словно мгновенно повзрослев, понимание юной девушки, купающейся в любви этого мира, расширилось, и в глазах Эмриссии отразились глубокие чувства уже иной любви, более сильной и глубокой, могучей и всеобъемлющей. Это были глаза матери, матери, взирающей на своё дитя. Смотрящей на этот мир зрелым, осмысленным взглядом, видя каждую его деталь, каждую мелочь и составляющую. Сердце дрогнуло, и взгляд зелёных глаз наполнился

паникой. Она скользила по поляне, но снова и снова в глазах отражалось то, что видело её сердце: ужас, смятение, страх - вся боль этого мира разом наполнила её существо. Отчаяние, безысходность, неизбежность - всё это разом окружило её, предчувствуя бури надвигающейся эпохи. Эмриссия была не готова к этому. С силой она пыталась разогнать наступающую тьму Альцгейрами, но всё было тщетно. Мрак наступал, подавляя, лишая сил и воздуха, заставляя беспомощно упасть замертво и не пытаться противостоять этой мощи. Но она не могла. Боль окружающего её мира словно прорвала плотину внутри неё. Привыкшая полагаться на силу и узревшая её бесполезность, Морзано обратилась к тому, кто ещё хоть немного разбивал всё больше окружающий её мрак - к своему сердцу. Именно сердце продолжало до последнего пылать в её груди, разрывая окружающую темноту. Сердце - её сила, её мощь, её спасение. Мысленно она воззвала к Великой Матери, сжимая сердце как последний источник света в тёмном царстве, моля о помощи, прося хоть немного облегчить ту боль, что поглощала этот мир. Эмриссия готова, её сердце справится, лишь бы ей дали сил развеять это мрак. Сердце трепетало, и девушка трепетала вместе с ним, отвоёвывая каждый миллиметр своего сознания, и когда сил уже практически не осталось, яркий поток света разверзся у неё над головой. Сердце утонуло в спокойствии и благодати, и Эмриссия поняла, её зов слышали. Нежные руки Великой Матери словно протянулись к ней, коснувшись самого её сердца, и она очнулась. Боль, ужас, смятение этого мира по-прежнему окружали её, но взгляд девушки изменился так, как если бы она за мгновение повзрослела на несколько десятков лет. Эмриссия уверенно ступала вперёд, не ведая сомнений. Ужас, открывающийся её взору, больше не смущал её, а лишь воодушевлял ещё увереннее идти вперёд. Теперь она не понимала, как мгновение назад могла позволить себе слёзы и отчаяние. Лишь действием можно было разрешить что-то, страх и проклятия ни к чему не приведут, нужно идти. И юная королева шла. С каждым шагом её сердце сияло всё ярче, питаемое лучом Великой Матери. Сознание девушки устремлялось к Великому Сердцу, зная, что под его светом никакая тьма не сможет коснуться её существа. Мрак стал опасливо отступать, а сияние сердца всё стремительнее охватывало пространство вокруг себя. Юная Морзано больше не была той испуганной девочкой, что только начала танец, она была собой, в одном из высших своих проявлений, которое пока ещё, в силу жизни и возраста, способна была достигнуть лишь на небольшие краткие мгновения. В душе её царили твёрдость, спокойствие и понимание. Чувство любви и заботы об этом мире расцветало в её душе, и сама она, как цветок, раскрывала сияющие лепестки, неся свет и красоту этому миру. Танец ускорялся, сияние усиливалось, душа ликовала в радости и красоте освобождающегося мира, когда девушка почувствовала, что помимо собственного сердца и луча Великой Матери, она ощущает ещё множество сердец-солнц, которые также вступили в эту борьбу. Её зов оказался слишком пронзительным, чтобы близкие ей люди смогли остаться в стороне. Эмриссия ощущала своего брата, после предыдущего танца распознавание его сил уже не требовало такой концентрации, как с другими. Она понимала, что с лёгкостью могла бы распознать, кому принадлежит та или иная сила, но это было неважно. Их совместные усилия могли очистить этот мир, вернув ему первородную красоту и великолепие, поэтому младшая Морзано была рада любому отзывавшемуся на её зов. Танец подходил к концу. Сила успокаивалась, возвращаясь в свои истоки. Свет их сердец смог справиться с наступающей тьмой, а значит, у них были все шансы справиться со всеми испытаниями, что уготовила им наступающая эпоха. Последнее прикосновение Великой Матери, которое раз и навсегда запечатлится в её сердце. Привычная концентрация на собственной силе и понимание... Она не одна! Всё это время, с момента того, как под лучом высших сил она снова пришла в себя, она была не одна. Чужая мощь, слишком легко сливающаяся с её собственной, ни на мгновение не оставляла её. И лишь когда все прочие силы отступили, Эмриссия смогла отделить её от себя. Их единение было так привычно и естественно, что её высшее сознание несколько не акцентировало на этом внимание до того момента, когда она начала возвращаться к своему текущему уровню, осознание накрыло её с

головой. Кто это мог быть? В непонимании девушка обернулась, смотря вслед уходящей энергии, и была готова поклясться что знает, её сердце бесспорно знает, кому принадлежал этот свет, лишь для её текущей личности это по-прежнему оставалось загадкой. Только вот томить себя отгадыванием не хотелось. Умиротворение, принесённое высшими силами, заставляло совершенно иначе взглянуть на этот мир. Всё раскроется в своё время, а ей остаётся только наблюдать и с трепетом ожидать, когда их сердца вновь обретут друг друга.

Танец был завершён. Вся толпа празднующих затаила дыхание, не сводя глаз с девушки, замершей посреди поляны. Такого танца юности Великой Матери никому из жителей Иль-де-Нарса ещё не доводилось видеть. Да, свет и сияние благодати был непосредственным атрибутом каждого явления высших сил, но здесь было что-то ещё. Одни Альцгейры, сопровождавшие каждое движение своей королевы, уже говорили о многом. Она видела боль, страдание, но в то же время всем своим существом призывала их воспрянуть духом и не допустить того, чтобы тьма окончательно поглотила их сердца. Сияние Эмриссии было необычайно ярким, идущим от самого сердца, но поразительнее этого был момент, когда другие сердца начали присоединяться к ней. Тедорер, Ардеон и другие члены правящей семьи Иль-де-Нарса почувствовали, как их сердца с жаром откликнулись на зов, спеша на помощь танцующей. Их силы слились со множеством равнодушных сердец и смогли одолеть приближающуюся смуту. Они победили, но оставшийся осадок словно твердил им, что это ещё не конец. Главный бой ещё впереди, и им всем предстоит подготовиться, чтобы не оступиться в последний момент.

Тедорер осторожно вышел вперёд, поднял полубессознательную сестру на руки и унёс её по направлению к цитадели. Он тоже ощутил многое. Сердце его одним из первых откликнулось на её зов, и, в отличие от жителей Голубых лесов, в той битве он ощущал сердца многих амбэральцев, как членов его собственной семьи, так и принадлежащих к другим Великим домам. Это было явление необычайного единения, когда и Иль-де-Нарса, и Амбэрала воспрянули в едином порыве, ведомые зовом Великой Матери, и никакой мрак не мог затушить их огонь. Это было лишь явление, лишь проба, лишь преддверие, но они поняли, каким путём им следует идти, чтобы победить.

Эмриссия задышала ровнее. Похоже, уставшее сознание отпустило её, погрузив в целебную дремоту. Тедорер знал, что она не нуждается в целителе. В последнее время он ощущал её состояние так же остро, как и своё собственное, поэтому с уверенностью мог сказать, что текущая слабость была вызвана необычным напряжением сил и большим потоком высших энергий, которые его сестра была пока неспособна быстро принять. Очнувшись, Эмриссия полностью восстановится, а сейчас ей был показан покой, и желательно нахождение как можно дальше от большого скопления людей. Тедорер знал, что все жители дворца ещё несколько часов будут завершать празднество, и он волен был присоединиться к ним, но не хотел. Сейчас его сестра была беззащитна, и старший Морзано чувствовал своим долгом оставаться рядом с ней.

Тедорер увидел многое и был уверен, что большая часть представшего перед ними относилась к их собственному будущему. Их сердца сияли вместе в едином порыве, но он смело признавал то, что пламя его сестры двоилось и состояло из нескольких частей, и старший Морзано даже не сомневался в том, кому принадлежала вторая часть. Они могут стать великими мастерами астрат, могут освоить все известные искусства и навыки, но лишь свет сердца, единение, мужество и любовь к этому миру могут принести им спасение и счастье. В высоком состоянии, которого им удалось достичь во время танца Эмриссии, их души не ведали сомнений, страха, ненависти и обид. Они находились в спокойствии и равновесии, уверенно следовали по своему пути, бережно и с любовью освещая и очищая этот мир. Они не обжигали, они просто несли свет всему живому, как солнце, которое светит всем без разбора, и каждый сам решает, какую часть его света он примет. Им многому предстоит научиться, прежде всего -

совладать со своими эмоциями и нести спокойствие и гармонию этому миру. Но это всё завтра, а сейчас им обоим нужен отдых. Кто знает, что принесёт им следующий день...

Ардеон проснулся очень рано. Что-то тревожило его сердце, отгоняя сонливость. Лес спал, когда Видящий покинул свой дом, изо всех сил стараясь не потревожить сон жены и дочери. Мир встретил его спокойствием и тишиной. Остатки вчерашнего праздника до сих пор витали в воздухе, наполняя лёгкие ощущением обновления, света и новой жизни. Всё дышало, но дышало как-то иначе: глубоко, свободно, как дышит природа, освобождаясь от зимней спячки и заточения. Вчерашний праздник всё ещё стоял перед его глазами. Его племянники справились с возложенной на них ответственностью и смогли привнести многое в культуру и традиции их земель. Ардеон был горд ими обоими, как и всеми прочими участниками ритуальных танцев. И пусть Тедорер и Эмриссия покинули праздник раньше, едва ли они пожалели о том, что им удалось сделать. Они прикоснулись к событиям, только начинающим складываться в их мире, и теперь у них есть все возможности повлиять на ситуацию, изменив её в лучшую сторону.

Сам Ардеон также всем сердцем присоединился к Эмриссии во время её танца юности Великой Матери. Ему открылось многое, но гораздо большее открылось Ардаре, его дочери. После того, как они вернулись с праздника, девочка заперлась в своих покоях и громко рыдала, пока силы не оставили её, и она не провалилась в спасительный сон. Видящий знал, что его дочь воспринимает этот мир гораздо тоньше, чем он сам. Сочетание способностей Видящего и эмпатика давали поразительные результаты, но при этом её собственная чувствительность как открывала ей более тонкие и прекрасные черты этого мира, так и позволяла увидеть боль и страдания там, где его взору просто не хватало ясности. Все эти дети пришли в непростое время, и лишь их руками и сердцами будет слагаться мир, в котором всем им предстоит жить.

Неожиданно ветер усилился, резкий порыв окутал его, вырвав из собственных мыслей и заставляя внимательно оглядеться вокруг. Откуда в самой чаще леса может взяться настолько резкий порыв ветра? Его жилище находилось в самых непроходимых зарослях, и не каждый путник, не то что ветер, был способен найти дорогу сюда. Это было что-то другое, и постепенное осознание складывалось в его мыслях.

Ветряное послание. Сделанное не очень умело, очевидно, пославший ещё не так хорошо освоился с этой наукой, или вообще впервые пробовал совершить подобный жест. Сила ветра была высока, а значит, послание пришло издалека. Только один человек из столь дальних мест мог отправлять ему подобные сообщения.

- Ардеон, - прошелестел ветер, и Видящий узнал знакомый голос Керлиндера, Великого Наместника северного воинского дома, - не знаю, получится ли у меня передать тебе это послание, но всё же рискну, зная, что пока никто, кроме вашего народа, не обладает подобным умением и знаниями. Я не скажу, что опасность миновала. Мне удалось найти предателя, открывшего цитадель, и понять личность того, кто с самого начала руководил всем этим кошмаром, но подобраться к нему у меня пока нет возможности. Амбэрала понесла ещё одну потерю: дом Истаресс был захвачен так же, как и наша цитадель, правда с гораздо более плачевными последствиями. Наследники выжили, но среда, в которой они оказались, оставляет мало надежд на то, что из них вырастут достойные законные правители своего дома. Амбэрала теряет силы, теперь уже никто не сомневается в этом, и нашим наследникам придётся принять дом в ещё более сложных условиях, чем принимали мы с Ердэром. Тедореру через два года исполнится двадцать. Дольше я не смогу отсрочить передачу звания главы дома его законному владельцу. Я понимаю, что даже через два года им обоим будет рано возвращаться в Амбэралу. Они ещё не готовы, да и мне потребуется время, чтобы обезопасить их настолько, насколько это возможно. Однако, им нужно будет посетить цитадель, пусть тайно, пусть под покровом ночи, но меч дома Морзано должен засиять в руках законных правителя и наместника. Я буду ждать

их, когда это будет возможно. Желаю всех благ тебе и твоему дому. Дом Морзано навеки в неоплатном долгу перед всеми вами.

Послание закончилось, и Ардеон задумчиво нахмурился, ещё раз обдумывая услышанное. Амбэрала... Наследникам нужно будет посетить Амбэралу, и Видящий как никто другой понимал важность этого события. В обезглавленном доме принятие наследником своей силы по праву просто необходимо, даже если он и не сразу получает все бразды правления, переходящие вместе с клинком. Правящий дом Иль-де-Нарса не может удерживать Тедорера и Эмриссию здесь больше, чем необходимо. Им придётся отпустить их, чтобы они могли принять то, что полагается им по праву.

Совет продолжался очень долго. О полученном ранее послании Ардеон известил всех утром, и эта новость вызвала бурное обсуждение среди членов правящей семьи. Вериус и Инниан были категорически против того, чтобы отпускать внуков в Амбэралу. Их поддерживала Лимиам и прочие близкие родственники. Лишь Вириам, Эридан и Ардеон находились в сомнении. Будучи на самой вершине иерархии сил этого королевства, они слишком хорошо понимали, чем опасно отступление на этом шаге. Они не только могли лишиться Тедорера и Эмриссию законных прав, но и ослабить как их самих, так и дом Морзано, который чудом ещё держался на плаву. Наследники никогда не простят им такого поступка, да и весь их привычный мир может оказаться под угрозой из-за того, что их родственные чувства взяли верх над долгом, который они должны выполнять. Им не удалось удержать Вьенесс, как не удастся удержать и этих детей. Амбэралыцы сбегут, если их не отпустят добровольно, но не останутся в золотой клетке, обеспечивающей им мирную и спокойную жизнь, но не дающую исполнить то, что предназначено им судьбой. Это неправильно, и все они прекрасно понимали это.

- Хватит, - резко вскрикнула Вириам, поднимаясь со своего трона. Эмоциональность обсуждения её изрядно утомила, и, чувствуя поддержку от своих младших братьев, она больше не видела смысла в продолжении этого и так слишком затянувшегося собрания.

- Судя по всему, все мы забыли о той роли, которую играем в судьбе этих детей, – строго проговорила Королева. - Они не наша собственность, как и не собственность своих родителей. Они пришли в этот мир свободными, и у нас нет права удерживать их в угоду собственному спокойствию и комфорту. Они пришли в этот мир, чтобы совершить что-то важное, и наша задача снабдить их всем необходимым, научить их всему, что мы знаем сами, но не препятствовать им идти и совершить то, для чего они спустились в этот мир. Давайте оставим эгоизм. Это дети Амбэралы, это наследники дома Морзано, и у нас нет права удерживать их в своих землях. Если им потребуется помощь, мы с радостью примем их, но пока мы не станем мешать тому, что должно свершиться.

- Они справятся, - спокойно и уверенно продолжил Ардеон, - пусть их года не велики, их навыки позволяют нам довериться им даже в таком опасном путешествии. Они справятся, и наша задача как семьи верить в них и поощрять любое благое начинание, а не чинить препятствия на и так непростом пути этих детей.

Все молчали. Действительно, в порыве эмоций они слишком легко забывали, кто они и в чем их роль в жизни этих детей. Более мудрые тут же согласились с Королевой и Видящим, те же, кто был не согласен, предпочли промолчать. Спорить было действительно не о чем. Всё было предрешиено с самого начала, и не было смысла усложнять то, что и так понятно.

Новость о возвращении была неожиданной. Тедорер и Эмриссия спокойно продолжали свою жизнь и подготовку ещё два с половиной года, пока в один из вечеров их не посетила Вириам, чтобы сообщить, что через несколько дней им предстоит отправиться в Амбэралу. Бурю эмоций, поглотившую в тот момент души наследников, едва ли можно было осознать. Тут были и радость, и восторг, и нетерпение, но в то же время сердце сжималось от ужаса, что

им придётся вернуться в то место, где случился их самый страшный кошмар. Они боялись и друг за друга, и за себя, но это ни на мгновение не пошатнуло их решимости отправиться в путь. Амбэрала ждала их, манила неведомым им чувством единения и принадлежности, и они просто не могли оставить её.

Сборы заняли совсем немного времени. Оба наследника были прекрасно подготовлены к походу и знали всё, что могло потребоваться им в Амбэрале. Обсудив с Ардеоном, единственным, кто бывал на их родине, самый безопасный путь до цитадели, они решили следовать через земли Арити и Мюриэле. Путь через степи Гемблет был значительно короче, но Видящий не рискнул отправить племянников через падший воинский дом, который посмел уничтожить свою собственную Королеву. На территориях южного воинского дома, скорее всего, их путь будет спокоен, а земли Мюриэле они знают достаточно хорошо, чтобы не быть замеченными. Оставался риск того, что они столкнутся с Абриэлем или его сыном, но этот вопрос Ардеон решил предоставить Керлиндеру, в конце концов, тот разбирался в отношениях Амбэральских домов гораздо лучше, чем он сам. К тому же едва ли от правителя Мюриэле можно было ожидать какой-либо угрозы для детей его лучшего друга. Так и решили.

На четвёртый день сборов рано утром правящая семья Иль-де-Нарса собралась на выезде из Мир-оре-Арсе, чтобы проводить двух наследников Морзано, ставших такими родными каждому в этих местах. Эридан постоянно твердил обоим о безопасности, проверяя наличие астрат или, в случае Эмриссии, Альцгейр. Вириам убедилась в сохранности припасов. Все, включая Лимиам, очень недовольную происходящим, стремились дать последние наставления в дорогу, так и не давая отправляющимся двинуться с места. Ардеон смотрел на это и вспоминал, как когда-то они впервые отправляли в Амбэралу свою Вьенесс. Тогда она и Еرارдэр отправлялись в путь, окрылённые грядущими свершениями, теперь этот же огонь горел в глазах их детей. Если всё сложится благополучно, то Тедорер вернётся сюда уже Королём, а Эмриссия наместником. Их не будет максимум пару дней, но что-то подсказывало ему, что за эти часы изменится всё. Весь расклад, который они запланировали, придётся стремительно менять, подстраиваясь под новые обстоятельства, о которых никто из них ещё пока не догадывался.

Лошади двинулись в путь. Едва скрывшись за деревьями, Эмриссия резко обернулась назад. Они вернутся совсем скоро, но её не покидало ощущение, что вернутся они сюда уже совсем другими людьми.

Глава 3. Керлиндер.

Эта ночь была на удивление тёмной и прохладной. Лето оставляло свои позиции, и ветер уже нёс с севера первые отголоски наступающей осени. Все душные дни остались позади, хотя едва ли можно назвать душным хоть один день на территории северного воинского дома. Морское побережье всегда щедро одаривало цитадель ветрами и бризами, разбивая свои волны об острые скалы, бесменно охраняющие одну из сторон старинного замка. Любой житель этих земель сказал бы, что время открытых окон прошло, и ночами уже становилось по-осеннему морозно и промозгло. Но только не ему.

В последние годы он полюбил холод, полюбил его способность оставлять все мысли позади, остужать сознание и чувства, позволяя хоть на мгновение замереть, не обдумывая, не чувствуя, не вспоминая. Это была его маленькая отдушина, о которой знали только его жена, ну и, возможно, дети. Он всеми силами старался укрыть их от того кошмара, в котором варился сам, но не мог. Они были частью его, частью его жизни, и каждое событие, происходящее с ним, просто не могло не оказывать влияния на них. Да, когда-то давно он пытался избежать всего этого, но теперь понимал, что без них он бы просто не выжил. Просто не нашёл бы в себе сил пройти всё это, не сжигая собственной души. А теперь его душа нужна, нужна как никогда тем, кто всегда будет нуждаться в его защите и опоре, и он не подведёт их, ни за что не подведёт.

Тёплые нежные руки на мгновение прервали его мысли. Мягким движением скользнув по плечам и накинув на плечи лёгкую домашнюю мантию, они нежно обхватили его со спины, согревая своим теплом и заботой.

- Ты опять не спишь,- тихий голос, в котором слышится едва заметный укор. Да, порой он действительно не мог уснуть. Мысли тяжёлого дня не всегда позволяли ему выскользнуть из своих тисков, и порой он, словно волк, рыскал по комнате, не ведая покоя, и только она, его свет, была способна остановить это безумие.

- Я разбудил тебя? – осторожно спросил он, мягко касаясь её рук. Они всегда были тёплыми, несмотря на настежь открытое окно. С годами в нём росла уверенность, что он совсем разучился бы чувствовать тепло, если бы рядом с ним не оказалась она. Страшно подумать, как сложилась бы его жизнь, если бы его упрямая и свободолюбивая девочка не взяла всё в свои руки в то время, когда он был окончательно разбит и потерян. Всё было против них, он сам был обеими руками против них, не желая для любимой такой судьбы. Он бы справился, пережил как-нибудь, но не стал бы ломать ей жизнь. Однако, при всём его могуществе и власти, ему оказалось просто невозможно повлиять на неё.

Он помнил, с каким выражением она протянула ему заключение дома Фьене. Её синезелёные глаза в тот момент сверкали, словно искры из костра. Это было целиком её решение, никто, ни Тапеллания, ни Гретелия не знали о её поездке. Никто не знал, что она смогла решиться на такой шаг, не посоветовавшись ни с кем. Никто не ожидал, но это произошло. В тот момент она протягивала ему подтверждение, сделанное лично Касфан Фьене, и не имеющее обратной силы ни при каких обстоятельствах. Она собственноручно подписала себе приговор.

От осознания того, что же наделала эта маленькая девочка, решимость и упрямство которой он в очередной раз недооценил, у него резко заболела голова. Зажмурившись, он потёр лоб, стараясь привести мысли в порядок и понять, что же ему теперь делать в так неожиданно сложившейся ситуации. Подтверждение дома времени - закон для Великих домов. Эта юная девушка не сможет связать свою судьбу ни с кем, кроме него, а он на данный момент не самая лучшая партия для блистательной посвящённой. О, небо, да Гретелия с Тапелланией сожрут её за подобное самоуправство, едва ли она позволит ему выставить себя виноватым, сказав,

что это он втайне от всех получил подтверждение. В этой девочке было невероятное чувство справедливости, а зная то, как относятся к нему почтенные матроны после недавних событий, она и вовсе с порога объявит, что это была полностью её инициатива, а он просто жертва ситуации. Ничего себе жертва! Он все ещё не знал, радоваться ему или ужасаться. Какая-то часть его определённо была счастлива, не в силах поверить в так неожиданно свалившийся дар, но в большей степени её заглушало беспокойство. Что теперь будет? Скандал для северного дома неминуем. Ещё один брак посвящённой с отступником, заключённый по её собственной инициативе. Представляет ли она, насколько изменится её жизнь после брака с ним? Представляет ли, какая тень ляжет на неё и на её потомков? Он не хотел этого для неё, но она не оставила ему выбора.

Сияющие глаза, полные твёрдости и уверенности, всё ещё смотрели на него. Она словно говорила: «Я знаю, на что иду, и у тебя нет аргументов, чтобы помешать мне». Долгий выдох. Способность к речи постепенно возвращается к нему после пережитого шока.

- Зачем, Пириа? - низко проговорил он, всё ещё не способный взять под контроль голос.
- Брак с отступником. Неужели это стоит всего, что у тебя есть в жизни?

- А разве ты отступник? - уверенно парировала она, слегка откидывая голову, чтобы поймать его взгляд. На мгновение Керлиндеру показалось, что она знает. Что по какой-то причине ей всё известно, и сейчас ему придётся оправдываться за сокрытые тайны и очередную попытку взвалить всё на свои плечи. Но потом он понял, что ошибся. У Пилларии не было ни аргументов, ни доказательств в свою пользу. Она не смогла бы ничего возразить Гретелии, увидевшей его рядом с мёртвым Ерардэром, но эту девушку всегда и выделяло то, что доводы рассудка она слушала в самую последнюю очередь. Прежде всего было её сердце, маленькое, яркое, пылающее. Пиллария доверяла ему и своим чувствам больше, чем кому-либо, и он сам не раз убеждался, насколько верные решения и ответы ей удавалось найти, совершенно не прибегая к очевидной логике и рассуждениям.

- Это неважно, - отмахнулся он. - Бабушка уверена в этом, и все остальные будут воспринимать тебя только в этом статусе.

- Мне всё равно, - жёстко ответила она, не отводя взгляда.

- Все приближённые дома Морзано не простят тебе этого.

- Они смирятся с этим - очередной аргумент был отбит ещё более резким тоном.

- Твои дети будут носить эту тень на себе всю жизнь, - снова попытался он, но Пиллария только улыбнулась.

- Я думаю, что для детей гораздо важнее то, что они родились в любящей семье. Их ждали, о них думали, их очень любят и принимают такими, какие они есть. А всё остальное можно спокойно разрешить.

Всё. У него закончились аргументы. Конечно, в самом начале этого спора наместник понимал, что обречён на провал. Подтверждение дома Фьене уже сделано, пути назад нет. Но он всё больше удивлялся тому, каким счастьем и надеждой сияли её глаза. Пиллария действительно хотела этого союза и ни мгновение не сомневалась в том, что он будет счастливым.

- Для меня, - осторожно заговорила она, впервые за эту беседу опустив взор, - для меня будет значим лишь один аргумент, что ты не хочешь этого союза, потому что я не та девушка, с которой ты хотел бы связать свою судьбу. В таком случае, я попрошу у тебя прощение за разрушение и вмешательство в твою жизнь и постараюсь удалиться так, чтобы больше никогда не попадаться тебе на глаза.

- Пириа! - в бессилии воскликнул он, нервно потирая лоб, словно голова разболелась ещё сильнее. Хотя, так оно и было, она просто могла взорваться от всех этих событий. - Ну что за чушь! Всё должно было быть не так! Ты должна была сказать хотя бы мне...

- Чтобы ты уничтожил на корню всю мою затею, - перебила она. - Я слишком хорошо тебя знаю, Керлиндер. Ты никогда бы не согласился на то, что ты считаешь неправильным, особенно в отношении меня.

Да, она была права, наместник никогда бы не позволил ей совершить подобное, но теперь всё решено, пути назад не было. Они пара по всем законам Амбэралы и Великих домов. Все его самые невероятные мечты сбылись, и теперь Керлиндер просто не знал, что делать с так некстати свалившимся счастьем.

- Ты будешь несчастлива со мной, - чуть слышно проговорил он, впервые глядя ей в глаза совершенно открыто, не скрывая тех потоков боли, отчаяния и ужаса, что плескались в его душе. Ей придётся жить с этим, жить с его кошмарами, с тем, что будет представлять из себя его жизнь в качестве отступника. Но Пиллария лишь улыбнулась. Лёгкая, тёплая улыбка, и все его страхи отступили. Её уверенность теплом передалась и его сердцу. Он больше ничего не мог изменить. Привыкший всё контролировать наместник дома Морзано впервые смирился с ситуацией и просто наслаждался так неожиданно свалившимся на него счастьем.

Конечно, весь кошмар его жизни никуда не делся, и его путь по-прежнему будет наполнен множеством испытаний, но теперь Керлиндер точно уверен, что в нём будут и светлые тона.

Скандал в благородном семействе очень быстро урегулировала Пиллария, в очередной раз доказав всем свою полную независимость и самостоятельность в любом решении. Их свадьба была не особо праздничной, большинство присутствовали просто потому, что так было нужно, но для них двоих это было настоящей радостью. Счастье, светившееся в их глазах в этот момент, легко могло перекрыть всю скорбь и недовольство остальных гостей праздника. Керлиндер знал, что там наверху оба его брата искренне радуются за него, и Ерардэр, наверняка, громко хвалит Пилларию, что она смогла сделать то, на что сам наместник так и не решился. Ему не хватало их, очень не хватало, и всегда будет не хватать, но надо идти дальше, и теперь у него появился ещё один повод идти вперёд. Идти и не оглядываться, устремляясь лишь в будущее, а оно во многом было прекрасно. Не успело его уставшее сердце согреться любовью обожаемой супруги, как на свет появились ещё два существа, которым было совершенно всё равно на то, как их отца воспринимает большая часть Амбэралы. Дочь и сын, Ливьерия и Крудиер, его маленькие солнца, которые принесли в его мир неведомый ранее смысл. Керлиндер был счастлив. Несмотря на все испытания, его жизнь была прекрасна. У него было за что бороться, и Великий Наместник не сомневался, что сможет победить, пока они будут рядом с ним.

- Я тебя разбудил?

- Нет, я сама проснулась, - мягко ответила Пиллария, уткнувшись лбом ему в спину, с трудом приоткрывая заспанные глаза. - Уже поздно, тебе нужно выспаться, - мягко, но настойчиво проговорила она, и Керлиндеру оставалось только кивнуть и последовать за ней, как и всегда.

Она всегда знала верный путь, и за прожитые вместе годы Великий Наместник привык полностью полагаться на её чувства. Керлиндер на мгновение замер у окна, любясь своим счастьем и наслаждаясь каждым мгновением своей жизни, пока недовольный голос не напомнил ему о своих обещаниях.

- Керлиндер!

- Иду, Пириа, уже иду...

Он бежал как загнанный зверь. Нет, не так, он был именно зверем, всеми силами пытающимся скрыться в темноте беспокойной ночи. Он уже не помнил, сколько прошло времени: день, неделя, год - неважно. Каждое мгновение с тех пор заставляло его в ужасе замирать и прислушиваться к ночи в поисках малейших признаков погони. Миражи прошлого преследовали его, ни на миг не оставляя одного. Где бы он ни находился, куда бы ни уехал, они всегда будут рядом, и ничто в целом мире не избавит его от этой напасти.

И сейчас он здесь, скрылся в самом дальнем уголке морзановских земель среди болот и скал, всеми силами пытаюсь спрятаться от себя самого. Каждый день ему приходилось осторожно бродить в поисках пропитания и припасов, а ночью трястись в животном ужасе, ожидая, что неизвестный преследователь вот-вот настигнет его. И эта ночь не была исключением. Ветер бушевал так, словно всерьёз вознамерился сорвать и без того хлипкую крышу. Тени за окном ходили ходуном, как неясная тёмная масса, стремящаяся поглотить его в своей пучине. Дождь стучал по крыше, снова и снова требуя приюта, но он не открывал, затаясь, всеми силами убеждая себя, что разыгравшаяся стихия не имеет ничего общего с его собственными кошмарами.

Он видел всякое: жутких чудовищ, смерти, погоню и самое страшное: жестокий взгляд знакомых зеленоватых глаз, без слов обещающий ему все муки этого мира. И он боялся, боялся встретиться с обладателем этих глаз, понимая, что после этой встречи у него не останется не единого шанса уйти невредимым.

Снаружи слышался стук копыт. Нет, это ветер, обязательно ветер гоняет засохшие сучья по порогу! Чьи-то шаги уверенно ступили на крыльцо. Он сжался, всеми силами отгоняя от себя навалившийся кошмар. Сколько раз ему уже казалось, что кто-то пришёл за ним, и каждый раз всё оказывалось сном или видением, вызванным призраками ночи. И этот раз не исключение! Всё развеется с наступлением утра! Там никого нет! Там никого нет...

Но словно в насмешку шаги стали ещё громче. С невероятным грохотом входная дверь слетела с петель, рухнув на пол небольшой комнаты, в углу которой сжался до смерти напуганный человек. Высокая фигура вступила в дом. Блеклый свет масляной лампы осветил немного отросшие светлые волосы и тёмные, отливающие зеленью, глаза, на дне которых плескалось возмездие и жестокость. Его собственный вестник смерти пришёл за ним. Как бы он ни прятался, тот всё равно настиг его. Теперь это не было видением, это был оживший кошмар: среди комнаты стоял человек, которого он боялся больше всего на свете, и от одного вида которого был способен оцепенеть, как добыча перед хищником. Это был он, и ярость, волнами исходящая от вошедшего, только подтверждала это. Он был здесь, он нашёл его, потому что ничто в целом мире не способно укрыться от Великого Наместника дома Морзано. Керлиндер Морзано, а это был именно он, явился перед ним, чтобы вершить то, что давно уже должно было настигнуть затаившегося беглеца.

- Адрии

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.